

Ж.О. Благорожева, И.С. Шаповалова

**МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ
СТРАТЕГИИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ**

Монография

Белгород 2025

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Ж.О. Благорожева, И.С. Шаповалова

**МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ**

Монография

Белгород 2025

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.542.15

Ш 24

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (протокол № 6 от 08.09.2025)

Рецензенты:

Н.С. Данакин, доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии и управления БГТУ им. В.Г. Шухова;

С.В. Хашаева, доктор социологических наук, доцент кафедры
социологии и организации работы с молодежью института общественных наук
и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ»

Шаповалова И.С.

Ш 24 Матримониальные стратегии региональной молодежи: монография / И.С. Шаповалова, Ж.О. Благорожева. – Белгород: ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2025. – 151 с. – URL : <http://dspace.bsuedu.ru/handle/123456789/65454>. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-9571-3913-3

В монографии рассматриваются теоретические и эмпирические аспекты исследования матримониальных стратегий молодежи. Предложены концептуальные основы исследования, верифицированные в рассмотрении типологии, диспозиций и динамики матримониальных стратегий молодежи Белгородской области. Рассмотрен вопрос преломления матримониальных стратегий молодежи в системе жизненного планирования, а также проблема формирования и реализации матримониальных стратегий региональной молодежи в контексте государственной социальной и молодежной политики. Эмпирическую основу монографии составили результаты прикладных социологических исследований, реализованных участниками авторского коллектива. В качестве эмпирического базиса выступают данные социологический исследований «Жизненные стратегии региональной молодежи» и «Матримониальные стратегии региональной молодежи», реализованных Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета в конце 2023 – начале 2024 года. Книга предназначена для студентов, аспирантов, сотрудников, преподавателей высших и средних профессиональных учебных заведений, работников управления всех уровней системы образования и молодежных организаций, администраций регионов и органов местного самоуправления. Монография публикуется в авторской редакции.

Монография подготовлена в рамках выполнения Государственного задания FZWG-2023- 0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства», 2023-2025 гг.

Минимальные системные требования
Yandex (20.12.1) или Google Chrome (87.0.4280.141) и т. п.
скорость подключения – не менее 5 Мб/с, Adobe Reader и т. п.

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.542.15

ISBN 978-5-9571-3913-3

© Шаповалова И.С., Благорожева Ж.О., 2025

© НИУ «БелГУ», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Теоретико-методологические основы изучения матримониальных стратегий молодежи	11
1.1. Теоретические подходы к изучению матримониальных стратегий	11
1.2. Концептуализация социологического исследования матримониальных стратегий молодежи	40
Глава II. Матримониальные стратегии региональной молодежи в условиях трансформации современной реальности	58
2.1. Матримониальные стратегии региональной молодежи: типология, диспозиции, динамика	58
2.2. Матримониальные стратегии в системе жизненного планирования региональной молодежи	83
2.3. Формирование и реализация матримониальных стратегий региональной молодежи в контексте государственной социальной и молодежной политики	104
Заключение	126
Приложения	130
Список литературы	137

ВВЕДЕНИЕ

Молодежь как социальная группа, включающаяся во все виды воспроизводства человеческого капитала, составляет фундамент социально-экономического и демографического благополучия государства, вызывая интерес с точки зрения статического и прогнозного компонентов. Матримониальные стратегии молодежи, формирующие ее матримониальные отношения, устремления и поведение, являются актуальным объектом как демографических, так и социологических исследований. Реализация молодыми людьми матримониальных стратегий обеспечивает непрерывность демографического роста числа народонаселения страны и региона.

Эффективные матримониальные стратегии молодежи способны оказать нивелирующее воздействие на существующий демографический кризис (связанный со снижением рождаемости, старением населения, высокими показателями внешней миграции). На основании этого строится политика государственной поддержки, реализованная в направлении молодежи (национальный проект «Молодежь и дети») и семьи (национальный проект «Демография»), раскрывающаяся в отраслевых, региональных и муниципальных программах. Помощь, содействие, поддержка в реализации матримониальных стратегий молодежи становится важнейшей задачей для всех уровней государственной политики страны.

Под влиянием социальных, экономических и политических трансформаций в обществе происходит изменение матримониальных стратегий молодежи, характеризующееся формированием новых установок, семейно-брачных отношений, моделей поведения и особенностей жизненного планирования. Такие трансформации формируют неблагоприятные горизонты прогноза демографического будущего и безусловно влияют на социальную политику государства, в том числе и в вопросе воспроизводства национального человеческого капитала. Данные тенденции, обусловленные в том числе и воздействием современных матримониальных идеологий, требуют особенного внимания и изучения.

Системная значимость формирования и реализации матримониальных стратегий молодежи для национальной политики, формирует необходимость и их системного изучения, поскольку недостаточно иметь только представление о статистических показателях. Для осуществления демографического прогноза, для предложения программ поддержки и помощи в реализации матримониальных стратегий, для введения мероприятий их коррекции через воздействие социализационных институтов, необходим комплексный анализ их трансформации в условиях изменяющейся социальной ситуации (ее возможностей и рисков), специфики их формирования для разных групп молодежи, изучение проблемных полей и рисков тенденций.

Тема семейно-брачных отношений привлекает внимание многих исследователей в области социологии и смежных с ней наук. Социологический подход рассматривает семью и брак как социальные

институты и фокусирует внимание на совместной жизнедеятельности членов семьи. Семейно-бытовые формы функционирования общества изучали основатели социологической теории О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер¹.

В середине XIX века антрополог и этнограф Л. Морган, длительное время изучавший общественное устройство и семейный быт американских индейцев, создал целую отрасль социологии, посвященную семье. Выделение данной отрасли в специальную социологическую теорию произошло уже в середине XX века, когда был накоплен богатый теоретический и практический материал по семейной проблематике благодаря работам Э. Гидденса, В. Гуда, Т. Парсонса, Д. Попеное, Л. Русселя². В данном направлении весьма значимы работы М. Ковалевского, Ф. Ле Пле, К. Маркса, П. Сорокина, Ф. Энгельса³.

Отечественные исследования в сфере брачно-семейных отношений заложены А.Г. Харчевым, обозначившим семью как социальный институт и социальную группу в фокусе структурно-функциональной парадигмы⁴.

Современные исследователи рассматривают брачно-семейные отношения с двух позиций: с позиции кризиса моногамной семьи (А.И. Антонов, М.Ю. Арутюнян, А.В. Артюхов, В.М. Медков, И.Ю. Шилов)⁵; и с позиции трансформации социальных семейных структур (С.И. Голод, А.Г. Вишневский, Т.А. Гурко, А.А. Клецин, А.Р. Михеева)⁶.

¹ Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). СПб., 1910; Спенсер Г. Основания социологии. Т. 2, Т.4. СПб., 1898; Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1991. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

² Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 1. С. 57-82; Гуд У. Социология семьи // Социология сегодня: Проблемы и перспективы. М., 1965; Попеное Д. Упадок американской семьи (1969-1990): обзор и оценка // Вестн. МГУ. Сер. Социология и политология, 1996. № 3. С. 71.

³ Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Т.3. Москва, 1985; Ле-Пле, Ф. Основная конституция человеческого рода. Москва, 1897.

⁴ Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы. Москва, 1978.

⁵ Антонов А.И. Микросоциология семьи. Москва, 1998, Шилов И.Ю. Фамилистика: психология и педагогика семьи. СПб., 2000.

⁶ Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России и ее противоречия // Мир России. 1999. № 4. С.5-21; Голод С.И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3-4. С.15-20; Голод С.И., Клецин А.А. Состояние и перспективы развития семьи. Теоретико-типологический анализ. Эмпирическое обоснование. СПб., 1994., Гурко Т.А. Трансформация института семьи: постановка проблемы // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 31-54; Михеева А.Р. Сожительства и внебрачная рождаемость: признаки кризиса или стабильности социального института семьи? // Семья в новых социально-экономических условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Н. Новгород. С. 127; Клецин А.А. Внебрачные и альтернативные (немодальные) семьи: формы и содержание // Рубеж (альманах социальных исследований). 1994. № 5. С. 166-179.

Проблема брачно-семейных отношений достаточно разнообразна. Вопросы семейной политики раскрыты З.Х. Саралиевой, Т.А. Свадьбиной, В.В. Солдовниковым, Р.Г. Стронгиным, Н.Р. Стронгиной, Т.В. Шеляг¹. Вопросы факторов стабильности брака и семьи рассмотрены Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозман, С.И. Голодом, Т.А. Гурко, Б.С. Павловым, Н.И. Разиковой, Н.П. Поливаевой, В.А. Сысенко, В.М. Целуйко, Ч.И. Ильдархановой, А.Н. Шевченко².

Статусу молодой семьи уделяли внимание Е.П. Васильев, Е.В. Шеховцов³. Мотивации создания молодой российской семьи достаточное внимание уделено в работах М.Я. Рудневой⁴. Проблемам молодой семьи посвящено исследование Н.Ю. Егоровой, Е.Е. Кутявиной⁵.

Незарегистрированной форме семейно-брачных отношений, как важной альтернативе матримониальных стратегий уделяют внимание Я.В. Беляева, Т.А. Богданова, Е. Вовк, Ю.С. Воеводина, Т.А. Долбик-Воробей, Н.Ю. Егорова, Л.В. Карцева, А.В. Ковалева, А.С. Щукина, Ю.М. Черепухин⁶. В этой же связи, отношение молодежи к

¹ Свадьбина Т.В., Любимова А.Б. Современная семья: методология, проблемы, перспективы. Н. Новгород, 2005; Саралиева З.Х. Нижегородская семья // Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития. Н. Новгород, 2008; Солдовников В.В. Социально дезадаптивная семья в контексте общественного мнения // Социологические исследования. 2004. № 6. С.76-85; Стронгин Р.Г., Стронгина Н.Р. Семейная политика: проблемы и перспективы. Н. Новгород, 1999.

² Гурко Т.А. Особенности брачного выбора россиян в начале 90-х // Семья в России. 1997. № 3. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=569> (дата обращения 03.03.2024); Сысенко В.А. Психодиагностика супружеских отношений. Москва, 1998; Павлов Б. С., Разикова Н. И. Супружеская ссора как предмет социологического анализа // Дискуссия. 2013. №3 (33). С.68-75. Целуйко В.М. Современная семья: социально-психологические и этические проблемы. Волгоград, 2001; Ильдарханова Ч.И. Социальная реальность сельской семьи в Республике Татарстан: муниципальное измерение // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. №4. С. 23-34; Шевченко А.Н. Семья в условиях трансформации современного российского общества: социологический анализ автореф. дис. канд. социол. наук. Новочеркасск, 2011.

³ Васильев, Е.П. Статус молодой семьи в современном российском обществе: автореф. канд. социол. наук. Москва, 2007; Шеховцов, Е.В. Современная российская студенческая семья: социокультурный анализ автореф. канд. социол. наук. Ставрополь, 2009.

⁴ Руднева, М. Я. Мотивация создания и функционирование молодой семьи в современной России: на материалах Московской области автореф. дис. канд. социол. наук. Москва, 2006.

⁵ Егорова Н.Ю., Кутявина Е.Е. Молодая семья в контексте социологических исследований // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики : под редакцией С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской Т.К. Москва, 2019. С. 146-151.

⁶ Воеводина, Ю.С. Незарегистрированный брак как социальный механизм формирования брачно-семейных отношений в российском обществе: методология социологического анализа: автореф. дис. канд. социол. наук. Москва, 2009; Долбик-Воробей Т.А. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости // Социологические исследования. 2003. № 11. С.78-83; Ковалева А.В. Трансформация понятия «гражданский брак» как проявление кризиса семейно-брачных отношений автореф. дис. канд. социол. наук. Хабаровск, 2009.

незарегистрированному браку изучали Я.В. Беляева, Е.Н. Касаркина, Е.Е. Ледяйкин, Д.А. Тихомиров, М.В. Щербакова¹.

Важным в социальном плане вопросам институционализации отношений сожительства посвящены исследования Н.Ю. Егорова², а проблемы взаимоотношений супругов в незарегистрированном браке раскрывает Н.Н. Лидовская³.

Важнейшими факторами формирования матримониальных установок и, как их следствие, матримониальных стратегий, становятся культурные предпосылки, культурный менталитет. Вопросы матримониальных отношений в контексте межстрановых сравнений раскрыли такие исследователи, как А.А. Артамонова, Е. Митрофанова, в культурном контексте – С.П. Пельменева, в гендерном – Ю.Г. Миронова, А.В. Седен⁴.

Объектом исследования в рамках данной монографии является молодежь, в связи с чем, особый интерес представляют исследования Е.А. Гришиной, Ю.А. Зубок, Г.В. Осипова, Ж.Т. Тощенко и др⁵, а также те исследования, которые посвящены в контексте темы изучению отдельных групп молодежи, например, студенческой (Н.Ю. Егорова, З.Х.М. Саралиева, Е.С. Рябинская, Я.В. Дидковская, Ю.Р. Вишневецкий, Д.В. Трынов, Т.Г. Софронова, Т.Д. Косинцева, А.А. Колтунова, О.В. Якупова) и работающей (Л.А. Гуринович, Е.В. Решетникова, П.П. Люберцев)⁶.

¹ Тихомиров Д.А. Динамика отношения московской молодежи к сожительству (на основе эмпирических исследований 2009-2017 гг.) // Закон. Понимание. Умение. 2018. № 3.

² Егорова Н. Ю. Институционализация отношений сожительства: автореф. дис. канд. социол. наук. Н. Новгород, 2004.

³ Лидовская, Н.Н. Взаимоотношения супругов в незарегистрированном браке автореф. дис. канд. психол. Наук. Санкт-Петербург, 2007.

⁴ Артамонова А.А., Митрофанова Е. Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев. URL: <file:///D:/Downloads/7711-%23%23default.genres.article%23%23-10608-1-10-20180428.pdf>. (дата обращения 03.03.2024).

⁵ Антонова Н.В. Брачный выбор: поворот к рационализации // Дискуссия. 2017. № 8. С. 44-47; Рощина Я.М., Рощин С.Ю. Брачный рынок в России: выбор партнера и факторы успеха. Москва, 2006; Чистякова Т.С. Ценность информации в ситуации выбора брачного партнера // Социология и социальная работа. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 3 (8).

⁶ Саралиева З.Х.М., Егорова Н.Ю., Рябинская Е.С. Брак и семья студентов в условиях трансформации // Вестник Южно-российского государственного технического университета (НПИ). Серия: социально-экономические науки. 2022. Т.15. №1. С. 193-208; Дидковская Я. В., Вишневецкий Ю. Р., Трынов Д. В. Студенчество индустриальных регионов России: социальное самочувствие и образ будущего (на примере Свердловской области и Пермского края) // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2020. №1. С.8-23; Софронова Т.Г. Матримониальное поведение студенческой молодежи в России: автореферат дис. кандидата экономических наук. Москва, 2011; Косинцева Т.Д., Колтунова А.А. Жизненный мир российской студенческой молодежи // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennyu-mir-rossiyskoy-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения: 03.03.2024); Якупова О. В. Особенности студенческой молодежи // Система ценностей современного общества. 2009. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения:

Матримониальное поведение и стратегии молодежи напрямую связаны с ценностными установками и здесь особенно интересны работы, посвященные изучению семейных ценностей современной молодежи, таких исследователей как Ф.Б. Бурханова, Н.Ю. Егорова, Ю.Р. Вишневский, М.В. Ячменева, А.А. Исаев, Е.В. Михалев, Е.В. Титова, Ю.А. Евграфова, К. М. Завершинских, А.В. Симонова, Н.Ф. Дианова, Е.В. Каргаполова, И.А. Ковальчук, Б.С. Павлов, Е.И. Пронина, Л.П. Бердник, Д.А. Сарайкин, А.С. Петрова, Е.В. Лашук, А.А. Русанова, И.В. Романова, Л.А. Рожкова, А.Ш. Дубина, В.Р. Тлимашок¹.

Проблемам брачного выбора молодежи уделяли внимание Н.Л. Антонова, Н.Ю. Егорова, Л.Г. Король, Е.Н. Касаркина, Е.Е. Ледяйкина,

03.03.2024); Гуринович Л.А, Решетникова Е.В, Люберцев П.П. Жизненное пространство работающей молодежи // Социология. 2022. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennoe-prostranstvo-rabotayuschey-molodezhi> (дата обращения 03.03.2024).

¹ Бурханова Ф.Б. Семейные ценности населения Башкортостана на фоне других регионов// Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т.9. №2. С. 115-130; Егорова Н.Ю. Трансформации супружества в контексте семейных ценностей // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. №2. С.18-32; Вишневский Ю.Р, Ячменева М.В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. №5. С. 125-141; Исаев А.В, Михалев И.В, Титова Е.А. Формирование семейных ценностей в студенческой среде (социологический анализ) // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. №4. С 45-58; Евграфова Ю.А. Ценности современной молодежи и установки на семью и деторождение // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С.1213-1216; Завершинских К. М., Симонова А.В. Изучение ценностных ориентаций молодежи как особой социально-демографической категории // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. №3. С. 33-48; Каргаполова Е.В., Лашук И.В. Семья как ценность современного общества (по итогам социологических исследований в Астраханской области Российской Федерации и в республике Беларусь) // Социологический альманах, 2017. № 12. С.305-313; Романова И.В., Жанбаз О.О. Чайлдфри в контексте трансформации семейных отношений // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 12 (115). С.89-97; Ковальчук И.А. Приоритетность традиционных семейных ценностей для современной российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №4. С. 65-68; Павлов Б.С., Пронина Е.И., Бердник Л.П., Сарайкин Д.А. Матримониальная социализация тинейджеров в родительской семье: непреложные задачи и досадные препятствия (по результатам опросов на Урале 2000-2020 гг.) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2020. №4. С. 23-39; Русанова А.А. Семья как ценность и институт социального самоопределения студенческой молодежи // Russian Journal of Education and Psychology. 2012 № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-tsennost-i-institut-sotsialnogo-samoopredeleniya-studencheskoy-molodezhi/viewer> (дата обращения 03.03.2024).; Тлимашок В.Р., Дианова Н.Ф., Представления современной молодежи о семейно-брачных отношениях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-sovremennoy-molodezhi-o-semeyno-brachnyh-otnosheniyah> (дата обращения 03.03.2024); Чуев С.В. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования. Москва, 2017; Рожкова Л.В., Дубина А.Ш. Семейные ценности современной молодежи // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2023. №2. С.139-142.

И.В. Малимонов, И.Г. Синьковская, Д.В. Рахинский, Я.М. Рощина, С.Ю. Рошин, Т.С. Чистякова¹.

Матримониальные установки и поведение молодежи анализируются в работах Ю.Р. Вишневого, Я.В. Дидковской, О.Б. Зыряновой, Б.С. Павлова, Е.Н. Икингина, Е.И. Прониной².

Важным элементом матримониального поведения является репродуктивные установки молодежи, в связи с чем интерес представляют работы А.П. Багировой, О.М. Шубат, О.Н. Калачиковой, А.В. Короленко, З.Х. Каримовой, А.В. Поймалова, С.Ю. Сивоплясовой, Я.А. Скрыбиной, К.А. Шестакова³.

Нельзя оставлять без внимания и альтернативные матримониальные идеологии, широко представленные в западных странах, которые влияют на возникновение новых форм брачных отношений в молодежной среде, и, как

¹ Антонова Н.В., Щербакова М.В. Брачный выбор: поворот к рационализации // Дискуссия. 2017. № 8. С.44-47; Егорова Н.Ю. Практики студентов при выборе брачного партнера // Коммуникативные практики современной молодежи: перспективы и вызовы. Материалы Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2022. С. 305-308; Малимонов И.В., Король Л.Г., Синьковская И.Г., Рахинский Д.В. Проблема брачного поведения студенческой молодежи // Russian Journal of Education and Psychology. 2015 № 10. С.202-219; Чистякова Т.С. Ценность информации в ситуации выбора брачного партнера // Социология и социальная работа. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 3 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennost-informatsii-v-situatsii-vybora-brachnogo-partnera>. (дата обращения 03.03.2024); Касаркина Е.Н., Ледайкина Е.Е. Трансформация традиций выбора брачного партнера в культуре эрзян: социологический анализ // Казанский педагогический журнал. 2017. №2. С. 184-189.

² Вишневецкий Ю. Р., Дидковская Я. В., Зырянова О. Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40-55; Павлов Б.С., Икингин Е.Н., Пронина Е.И. Добрачное матримониальное поведение российских студентов как предмет социологического анализа // Socio Time / Социальное время. 2018. № 4(16). С. 64-82.

³ Багирова А. П., Шубат М.О. Семья и родительство сквозь призму мнений студенток // Социологические исследования. 2017. № 7(399). С. 126-131; Калачикова О.Н., Короленко А.В. Модели репродуктивного поведения населения (на материалах Вологодской области) // Народонаселение. 2018. №4. С. 109-121; Каримова, З.Х. Внебрачное репродуктивное поведение как объект социолого-демографического исследования автореф. дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2007; Малимонов И.В., Король Л.Г., Синьковская И.Г., Рахинский Д.В. Проблема брачного поведения студенческой молодежи // Russian Journal of Education and Psychology. 2015 № 10. С.202-219. Поймалов А.В. Репродуктивное поведение молодой семьи: социологический анализ автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пенза, 2010; Сивоплясова С.Ю. Репродуктивные установки молодежи на многодетность: закономерности и противоречия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т.15. №1. С. 223-242; Скрыбина, Я.А. Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформационной российской экономики автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Екатеринбург, 2011; Шестаков К.А. Аксиологический фактор репродуктивного поведения россиян тема автореф. канд. социол. наук. Москва, 2010; Чистякова Т.С. Информационный ресурс в стратегиях добрачных практик современной молодежи автореф. дис. канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2008.

следствие, возможности (возникновения рисков) ориентации на них в своем жизненном планировании. Чаще всего возникает внимание к феномену «чайлдфри» и добровольной бездетности, аспекты которых раскрыты Д.В. Белинской, В.А. Дюпра-Куштаниной, С.Ю. Лутошкиной, А.Г. Кисловым, Е.Н. Новоселовой и другими исследователями¹.

Несмотря на широкое исследовательское поле в изучении различных элементов и характеристик матримониальных стратегий молодежи, можно фиксировать некоторую фрагментарность научных интересов, отсутствие работ, посвященных их системному рассмотрению, в том числе с позиции включения в жизненное пространство реализации остальных социальных стратегий. Данная монография и исследования, представленные в ней, направлены на устранение противоречия между необходимостью системного изучения трансформации матримониальных стратегий российской молодежи для построения прогнозных социально-демографических сценариев и планирования национальной социально-демографической политики и недостаточным социологическим осмыслением их показателей и изменений в единой системе жизненного планирования и реализации молодежи. **Цель представленного материала** – получение системного представления о матримониальных стратегиях современной региональной молодежи.

¹ Белинская Д.В. Социальный портрет «чайлдфри» // Вестник Тамбовского университета. 2018. № 3. С.12-19; Кислов А.Г., Шапко И.В. Отношение студенческой молодежи Свердловской области к феномену «чайлдфри» // Научный диалог. 2016. № 2. С.362-373; Дюпра-Куштанина В.А., Лутошкина С.Ю. Женская бездетность и сценарии жизненного пути Женская бездетность и сценарии жизненного пути // Мир России. 2014. № 2. С. 183-203; Новоселова Е.Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 1. С.99-110.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТРИМОНИАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ МОЛОДЕЖИ

1.1. Теоретические подходы к изучению матримониальных стратегий

Матримониальные стратегии, главной целью и результатом которых становится создание успешной, крепкой семьи, поддержание семейных отношений, рождение и воспитание детей, по сути, являются фундаментальной основой реализации демографической национальной политики, а также гарантом формирования и сохранения традиций, обеспечивающих планомерный прирост населения, воспроизводство национального человеческого капитала. Показатели национальной демографии отражают результаты матримониальных стратегий и матримониального поведения молодежи, а также наглядно демонстрируют существующие проблемы, в том числе и в демографическом прогнозе, обозначая перспективу или риски, реализация которых может воздействовать на все сферы жизни – трудовую, экономическую, политическую и социальную.

Есть определенные демографические тенденции, которые вызывают обеспокоенность не только демографов, но и властных структур, заинтересованных в повышении численности населения. В контексте темы монографического исследования имеет смысл говорить о тех рискованных тенденциях в матримониальном поведении, которые связаны с показателями брачности населения. Так, количество заключенных браков на 1000 человек с 1990 года не поднимается выше 10, появляется устойчивая тенденция снижения по данной позиции. После 2015 года данный показатель значительно снизился и редко превышал 7 браков на 1000 населения. Некоторая положительная динамика появляется между с 2022 года (увеличение до 7,2, по сравнению, например, с 2021 годом, когда динамика составила 6,3), связанная, в том числе, с ответом на внешние вызовы (заключение браков среди мобилизованных и добровольных участников СВО) (Таблица 1.1.1).

Таблица 1.1.1 – Динамика брачности и разводимости в Российской Федерации (1950-2022 гг.)¹

Годы	Браки	Браки на 1000 человек населения
1950	1222971	12,0
1960	1499581	12,5
1970	1319227	10,1
1980	1464579	10,6
1990	1319928	8,9
1995	1075219	7,3
2000	897327	6,2
2001	1001589	6,9

¹ Демография / Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 25.04.2024).

2002	1019762	7,1
2003	1091778	7,5
2004	979667	6,8
2005	1066366	7,4
2006	1113562	7,8
2007	1262500	8,8
2008	1179007	8,3
2009	1199446	8,4
2010	1215066	8,5
2011	1316011	9,2
2012	1213598	8,5
2013	1225501	8,5
2014	1225985	8,4
2015	1161068	7,9
2016	985836	6,7
2017	1049735	7,1
2018	893039	6,1
2019	950167	6,5
2020	770857	5,3
2021	923550	6,3
2022	1053756	7,2

Не менее показательна и динамика разводов – на 1000 человек в 1950 году составляет 0,5, в 2022 – 4,7 – максимальное количество с 2014 года, и, если говорить по соотношению к количеству браков, – также близкий к максимальному процент (65,2%, выше только в 2018 (на 0,3%) и 2020 году (увеличение можно связать с пандемией Covid-19¹)).

Конечно, нельзя говорить об однородности данных показателей на столь большой территории, но, если обратить внимание на Белгородскую область (данные по территории которой послужили эмпирической базой монографического исследования), то она практически повторяет федеральную статистику – на 7,4 брака на 1000 человек в 2022 году приходится 4,3 разводов на 1000 человек. Если говорить о браках среди молодежи, на первый взгляд, показатели кажутся достаточно оптимистичными: в 2022 году брак зарегистрировали 7,1 тыс. мужчин и 7,5 тыс. женщин в возрасте 16-34 лет. Доля молодых невест и женихов составила 66,6% и 62,9% соответственно от общего числа вступивших в брак мужчин и женщин. Но, обратившись к аналогичной статистике 2021 и

¹ См.: Кулькова И.А. Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России // Human Progress. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-demograficheskie-protsessy-v-rossii> (дата обращения: 10.03.2024); Сивоплясова С.Ю. Влияние пандемии COVID-19 на брачность и разводимость в России // Народонаселение. 2023. №2. С.18-29; Manning W. D., Payne K.K. Marriage and divorce decline during the COVID-19 pandemic: A case study of five states // Socius. 2021. Т. 7. Pp. 10-15; Kaharu I. I. I., Muhdar J, Sybelle J.A., Budiono A. The High Rate of Divorce Amid The Covid-19 Pandemic: An Legal Empiric Observation // Yurispruden: Jurnal Fakultas Hukum Universitas Islam Malang. 2024. Т. 7. №. 1. Pp. 117-130.

2020 года, мы видим отрицательную динамику, так, в 2021 году доля невест и женихов молодых возрастов (моложе 35 лет) составила 73% и 68,3% соответственно, а в 2020 – 72,9% и 69,7%¹. Снижение данных процентных значений к 2022 году примерно на 6 пунктов по отношению к предыдущим годам (при повышении показателя общей брачности) может указывать как на общегенерационную тенденцию (связанную с изменением матримониальных стратегий в связи с увеличением в общей совокупности молодежи поколения Z), так и демонстрировать ответ на внешние вызовы и риски, возникновение дезадаптации, размывание горизонта планирования в связи с началом специальной военной операции.

Статистика результатов реализации репродуктивных установок и поведения также указывает нам на определенные проблемы, связанные с матримониальным поведением и стратегиями.

Во-первых, по результатам выборочных наблюдений Росстата, достаточно весомой является группа мужчин и женщин, не имеющая детей (34,17% и 33,19% соответственно), вместе с группой, где есть только один ребенок – для обоих полов эти группы составляют около 65% (Таблица 1.1.2). Для решения демографических задач (точнее, для решения стратегических задач посредством успешной демографической политики), преобладающее количество семей в России должны иметь более двух детей. Именно в связи с этим национальным ориентиром является семья с тремя детьми, количество которых на данный момент (на момент 2022 года) составляет порядка 6% от общей численности семей.

Таблица 1.1.2 – Распределение респондентов по числу рожденных детей (%) (2022 г.)²

Число рожденных детей	Женщины	Мужчины
0	33,19	34,17
1	34,20	30,78
2	24,97	26,51
3	6,08	6,85
4	1,15	1,24
5 и более	0,41	0,44

Во-вторых, матримониальные стратегии и соответственно поведение изменяются и в отношении увеличения возраста первого деторождения, появляется феномен «отсроченного деторождения», связанный, как правило, с карьерной реализацией женщины, с поиском своего места в жизни, с ее неготовностью иметь детей до 30 лет. В статистике выборочного наблюдения мы видим, что к 2018-2022 году средний возраст рождения первого ребенка вырос на 7 лет по сравнению с 1995-1999, относительно рождения второго и

¹ Демография / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области URL: <https://31.rosstat.gov.ru/naselenie> (дата обращения: 25.04.2024).

² Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения 25.04.2024).

третьего ребенка возрастной разрыв в динамике составил уже более 10 лет (Таблица 1.1.3).

Таблица 1.1.3 – Средний возраст матери при рождении детей в разные годы¹

Год рождения ребенка	Средний возраст матери при рождении:		
	первого ребенка	второго ребенка	третьего ребенка
1995-1999	19,54	20,04	20,50
2000-2004	21,89	23,21	24,41
2005-2009	23,50	26,02	26,35
2010-2014	25,32	28,44	29,86
2015-2017	26,49	29,83	31,88
2018-2022	26,75	30,51	33,09

Данный процесс имеет, безусловно, как свои плюсы, так и свои минусы: с одной стороны, появляется осознанная готовность к рождению и воспитанию детей, подготовка материальной базы, создание условий для более комфортного их существования; с другой стороны, более поздний срок начала деторождения и такой осознанный подход снижает вероятность рождения второго, третьего и последующих детей. И это подтверждает статистика динамики интервалов между рождениями детей (Таблица 1.1.4). Так, по отношению к периоду 1995-1999, в период 2018-2022 интервал увеличился в три раза и составил примерно 5 лет между рождением первого и второго ребенка.

Таблица 1.1.4 – Средний интервал между рождениями первого и второго ребенка при рождении второго ребенка в разные годы (месяцев)²

Годы рождения второго ребенка	Интервал между рождениями первого и второго ребенка
1995-1999	20,50
2000-2004	35,03
2005-2009	42,68
2010-2014	55,75
2015-2017	58,92
2018-2022	63,41

Безусловно, указанные проблемные тенденции могут быть несколько нивелированы в условиях конкретных территорий, что может быть обусловлено менталитетом, традициями, а также определенной спецификой матримониальных стратегий. Так, например, среднее количество детей у женщины, проживающей в сельской местности больше, нежели у женщины городов (см. Рисунок 1.1.1). Более старшее поколение женщин, живущих в сельской местности, достигает среднего значения в два ребенка, но это

¹ Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения 25.04.2024).

² Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения 25.04.2024).

поколение рожденных в 1960-1970 годы. Если посмотреть сравнение со средним регионом (Белгородская область), то становится очевидным, что несмотря на достаточную представленность сельских поселений в области, статистика по количеству детей скорее близка к городскому типу (в среднем по РФ). Это показывает определенную региональную специфику матримониальных стратегий, выравнивание матримониальных установок и их реализации для сельских и городских жителей.

Можно выделить определенные социальные страты женщин, детерминированные репродуктивными установками, которые обуславливают репродуктивное поведение в рамках матримониальных стратегий. По результатам некоторых исследований, значительная часть *женщин, имеющая высшее образование*, намерена обзавестись одним ребенком, реже – двумя детьми, либо вовсе не планируют их заводить. *Работающие женщины со средним образованием* чаще имеют намерение родить двух или трех детей, реже демонстрируют склонность к отказу от деторождения¹.

Сравнения показателей деторождения для городского, сельского и регионального населения (рожденные дети на 1000 женщин, 2022 г.)

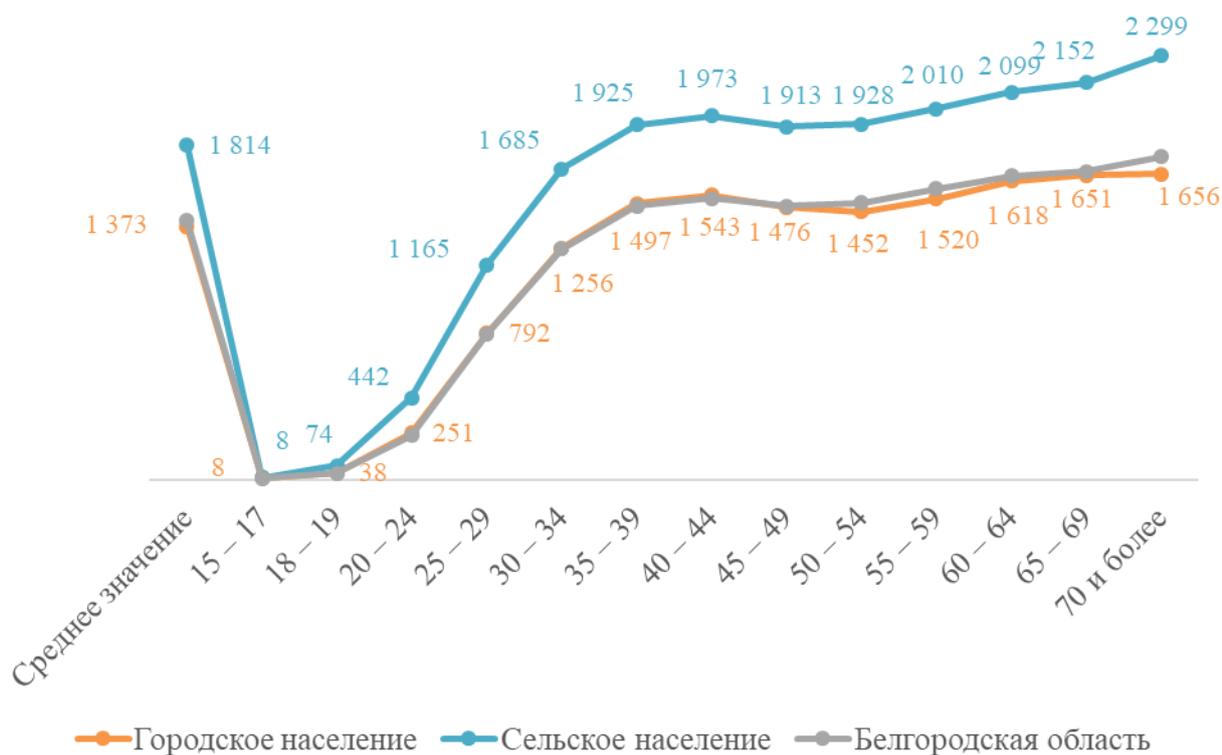

Рисунок 1.1.1 – Среднее число рожденных детей (на 1000 женщин)²

Обратимся к региональной статистике деторождения в молодом возрасте Белгородской области: с одной стороны, можно наблюдать

¹ Поймалов А.В. Репродуктивное поведение молодой семьи: социологический анализ автореф. дис. канд. социол. наук. Пенза, 2010. С. 11.

² Росстат. Итоги Всероссийской переписи населения 2020. Том 9. Рождаемость. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том9_Rozhdaemost (дата обращения 25.04.2024)

позитивные значения показателя репродуктивного поведения молодежи – в 2022 году у молодых матерей родилось 8,5 тыс. детей, или 78,9% от общего числа родившихся; с другой стороны – отрицательную динамику по отношению к двум предыдущим годам: в 2021 году у матерей в возрасте 14-34 лет родилось 9735 детей, или почти 80% от общего числа родившихся, а в 2020 году – 10 тыс. детей – 81,5% от общего числа родившихся¹. Таким образом, федеральные тенденции сохраняются и для ряда регионов.

Росстат представил демографический прогноз до 2046 года, рассчитанный с учетом результатов Всероссийской переписи населения, которая проводилась в октябре – ноябре 2021 года². Учтены текущие демографические тенденции и реализуемые органами власти разного уровня национальные проекты и федеральные программы, направленные на поддержку материнства и детства, а также иных социально уязвимых групп населения³. Рождаемость будет снижаться с 2023 по 2027 годы (в 2023 году родится 1 млн 244,5 тыс. младенцев, а в 2027 – году лишь 1 млн 140,4 тыс. младенцев) и начнет расти с 2028 года. В 2045 году прогнозируется рождаемость в размере 1 млн 426,2 тыс. младенцев.

Таким образом, число родившихся на тысячу населения вырастет с 8,5 в 2023 году до 10,3 в 2045 году. Суммарный коэффициент рождаемости вырастет с 2023 года на 0,292 и составит в 2045 году 1,663 (число детей в расчете на одну женщину). И это усредненный вариант прогноза, который предполагает также позитивный и негативный сценарий. Но, в любом случае, понижающиеся тенденции брачности и деторождения, которые предполагается преломить к 2028 году, необходимо контролировать через реализующиеся и формируемые матримониальные стратегии прежде всего молодых людей 16-35 летнего возраста.

Матримониальные стратегии являются комплексным, системным понятием, к которому, как правило, обращаются ученые, исследующие исторический аспект матримониальных традиций разных исторических эпох, сословий и социальных групп⁴. Такие исследования интересны, прежде всего, с позиции истории, культурологии, выстраивают портрет эпохи, в

¹ Демография / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области URL: <https://31.rosstat.gov.ru/naselenie> (дата обращения 25.04.2024).

² Демография / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области URL: <https://31.rosstat.gov.ru/naselenie> (дата обращения 25.04.2024).

³ Демографический прогноз составлен без учета населения, проживающего в новых регионах России (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская и Херсонская области).

⁴ Матисон А.В. Матримониальные стратегии православного духовенства Центральной России в конце XVIII века (по материалам Тверской епархии). Москва, 2018. С.15; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Знатная вдова в средневековой Скандинавии и на Руси: матримониальные стратегии и легенды власти // Палеоросия. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znatnaya-vdova-v-srednevekovoy-skandinavii-i-na-rusi-matrimonialnye-strategii-i-legendy-vlasti> (дата обращения: 26.04.2024); Бурдьё П. Земля и матримониальные стратегии // Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб., 2001. С. 286.

традиции и ментальность которой органично встраиваются матримониальные стратегии. Исследование матримониальных стратегий в этом ракурсе дает некоторое представление и о системе социальных, социально-экономических отношений. Так, П. Бурдьё в книге «Практический смысл» пишет: «Матримониальные стратегии неотделимы от стратегий наследования, стратегий деторождения или даже педагогических стратегий, т.е. от совокупности стратегий биологического, культурного и социального воспроизводства, которые всякая группа задействует, чтобы передать следующему поколению в сохраненном или приумноженном виде унаследованные власть и привилегии. В основе этих матримониальных стратегий лежит не дух расчета, не механистический детерминизм экономической необходимости, а диспозиции, внушенные условиями существования, своего рода социально сконструированный инстинкт, который склоняет переживать как безусловное веление долга или как непреодолимое влечение чувства, поддающиеся объективному расчету требования особой формы экономики»¹. Важным моментом в данном фрагменте является акцент на фундаментальной основе матримониальных стратегий по отношению ко всем видам воспроизводства (биологическому, культурному и социальному), что не просто подчеркивает их значимость и актуальность изучения, но и показывает систему связей, лежащих в основе их формирования.

Существуют следующие подходы, которые можно использовать в установлении акцентов исследования матримониальных стратегий (Рисунок 1.1.2):

Рисунок 1.1.2 – Подходы к изучению матримониальных отношений

¹ Бурдьё П. Земля и матримониальные стратегии // Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб., 2001. С. 286.

- исторический подход (Ж.Ф. Лафито, Дж. Милар, И.Я. Баховен, Жж. Мак-Ленан, М. Ковалевский и др.), согласно которому социальную сущность семьи невозможно познать без исторического контекста;
- эволюционный подход (Л.Г. Морган, Г. Спенсер, Ю.И. Семенов), характеризующийся определенной последовательностью исторических форм семьи и брака, факторным анализом семьи;
- структурно-функциональный (Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, Дж. Мердок, К. Циммерман, П. Сорокин), предполагающий поиск общего знаменателя для всех исторически сложившихся типов семьи, анализ семейно-брачного взаимодействия и взаимосвязи социокультурных ролей;
- эмпирический подход (Ф. Ле Пле, Э. Энгель), акцентирующий внимание на семье как малой социальной группе, которая и функционирует, и распадается;
- этологический (Ч. Дарвин, В. Дольник); анализирующий латентные инстинктивные детерминанты человеческого поведения;
- сциенистский подход, направленный на изучение взаимосвязей личности и общества в процессе интерперсональных связей, межличностных коммуникаций (Л.А.Ж. Кетле, Д.С. Милль);
- социально-психологический подход (Э. Берджес, Ч. Кули, Ж. Пиаже, З. Фрейд), уделяющий внимание изучению эмоциональной близости, потребностей и намерений брачных партнеров;
- социобиологический (П. Бердж, К. МакДональд, Э. Уилсон), подчеркивающий ведущую и определяющую роль воспроизводственной функции семьи;
- экономический (Г. Беккер, Р. Поллак, О. Уильямсон), трактующий создание семьи и заключение брака по аналогии с созданием партнерской фирмы, а решение иметь детей – с инвестиционными решениями, принимаемыми рациональными агентами;
- гуманистический подход (А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм, В. Франкл,) основанный на утверждении о том, что человек стремится к самоактуализации посредством творчества, самодостаточности. В семейных отношениях это проявляется в заботе, ответственности, уважении; переживании единства с партнером;
- системный подход (М. Боуэн, Р. Винч, О.А. Карабанова) согласно которому супружеские отношения характеризуются произвольным выбором брачного партнера,
- институциональный подход (М. Вебер, Э. Дюркгейм), в соответствии с которым молодая семья является социальным институтом;
- деятельностный (М. Вебер, У. Гуд, О. Конт, Т. Парсонс, П. Сорокин), изучающий брачно-семейные, репродуктивные установки молодых семей;
- конфликтологический подход (Г. Зиммель, Р. Дарендорф), придающий центральное значение изучению конфликтов между брачными партнерами с одной стороны, семьей и обществом – с другой стороны. Семья является некоей ареной противоборства, конфликтов, причинами которой

являются перераспределение средств, ведение домашнего хозяйства, воспитание детей;

– интеракционистский подход (Д. Мид, Г. Блумер, Д. Хоманс), согласно которому взаимодействие (интеракция) партнеров есть некоторый обмен социально значимыми ценностями.

В рамках исследования мы придерживаемся комплексного подхода, синтезирующего аспекты институционального, структурно-функционального и деятельностного подходов, которые наиболее полно позволяют раскрыть специфику исследования матримониальных стратегий.

Институциональный подход: в рамках данного подхода брак и семья (молодая семья) рассматриваются как социальные институты. Будучи социальными институтами, брак и семья выполняют определённые функции (репродуктивную, регулятивную, воспитательную, сексуальную, эмоциональную), кроме того данные институты транслируют определённые ценности и нормы, они включаются в процесс социализации. По мнению А.И. Антонова и В.М. Медкова, функционирование семьи как социального института обусловлено потребностями социальной системы, заинтересованной в сохранении человечества, общности, нации. Семья не может не существовать, она не может быть заменена какой-либо иной формой организации. В семье в равной мере заинтересованы личность, общности разного рода и общество в целом¹. Рассмотрение семьи и брака, как социального института особенно важно в настоящее время, в аспекте трансформации их функций, содержания, ролей, норм.

Важно подчеркнуть, что институт семьи и брака является основой системы воспроизводства человеческого капитала во всех его смыслах, социального и культурного капиталов, а также не может быть исключен и из экономического воспроизводства. Таким образом, важность обеспечения эффективного функционирования этого института обусловлена его фундаментальной значимостью в развитии государства в целом. И неслучайно, данный вопрос является основным в формировании государственной политики и отражается в мероприятиях всех ее направлений.

Для нашего исследования также важно понимать и структуру института семьи и брака, которая, по сути, обеспечивает разные варианты матримониальных стратегий, а также возможные этапы их реализации. И здесь можно выделить институт добрачных отношений, институт брака, институт материнства, институт отцовства, институт детства и институт развода.

Структурно-функциональный подход к изучению матримониальных стратегий позволяет рассмотреть их как систему взаимосвязанных элементов, имеющих определённые функции в построении матримониальных отношений на протяжении всей жизни человека. Одновременно с этим, в широком ракурсе восприятия, данный подход позволяет рассматривать

¹ Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. Москва, 1996. С. 102.

матримониальные стратегии в общественной системе в качестве структурного элемента, выполняющего определенные функции, связанные прежде всего с воспроизводством человеческого, культурного и социального капитала.

Деятельностный подход дает возможность рассматривать матримониальные стратегии как определённый процесс деятельности индивидов, как последовательность деятельностных этапов, среди которых можно выделить: формирование матримониальных установок, ценностей и моделей поведения, выбор брачного партнера, вступление в брачные отношения (с учетом разнообразия их форм), функционирование семьи (протяженный этап), деторождение (включенный этап). Три первых этапа являются обязательными в жизни каждого индивида. Деторождение и собственно создание полноценной семьи являются, в нормативном плане, ориентиром, но не гарантированным результатом реализации стратегий. И, хотя, в идеальном варианте процесс реализации матримониальных стратегий линейен, чаще всего он представляется циклом, так как на каждом из этапов может включаться возвратный механизм, обращенный к корректировке матримониальных установок, ценностей и моделей поведения, что запускает процесс заново, или с этапа обращения за коррекцией, независимо от объективных результатов, достигнутых на каждом этапе (наличие детей, семьи – в случае развода происходит корректировка первого этапа и выход во второй этап вновь, или возврат на этап функционирования семьи уже без партнера).

Рисунок 1.1.3 – Модель воспроизводства матримониальных стратегий

Такую цикличность и этапность в реализации матримониальных стратегиях можно назвать их воспроизводством (Рисунок 1.1.3). Таким образом, *воспроизводство матримониальных стратегий* – циклично самоорганизованный процесс реализации этапов формирования матримониальных отношений в течении жизни индивида, с сохранением результатов каждого этапа в ресурсном, социальном и культурном капитале

человека. Под *ресурсным капиталом* мы понимаем объективные результаты, полученные в ходе реализации матримониальных стратегий (дети, имущество, социальная ситуация и т.д.); социальный капитал рассматривается как система социальных связей и отношений, возникающих в процессе реализации матримониальных стратегий; культурный капитал здесь представлен как система знаний, навыков, представлений (а также опыта), формируемых на каждом этапе воспроизводственного цикла. Процесс воспроизводства матримониальных стратегий является самоорганизованным, так как является целенаправленной деятельностью человека по реализации матримониальных целей, для удовлетворения собственных потребностей.

Анализ и возможности научных подходов в исследовании матримониальных стратегий, позволяют сформулировать собственное понятие *матримониальных стратегий*, под которыми предлагаем понимать формируемый и реализуемый в определенных условиях комплекс матримониальных установок и мотивов, ценностных диспозиций, моделей поведения, жизненного планирования и выборов, связанных с матримониальными отношениями.

На основе предложенного определения становится возможным говорить и о структуре матримониальных стратегий: мы выделяем три структурных комплекса – ценностно-мотивационный, поведенческий и факторный (Рисунок 1.1.4).

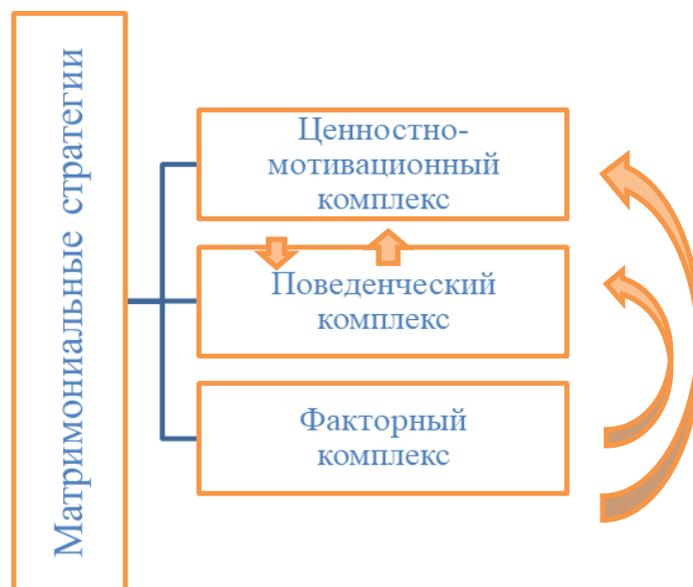

Рисунок 1.1.4 – Структурная основа матримониальных стратегий

Ценностно-мотивационный структурный комплекс матримониальных стратегий включает матримониальные установки, ценности и мотивы, формирующие наборы факторов принятия матримониальных решений, матримониальные планы (систему жизненного планирования в матримониальной сфере) и реализуемые в поведенческих моделях индивида.

Поведенческий структурный комплекс представляет собой образцы матримониального поведения, складывающиеся в поведенческие модели, а

также реальный опыт матримониального поведения, на основе которого происходит коррекция и реформирование матримониальных установок и ценностей.

Факторный комплекс представляет собой набор разнонаправленных факторов, влияющих на процесс формирования матримониальных ценностей, установок, мотивов, поведенческих моделей, осуществление жизненных матримониальных планов, в своей конвергенции создающих условия реализации матримониальных стратегий.

Рассмотрим подробнее структуру матримониальных стратегий в контексте ее структурных комплексов.

Основным структурным комплексом матримониальных стратегий является *ценностно-мотивационный*, включающий матримониальные установки, ценности и мотивы. Основой матримониального поведения и в целом матримониальных стратегий, являются *матримониальные установки*, набор которых можно представить в виде следующей структуры (Рисунок 1.1.5).

Рисунок 1.1.5 – Структура матримониальных установок

Каждая из представленных установок имеет определенную направленность:

1. Установки на брачность, которые опосредуют действия человека, направленные на поиск и выбор брачного партнёра, а также заключение официального брака;

2. Установки на сожительство, которые определяют действия человека, направленные на поиск и выбор брачного партнёра, однако потребности в заключении официального брака не включают;

3. Установки на разводимость, которые являются триггером целенаправленных действий человека на расторжение брака;

4. Установки на повторный брак, которые опосредуют действия индивида на заключение нескольких брачных союзов;

5. Установки на отказ от брака, которые опосредуют выбор человека в пользу одиночества;

6. Репродуктивные установки предполагают нацеленность на рождение и воспитание детей.

Рисунок 1.1.6 – Структура репродуктивных установок в системе матримониального поведения

Одним из самых значимых в демографическом плане видов установок являются *репродуктивные установки*. Репродуктивные установки имеют сложную многоуровневую структуру, в которой можно выделить следующие уровни (см. Рисунок 1.1.6):

– ценностно-диспозиционный уровень, предполагающий определенную направленность ценностных ориентаций на рождение детей, либо, напротив, на нежелание их иметь;

– мотивационный уровень, для которого характерно наличие конкретных мотивов к рождению и воспитанию детей;

– интерактивный уровень, связанный с взаимодействием супругов или партнеров в отношении рождения и воспитания детей;

– нормативный уровень, включающий групповые и личностные нормы, выступающие регуляторами репродуктивного поведения;

– деятельностно-поведенческий уровень, предполагающий поведенческую активность, направленную на продолжение рода, рождение и воспитание детей.

В основе проявления матримониальных установок лежит система *ценностей* личности. В отношении матримониальной сферы учеными (С.П. Пельменова, Н.И. Скок, А.В. Артамонова, Е.С. Митрофанова)¹ выделяются традиционные и нетрадиционные ценности. *Традиционные ценности* ориентированы на сохранение и воспроизводство сложившихся норм жизни, можно сказать, что сформированность таких ценностей приводит к наиболее благополучному демографическому состоянию государства, обеспечивая все виды воспроизводства, и, как результирующий итог прирост и качество национального человеческого капитала. Среди ведущих традиционных ценностей можно назвать любовь, благополучие, верность партнеру, семью, детей и т.д. *Нетрадиционными* можно считать ценности, являющиеся откликом на сложившиеся изменения в общественной жизни или в главных её сферах, которые могут иметь разный уровень глобальности и затрагивать поверхностный уровень (ценности реакции) или более фундаментальный. К нетрадиционным ценностям относится превалирование потребности в получении удовольствий (гедонизм) во взаимоотношении полов, потребительское отношение к партнеру, искажение гендерных норм и ролей, свобода самовыражения (в отношении выбора форм брачных отношений), не ограниченная моралью и нравственностью сексуальность и т.д.

Матримониальные ценности образуют ценностные комплексы, которые связаны с деятельностными этапами воспроизводства матримониальных стратегий:

- ценности, связанные с поиском и выбором брачного партнера, которые обуславливают его социально-психологический портрет, критерии требований и оценки поведения. Такие ценности могут быть сформированы на основе социализации, опыта, сложных психологических механизмов, связанных в том числе с психологическими особенностями самой личности (психологическая защита, психологические барьеры, психологические акцентуации). Но существенную роль играют и внешние факторы – общественное мнение (в широком и узком смысле (общество и ближний круг коммуникаций индивида)), социально одобряемые образцы современности, рациональный подход к определению адекватных требований к партнеру. Часто данная часть системы ценностей имеет низкую интериоризацию для человека и не может быть реализована в действительности, выступая как социальное намерение. Именно поэтому, при диагностике ценностных намерений, используемых в поиске брачного партнера мы можем видеть одну ситуацию, а при диагностике ценностных характеристик существующих партнеров – иную. Такой дисбаланс, внутренний конфликт рационального и эмоционального, является триггером, запускающим нежелательные матримониальные

¹ Пельменова С.П. Культура матримониального поведения как социальный феномен // Вестник ЗабГУ. 2010. № 8. С. 110-114; Скок Н.И Социологический подход к семейным ценностям молодежи // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2018. № 1. С. 76-80; Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев // Демографическое обозрение. 2018. № 1.

стратегии (связанные с либеральными и промискуитетными моделями поведения, стратегиями безбрачия, развода и т.д.);

- ценности, связанные с матримониальными отношениями, способствуют выбору формы матримониального поведения, формы брачных отношений, и, в идеале, становятся основой выбора для вступления в брак – как наиболее ценной формы, ценностные преимущества которой должны быть очевидны для человека. Ценности для данного этапа также формируются под влиянием институтов социализации, закладываются референтными лицами и социальными группами. Но, одновременно с этим, либерализация взглядов на матримониальные отношения расширяет горизонт выбора и ценностные наборы для данного действия могут трансформироваться в разные формы. Не всегда ценности для данного этапа приводят к желаемой брачной форме – конфликт ценностей партнеров, их разная брачная ориентация формирует временный или конформный выбор, нередко приводящий к реализации неэффективных матримониальных стратегий;

- ценности семьи и семейных отношений оказывают влияние уже на развитие семьи, ее уклада, распределение семейных ролей и становление семейных отношений, способствуют ее укреплению или деградации, и, по большому счету, влияют на возможность и вероятность ее сохранения или распада;

- ценности рождения и воспитания детей формируют определенные матримониальные стратегии, связанные с принятием деторождения, готовности к нему, желанием иметь детей, определением возраста деторождения и количества детей. Ценности, влияющие на систему воспитания реализуемую в семье, обеспечивают преемственность в воспроизводстве института семьи, связь поколений, а также обеспечение приобщения детей к мировому и национальному культурному капиталу.

Матримониальные ценности и установки определяют мотивацию индивида в реализации матримониальных стратегий. *Мотивы матримониального поведения и выбора* обеспечивают реализацию воспроизводственного цикла матримониальных стратегий. Каждый этап реализации матримониальных стратегий имеет мотивацию двух уровней: *воспроизводственную*, связанную с потребностью перехода на следующий этап, и *субъективную*, обусловленную установками и ценностями субъекта, его индивидуальной социальной ситуацией, определяющие основные потребности такого перехода. Так, выбор брачного партнера, имеет ведущий мотив воспроизводства следующего этапа матримониальных стратегий – вступление в брачные отношения, и, одновременно с этим, может иметь целый набор субъективных мотивов, имеющих психосоциальную природу, начиная от соответствия нормам социума (реализация определенных социальных действий в соответствии с принятыми нормами) и заканчивая желанием выйти из критической ситуации (например, трудные отношения с родителями, трудная финансовая ситуация). «Острота» потребностного состояния (актуальность мотивов этапа), позволяют корректировать субъекту критерии

выбора в принятии решения, даже при существовании противоречащих им установок (например, несмотря на установку, поиска брачного партнера на основе взаимной любви, выбор партнера, который может закрыть существующие потребности, без наличия глубоких чувств к нему).

Важнейшим мотивационным компонентом матримониальных стратегий является *мотивации на вступление в брак*. Стабильность отношений в браке во многом определяются мотивацией создания семьи, представлением супругов о том, какими должны быть их семейные отношения. М.Я. Руднева понимает под брачной мотивацией комплекс позитивных мотивов, побуждающих к вступлению в брак и созданию семьи, а также ценностного отношения к семье¹.

Мотивация вступления в брак в современном обществе обусловлена рядом факторов.

- эмоциональный фактор (любовь как эмоциональная основа брачного союза занимает ведущую позицию в заключении брачного союза как у мужчин, так и у женщин, и является существенным основанием для вступления в брак);

- экономический фактор (на первое место выходит материальный интерес, то есть это так называемый брак по расчету, который за последние десятилетия приобрел сторонников не только среди девушек, но и среди юношей);

- духовный фактор (создание семьи вследствие духовной совместимости, общности интересов (религиозное воспитание, желание иметь детей и т.п.));

- психологический фактор (главным мотивом является страх перед одиночеством и перспективой остаться в одиночестве. Преобладание численности женщин над численностью мужчин объективно ухудшает шансы женщин на вступление в брак, особенно женщин, занятых получением образования и ориентированных на профессиональный успех)².

Демографы, психологи, социологи разрабатывают различные группы мотивов вступления в брак. Российский социолог Т.К. Ростовская выделяет среди них следующие:

- желание стать по настоящему взрослым, самостоятельным человеком;
- желание в ближайшее время иметь ребёнка;
- желание иметь постоянного сексуального партнёра;
- желание получать материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства;

¹ Руднева М.Я. Мотивация создания и функционирование молодой семьи в современной России: на материалах Московской области: автореф. канд. социол. наук. Москва, 2006. С.14.

² Ростовская Т.К. Особенности матримониального поведения российской молодежи // Человек в мире культуры. 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-matrimonialnogo-povedeniya-rossiyskoy-molodezhi> (дата обращения: 29.04.2024).

- желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким¹.

В данной классификации можно увидеть мотивы, связанные с рождением детей и продолжением рода, сексуальными потребностями, экономическими и культурными (духовными) интересами. Все эти мотивы близки с основными потребностями индивида и функциями семьи.

Система матримониальных ценностей, установок и мотивов определяет *матримониальное поведение* индивида – оно является результирующим элементом в структуре матримониальных стратегий и формирует поведенческий структурный комплекс. Трактовки такого понятия, как матримониальное поведение, в современной науке неоднозначны и их можно разделить на две группы. Одна из них дефиницирует данный термин в широком смысле, вторая – в узком. Так, в широком смысле трактует матримониальное (брачное) поведение отечественный демограф и социолог А.И. Антонов, считая, что это «поведение индивида, состоящее из трех частей: чаще всего под первой частью понимают систему действий и отношений, ведущих к заключению брака (брачный выбор); вторая часть – собственно супружеское поведение, которое относится к мужчинам и женщинам, вступившим в брак и ставшим родителями; наконец, третья часть – это такая конфликтность супружеского поведения, которая ведет к разводу или разъединению, если брак был фактическим»². Более традиционное определение предлагает Ю.Г. Миронова. По ее мнению, суть матримониального поведения заключается в «склонности и желании человека жить семьей, по достижении брачного возраста вступить в брак и продолжить семейные традиции»³. Человеку с выраженным матримониальным поведением свойственно уважение к браку и семье, признание брака, супружества как законного способа создания семьи и брачных отношений. Т.К. Ростовская в своей научной работе «Особенности матримониального поведения российской молодежи» дает близкое определение матримониальному поведению, представляя его как систему «действий и отношений, опосредующих вступление в брак или отказ от него, сохранение брака или его расторжение»⁴, тем самым подчеркивая достаточно широкий его аспект.

¹ Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золоторева О.А. Мотивы вступления в брак: анализ сквозь призму гендера // Научный результат. Социология и управление. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-vstupleniya-v-brak-analiz-skvoz-prizmu-gendera> (дата обращения: 29.04.2024).

² Антонов А.И. Микросоциология семьи (Методология исследования структур и процессов). Москва, 1998. С. 239.

³ Миронова Ю.Г. Матримониальные отношения в молодой семье: гендерный анализ // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/matrimonialnye-otnosheniya-v-molodoy-semie-gendernyy-analiz> (дата обращения: 01.05.2024).

⁴ Ростовская, Т.К. Особенности матримониального поведения российской молодежи // Человек в мире культуры. 2015. №3. С. 46-52.

Особенностью узкого взгляда на матримониальное поведение, как правило, являются определенные рамки на его восприятия, ограничивающие данное понятие собственно вступлением в брак. По мнению С.П. Пельменевой матримониальное поведение представляет такое поведение индивида, при котором его основной целью является заключение брака, базирующееся на установках индивида и проявляющееся в определенных действиях, направленных на поиск брачных партнеров и построения с ними отношений¹. По мнению Ю.В. Фроловой «брачное (матримониальное) поведение представляет собой вид поведения, целью которого является удовлетворение потребности в браке, поведение, связанное с выбором брачного партнера»².

По-нашему мнению, узкий подход восприятия понятия матримониального поведения ставит определенные ограничения, не позволяющие говорить об адекватности матримониальных моделей (определяемых функциональной полнотой семейной среды, ее климатом и благополучием ее членов), с другой стороны – широкий подход расширяет понятие матримониального поведения до кризисных предразводных и разводных стратегий, по сути, вводя этап прекращения «жизнедеятельности семьи» как обязательный фрагмент ее существования.

Рассмотрев определения демографов и социологов, можно прийти к выводу, что *матримониальное поведение* целесообразно воспринимать как совокупность действий индивида, которые опосредуют его вступление или не вступление в брак (выбор брачного партнера, построение отношений, регистрации отношений) и, в случае успешности, направлены на его сохранение и функционирование.

В современных социологических исследованиях можно выделить три основных *модели матримониального поведения*, которые формируются на основании ценностей личности, мотивов для вступления в брак, направленностью брачного поведения.

Первая модель брачности – это *традиционная*. Основой данной модели является законный брак, семья, дети. В процессе реализации этой модели наблюдается высокая степень идеализации брачно-семейных отношений. Для традиционной модели характерны следующие установки: мужчина – добытчик и глава семьи, женщина – домохозяйка. Добрачные связи позволены только мужчине.

Вторая модель – *либеральная*. Либеральная модель характеризует европейские ценности (свобода самореализации и выбора брачной формы, открытость новому, открытая интимность, равноправие между полами). Отношение между мужчиной и женщиной партнёрские, границы между гендерными ролями размыты. Добрачные отношения допустимы и имеют

¹ Пельменева С.П. Культура матримониального поведения как социальный феномен // Вестник Забайкальского государственного университета 2010. № 8. С. 110.

² Фролова Ю.В. Имитационная модель формирования брачных пар // МСМ. 2001. №1 (7). С. 85-92.

место интимные отношения до свадьбы. Сожителство считается нормальным и даже практикуется. На современном этапе развития матримониальных идеологий мы также говорим о различных альтернативных формах матримониальных стратегий, которые допустимы для такой модели матримониального поведения (однополые браки, безбрачие, полиамория и т.д.).

Третья модель – *промискуитетная модель*. Для нее характерны ранние внебрачные связи, смена партнёров, нестабильность отношений и откладывание брака на поздний период, либо отказ от него. Промискуитетная модель направлена на знакомство и приятное общение и редко приводит к построению длительных отношений, вступлению в законный брак, рождению детей.

Таким образом, матримониальное поведение представляет собой многокомпонентное явление, связанное с деятельной реализацией ценностно-мотивационного матримониального комплекса. На основании этого уже нельзя утверждать, что матримониальное поведение индивида характеризуется только показателями брачности. Часто ученые и исследователи ставят знак «равно» между матримониальным поведением и брачным поведением, однако, на наш взгляд данное уравнивание возможно только в том случае, если под брачным поведением понимается весь комплекс действий, связанных с браком, все социальные институты в него входящие. Для более глубокого и систематизированного понимания сущности матримониального поведения необходимо проанализировать такие *социальные институты матримониальных стратегий*, связанных с матримониальными отношениями как брак, повторный брак, сожителство, консенсуальный союз, развод, безбрачие.

Брак – это свободный, равноправный союз женщины и мужчины, достигших брачного возраста, не состоящих в другом браке, заключенный с соблюдением условий и порядка, установленных законом, и имеющий целью создание семьи. Брак, как социальный институт, имеет разнообразные функции. Среди них прежде всего – удовлетворение половой потребности индивида, а также удовлетворение его интимных (нравственных, духовных, эмоциональных) потребностей – во взаимной верности, взаимоподдержке, принадлежности, любви, понимании, потребности в экономической поддержке и социальной заботе, потребности в собственном воспроизводстве и наследовании семейных традиций, потребности в юридическом закреплении брачных отношений; потребности в получении и сохранении своего брачного статуса – всегда более высокого, чем внебрачный¹.

Исторически сложившимися формами брака выступают моногамия (единобрачие) и полигамия (многобрачие). Разновидностями многобрачия являются полигиния (многоженство) – брак одного мужчины с несколькими

¹ Савельев Ю.М. Взаимосвязь ответственности в семейном праве с иными видами юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 2 (29). С. 59-62.

женщинами и полиандрия (многомужество) – брак одной женщины с несколькими мужчинами. Для современного общества характерно сужение распространения полигамии¹.

Помимо вышеуказанной классификации, также существуют и другие подходы к типологии браков. В социологии можно выделить следующие виды браков: официальный брак – союз, зарегистрированный в органах ЗАГС; неофициальный брак – союз официально незарегистрированный (сожительство); фиктивный брак – зарегистрированный союз, целью которого является не создание достижение материальных или иных благ; повторный брак – это брак, который вступает в силу после прекращения предыдущего брачного союза, например, в результате развода или вдовства; гостевой брак – зарегистрированный союз между людьми, которые не проживают вместе регулярно, но считают себя семьей. Все эти типы брака (формы брачных отношений) определяются матримониальными стратегиями и одновременно определяют их. Исходя из существующих ценностей, установок и мотивов, в процессе цикла матримониального воспроизводства, индивид приходит к выбору определенной формы брачных отношений, которая, соответственно, влияет и определяет дальнейшие этапы реализации матримониальных стратегий.

И здесь необходимо рассмотреть те формы брачных отношений, которые могут и оказывают серьезное влияние на матримониальные стратегии в целом: такие как сожительство, развод, повторный брак, безбрачие.

Сожительство – это не оформленные в установленном законодательстве порядке отношения между партнёрами, которые проживают вместе, ведут совместным быт и считают себя супругами. Данный союз не признается государством как брачные отношения, а партнёры не имеют перед друг другом никаких прав и обязанностей.

Положительное влияние на демографическую ситуацию сожительство оказывает в том случае, если реализуется в форме пробного брака и ведет к дальнейшему заключению официального союза. В остальных случаях снижается динамика брачности, т.к. сожительство не является официальной формой брака, а также ведет к внебрачной рождаемости. И здесь большое влияние имеют те матримониальные установки, которые стоят в основе такого матримониального выбора (Таблица 1.1.5).

Статистика незарегистрированных браков показывает, что это достаточно серьезная проблема, влияющая в целом на институт брака, на все его составляющие. Как показывает статистическое распределение, в молодом возрасте существует максимальный процент незарегистрированных браков – так, для женщин до 25 лет этот показатель составляет 41,25% (от всех форм брака), для мужчин 56,04% (Таблица 1.1.6).

¹ Зимонина О. В. Ретроспектива семьи и семейных отношений в истории гуманитарных наук // Вестник БГУ. 2012. №1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektiva-semi-i-semeynyh-otnosheniy-v-istorii-gumanitarnyh-nauk> (дата обращения: 01.05.2024).

Таблица 1.1.5 – Отношение к регистрации брака (%)¹

Нужно ли, по Вашему мнению, регистрировать брак?	Первый брак			Повторный брак		
	обязательно	желательно	нет, не нужно	обязательно	желательно	нет, не нужно
Женщины	66,14	29,73	4,13	33,20	50,83	15,97
Мужчины	56,75	35,72	7,52	24,79	9,68	25,53

Таблица 1.1.6 – Доля состоящих в незарегистрированном браке (% от состоящих в браке, зарегистрированном или нет)²

Возраст (лет)	Женщины		Мужчины	
	первый брак	не первый брак	первый брак	не первый брак
до 25	38,43	2,82	55,27	0,77
25-29	18,41	5,30	22,77	4,56
30-34	6,86	5,80	15,17	6,41
35-39	5,96	5,75	6,24	6,52
40 и старше	3,12	9,36	3,40	6,93

Данный показатель кратно уменьшается уже к следующему возрастному периоду (23,71% и 27,33%) и далее идет возрастная арифметическая регрессия. Такое распределение показывает, что пробный брак является актуальной матримониальной стратегией для раннего молодого возраста. Это подтверждается и в социологических исследованиях. Согласно социологическому исследованию коллектива авторов Е.В. Каргаполова, А.А. Лукиянова, Ю.Г. Мироновой, Б.С. Павлова 60% молодых людей одобряют незарегистрированное сожительство как альтернативную форму семейных отношений³.

И, одновременно, пробный является выбираемой стратегией для преобладающей генерации, так как поколенческая динамика показывает нам, что несколько лет назад данная стратегия не была настолько востребованной и актуальной в целом (Таблица 1.1.8). Так, в период 1995-2014 года процент незарегистрированных браков практически не превышал 10% (исключение составили мужчины в период 2010-2014, их показатель 13,20%, что в среднем

¹ Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения 01.05.2024).

² Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения 01.05.2024).

³ Семья в социокультурном пространстве современного студенчества (на примере Уральского и Южного федерального округов Российской Федерации) / Е. В. Каргаполова, А. А. Лукиянова, Ю. Г. Миронова, Б. С. Павлов // Современная семья: изменяющиеся смыслы и практики : Сборник научных трудов, Курск, 13–14 мая 2019 года. С. 57-63.

по населению дало показатель 11,1%), с 2015 года показатель вырос в среднем до 20%, и с 2018 года достиг среднего значения в 40%.

Таблица 1.1.7 – Доля незарегистрированных браков по году вступления в брак (% от состоящих в браке, зарегистрированном или нет)¹

Год вступления в данный брак	Женщины	Мужчины
до 1990	-	1,04
1990-1994	16,93	4,04
1995-1999	5,50	3,14
2000-2004	4,46	4,26
2005-2009	6,34	9,30
2010-2014	9,02	13,20
2015-2017	19,24	21,07
2018-2022	38,76	43,77

Как уже говорилось ранее, наряду с определенными плюсами данной стратегии, ее отрицательные стороны очевидны, и прежде всего они связаны либо с отсроченным деторождением, либо с рождением детей вне брака. Данные демографической статистики подтверждает существующую проблему (Таблица 1.1.9). Основное намерение зарегистрировать брак и мужчины, и женщины, состоящие в незарегистрированных отношениях, проявляют уже после рождения ребенка.

Таблица 1.1.9 – Намерение состоящих в незарегистрированном браке, зарегистрировать его (%)²

Намерение женщин, состоящих в незарегистрированном браке, зарегистрировать его (%)				
Собираетесь ли вы зарегистрировать ваше партнерство в следующих возможных случаях?	да, обязательно	да, желательно	нет	трудно сказать
При отсутствии беременности	18,94	29,74	39,15	12,17
В случае беременности до рождения ребенка	40,10	27,40	26,07	6,43
После рождения ребенка	45,95	23,18	25,09	5,78
Намерение мужчин, состоящих в незарегистрированном браке, зарегистрировать его (%)				
Собираетесь ли вы зарегистрировать ваше партнерство в следующих возможных случаях?	да, обязательно	да, желательно	нет	трудно сказать
При отсутствии беременности	12,72	27,70	47,06	12,53
В случае беременности до рождения ребенка	35,65	24,00	32,82	7,54
После рождения ребенка	44,85	17,04	30,19	7,92

¹ Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения 01.05.2024).

² Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения 01.05.2024).

Немаловажным в изучении матримониального поведения и матримониальных стратегий является *и институт развода* (расторжения брака), его причины и динамики. В связи с трансформации общества процесс развода стал для людей более чем бытовым явлением. Молодые люди часто реагируют на процесс заключения брака с той позиции, что в случае возникновения проблем или несовместимости, можно развестись. Более взрослое поколение хоть и не высказывает положительного отношения к разводу, но, тем не менее, не отказывается от данного явления в полной мере.

Несмотря на то, что в современном мире расторжение брака становится привычным явлением, нельзя игнорировать негативное влияние данного процесса на демографическую ситуацию. По статистическим данным на 1000 браков приходится более 500 разводов. Так, например, в 2019 году было зарегистрировано 950 167 браков и 620 730 разводов, а в 2020 году 770 760 браков и 564 033 разводов¹. Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы свидетельствуют о том, что в 2020 году в России распалось 73% браков, для сравнения в 2019 годах распалось 65% браков. Для сравнения 30 лет назад распалась 42% браков, а 70 лет назад распалось всего лишь 4% брачных союзов. Анализируя данные необходимо учитывать, что в большинстве случаев разводятся пары, которые не только заключили брак, а прожили вместе уже какой-либо срок.

По мнению авторов, не стоит ссылаться только на негативные стороны расторжения брака. Конечно, нельзя игнорировать тот факт, что процесс разводимости приводит к снижению рождаемости и дестабилизации института семьи. Однако, если в семье присутствует девиантное поведение или нарушен морально-психологический климат, то расторжение брака является оправданным. Так, например, согласно исследованию Б.С. Павлова и Н.И. Разиковой основной причиной причиной примерно каждых из трех из четырех разводов, которые совершаются по инициативе женщины, является пьянство или алкоголизм мужчины².

Институт повторного брака представляет собой союз, заключенный человеком, ранее состоящим в брачных отношениях. В настоящее время можно отметить, что повторный брак в целом рассматривается как положительное явление. Немаловажным является то что повторный брак в целом положительно влияет на динамику брачности и нейтрализует негативную статистику разводимости.

Т.А. Аргентинова и В.В. Колотилина в своем исследовании выделяют четыре типа повторных браков: брак, в котором один из супругов не имеет ребенка (детей) от предыдущих браков и при этом совместных детей у них нет; брак, в котором у обоих супругов есть дети от предыдущих браков, но при этом совместных детей у них нет; брак, в котором у обоих супругов есть

¹ Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения 01.05.2024).

² Павлов Б. С., Разикова Н. И. Супружеская ссора как предмет социологического анализа // Дискуссия. 2013. №3 (33). С.68-75.

дети от предыдущих браков, и у них появились совместные дети, рожденные уже в новом браке; брак, в котором один из супругов не имеет ребенка (детей) от предыдущих браков и при этом у них есть совместные дети, рожденные в новом (повторном) браке¹.

Ч.И. Ильдарханова, Г.Н. Ершова и Ю.Н. Ершова в своем исследовании отмечают, что в настоящее время происходит снижение повторной брачности у мужчин и сближение с моделью повторной брачности женщин².

Таблица 1.1.10 – Доля состоящих в первом и повторном браке в зависимости от возраста вступления в первый брак (% от состоящих в браке, зарегистрированном или нет)³

Возраст при вступлении в первый брак (лет)	Женщины		Мужчины	
	первый брак	не первый брак	первый брак	не первый брак
до 18	70,19	29,81	77,57	22,43
18-19	77,36	22,64	74,34	25,66
20-21	80,66	19,34	79,39	20,61
22-24	89,36	10,64	82,46	17,54
25-29	89,41	10,59	93,66	6,34
30-34	82,99	17,01	89,69	10,31
35-39	81,18	18,82	82,37	17,63
40 и старше	76,93	23,07	79,56	20,44

Повторный брак отражает определенный вид матримониальных стратегий, связанных с разводом (реже с вдовством), определенными моделями поведения по поиску нового партнера и создания новых семейных отношений. В связи с высоким показателем разводимости, показатель количества повторных браков свидетельствует о возможности реализации в семейной жизни, а также о продолжении деторождения или возможности воспитания рожденных детей в полной семье. Кривая показателей количества повторных браков имеет вид параболы для обоих гендеров, где в отношении возрастов максимальный процент в соотношении первых и повторных браков наблюдается до 19 лет и после 40 (см. Таблица 1.1.10). Есть определенные возрастные особенности в статистике повторных браков возрастных групп мужчин и женщин, но в целом, общая тенденция сохраняется.

¹ Аргентова Т.Е, Колотилина В.В. Семья повторного брака как феномен современной социальной жизни // СибСкрипт. 2014. №3 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-povtornoogo-braka-kak-fenomen-sovremennoy-sotsialnoy-zhizni> (дата обращения: 01.05.2024).

² Ильдарханова Ч.И., Ершова Г.Н., Ершова Ю.Н. Российская модель брачности: возрастной и гендурный профиль (2011-2021 гг) // Народонаселение. 2024. Т. 27. №51. С.5-16.

³ Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения 01.05.2024).

Еще одним из институтов матримониального поведения является *отказ от брака*. Поведение, характеризующееся отказом от брака, невступление в брак на протяжении всей жизни определяется в демографической науке безбрачием. Уровень окончательного безбрачия измеряется как доля мужчин или женщин, которые ни разу не вступили в брак к 50 годам. Изучая феномен безбрачия необходимо учитывать, что временное безбрачие в настоящее время является уже нормальным явлением.

Мужчины и женщины в периоде между 20-30 годам не стремятся в брак, находятся на пути к самореализации и выбору брачного партнера. Тогда происходит увеличение возраста вступления в брак, что присуще европейской модели брачности. Негативные тенденции следует как раз за окончательным безбрачием, ведь выбор в сторону данного типа безбрачия ведет к отказу от брака, падению брачности и рождаемости.

Матримониальные стратегии формируются и реализуются под воздействием *определенных факторов* (образующих *факторный комплекс матримониальных стратегий*), сочетание которых создает условия, способные повлиять на них более или менее кардинально. Рассмотрим некоторые группы факторов.

Экономические факторы. Материальный уровень семьи определяется множественными факторами, начиная от материального благополучия и материальным вкладом партнеров, и заканчивая общим экономическим благосостоянием общества и территории проживания семьи. Отметим, что неблагоприятные материальные условия могут являться одной из основных причин семейных конфликтов и впоследствии – разводов.

Отметим также, что для молодежи материальная сфера является одной из наиболее проблематичных, а опасение столкнуться с серьезными финансовыми проблемами является существенным барьером создания семьи.

Высокий процент разводов, приходящихся на долю молодых семей обусловлен, преимущественно, неблагоприятной экономической средой, провоцируя повышенную конфликтность и как результат – решение о разводе.

Культурологические факторы. В данной группе факторов предполагается эндогамная или экзогамная направленность брака по национальному, социальному, профессиональному или другому признаку. Как правило, эндогамия предполагает предписание, а экзогамия – принуждение осуществлять брачный выбор из группы «своих» по определенному признаку.

Закрытые субкультуры, например, высоко статусные, национальные, профессиональные, как правило, не только не приветствуют, но и запрещают браки с представителями других социальных групп. Низко статусные социальные группы, напротив, положительно относятся к бракам, в которых положение одного из партнеров связано с переездом или сменой социального положения на более высокое. В России большинство заключаемых браков носит экзогамный характер. Об этом свидетельствует, то что в России (в

целом по территории, так и в разрезе отдельных федеральных округов) подавляющее значение имеет российская рождаемость¹.

Культурологический аспект матримониального поведения и стратегий в целом предполагает неодинаковое отношение к некоторым его формам, например, проявлениям добрачной сексуальности. Культурологический фактор предполагает также учитывать интеллектуально-культурные запросы партнеров, проведение совместного досуга, посещение театров, кинотеатров, выставок, музеев, совместное либо раздельное чтение и просмотр определенных фильмов, программ и т.д. Проявление данного фактора может быть достаточно динамичным на протяжении жизненного цикла семьи или партнерского союза.

Следует отметить, что общекультурные нравственные ценности, идеалы, принципы, нормы определяют и репродуктивное поведение, выступая в качестве критериев оценки ситуации².

Социальные факторы. К числу социальных факторов матримониального поведения можно отнести такие социальные процессы, как урбанизацию, высокую мобильность трудоспособного населения, место женщины на рынке труда и в структуре профессиональной занятости.

Социальным фактором является и характер полученного воспитания партнеров, например, в полной или неполной семье, а также гомогамность и гетерогамность брака. Гомогамность предполагает схожесть социальных характеристик партнеров, гетерогамность – напротив, их максимальное различие (возраст, религиозные убеждения, ценности, территориальный фактор, наличие или отсутствие повторного брака).

Социальная среда матримониального поведения представлена системой ролей, статусов, социальных институтов, ценностей, умений, навыков, в которой партнеры формируют свои социальные качества, реализуют определенные социальные роли и достигают конкретных социальных статусов. Человек взаимодействует с социальной средой посредством приобщения к религии, науке, искусству, проявляя свою активную творческую природу и развивая самосознание. Безусловно, данное взаимодействие продолжается в течение всей жизни человека, в том числе и затрагивает его матримониальную сферу.

Одним из существенных социальных факторов матримониального поведения является образование. По некоторым данным, если у партнеров одинаковое или близкое образование, то вероятность их вступления в брак выше и, напротив, люди с разным уровнем образования реже заключают брачные союзы.

Гендерные факторы. Матримониальные отношения и стратегии формируются в зависимости от гендерного фактора. Установки и поведение

¹ Сигарева Е.П. Сивоплясова С.Ю. Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т.8. №1. С. 68-91.

² Шестаков К.А. Аксиологический фактор репродуктивного поведения россиян: автореф. дис. канд. социол. наук. Москва, 2010. С. 7.

мужчин и женщин, безусловно, будет иметь свои отличительные особенности. Как известно, устойчивые стандарты, установки, стереотипы гендерного взаимодействия, сложившиеся исторически в процессе развития общества, отдельных социальных институтов, во многом влияют на характер матримониальных отношений. Например, результаты исследования Ю.Г. Мироновой (как и других исследователей) показали определенные гендерные особенности матримониального поведения: девушки в большей степени склоняются к официальной регистрации брака, молодые люди в большей степени предпочитают сожительство. Основной причиной вступления в брак для девушек является любовь, отношения между партнерами, а для юношей – чувство долга при беременности партнерши, полагая, что зарегистрировать отношения желательно только в этом случае. Девушки преимущественно разделяют эгалитарную модель матримониальных отношений, при которой домашние обязанности и воспитание детей будут поровну распределены между супругами, но вопросы обеспечения должен преимущественно осуществлять муж (традиционная модель). Юноши привержены традиционной модели матримониальных отношений, в которой муж является основным добытчиком и защитником, а жена – хранительницей домашнего очага. По мнению юношей, участие их в воспитании ребенка будет отрицательно сказываться на его развитии. В рамках данного исследования совершенно очевиден гендерный диссонанс, который, безусловно, влияет на конструктивность матримониального взаимодействия¹.

Психологические факторы. Существенным фактором формирования матримониального поведения являются психологические факторы.

Ценностные ориентации играют значимую роль в психологическом взаимодействии партнеров. Сходные или различные ценности являются важным фактором выбора поведения партнеров, их целей, ответственности друг перед другом и пр. При этом, по мнению некоторых ученых, важен и предыдущий опыт партнеров, и воспринимаемое ими влияние референтной группы (значимых других)².

Выделяют также такие психологические факторы матримониального поведения, как продуктивность и качество отношений в брачном союзе или партнерстве. Под продуктивностью следует понимать «отдачу» партнера – то, что партнер получает при взаимодействии с другим партнером. Подобными «продуктами», способствующими позитивному развитию брака, могут быть эмоциональная привязанность к партнеру, поддержка, понимание, совместное «слаженное» участие в хозяйственной деятельности. Так, В.П. Позняков предложил концепцию психологических отношений посредством ресурсно-ценностного подхода, согласно которому

¹ Миронова Ю.Г. Особенности матримониального поведения современной молодежи // Дискуссия. 2016. № 4 (67). С. 106-112.

² Миронова Ю.Г. Особенности матримониального поведения современной молодежи // Дискуссия. 2016. № 4 (67). С. 106-112.

предполагается два вида ориентации партнеров в процессе их взаимодействия¹: ориентация на партнера как объект удовлетворения «личных нужд» (объектно-ресурсная); ориентация на признание ценностей, интересов, потребностей партнера.

Качество близких отношений, по мнению В.П. Позняка и Ю.М. Панфиловой, является многомерным фактором, включающим психологическую адаптацию, удовлетворенность отношениями, чувство единения с партнером, доверие и ответственность партнеров².

К числу психологических факторов относится и степень соответствия личностных особенностей, эмоционально-волевых качеств партнеров, сходства и различия в притязаниях на лидерство в матримониальном поведении. На характер матримониального поведения влияет также эмоциональные нарушения партнеров, полученные в родительской семье, например, холодность, отстраненность, враждебность.

Психологическим фактором матримониального поведения является удовлетворенность браком, под которой понимают субъективную оценку брачными партнерами характера их взаимоотношений, различных сторон их взаимодействия. По мнению В.А. Сысенко, данное понятие включает степень удовлетворения всех потребностей личности³. При переходе за границу минимального уровня удовлетворения данных потребностей у партнеров возникает чувство дискомфорта, а отрицательные эмоции закрепляются.

А.Ю. Тавит отмечает, что психологической основой удовлетворенности браком являются как качества личности, идеальные представления о партнере, мотивы вступления в брак, так и характер эмоциональных отношений партнеров, общность взглядов на воспитание детей, распределение домашних обязанностей, проведение досуга и прочие факторы⁴.

Биологические факторы. К числу биологических факторов считаем целесообразным отнести возраст человека. Классификация фаз жизненного цикла Ш. Бюлера рассматривает молодежный возраст 16-30 лет как время предварительного выбора супруга⁵.

¹ Позняков В.П., Панфилова Ю.М. Психологические факторы перехода от отношений незарегистрированного брака к семейным отношениям // Знание. Понимание. Умение. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-factory-perehoda-ot-otnosheniy-nezaregistrovannogo-braka-k-semeynym-otnosheniyam> (дата обращения: 03.05.2024).

² Позняков В.П., Панфилова Ю.М. Психологические факторы перехода от отношений незарегистрированного брака к семейным отношениям // Знание. Понимание. Умение. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-factory-perehoda-ot-otnosheniy-nezaregistrovannogo-braka-k-semeynym-otnosheniyam> (дата обращения: 03.05.2024).

³ Сысенко В.А. Психодиагностика супружеских отношений. Москва, 1998. С. 34.

⁴ Тавит А. Ю. Целостные ориентации лиц вступающих в брак // Проблемы семьи. Тарту, 2014. С. 20.

⁵ Buhler C. The human course of life in its goal aspects. Journal of Humanistic Psychology. 1964. № 1. Pp. 1-18

Огромную роль в процессе матримониальных отношений играет удовлетворение сексуальных потребностей, их регулирование. Отметим, что сексуальный фактор предполагает соответствие фактического сексуального поведения одного партнера ожиданиям другого и наиболее ярко выражен в молодом возрасте, являясь неотъемлемым слагаемым матримониального выбора. Характер и интенсивность сексуальных потребностей определяется жизненной позицией, воспитанием, темпераментом, состоянием здоровья партнеров. В отношении последнего заметим, что здоровье – один из важнейших биологических факторов, предполагающих совместную жизнь партнеров, в том числе сексуальную, а также рождение детей и их воспитание.

Фактор здоровья тесно связан с внешней привлекательностью и является одним из основополагающим при вступлении молодых людей в первый брак. Касательно внешности отметим также, что восприятие одного человека другим определяется всем физическим обликом: манерой поведения, мимикой, речью, запахом, одеждой, голосом и часто носит неосознанный характер. Фактор физической привлекательности крайне важен на начальном этапе матримониального пути партнеров, устойчив и длительное время сохраняет свою позитивную либо негативную окраску.

Одним из наиболее существенных биологических факторов является репродуктивный фактор, так как деторождение, продолжение рода – одна из наиболее важнейших матримониальных задач¹. Репродуктивные установки связаны с сильным желанием иметь детей, причем определенное их количество.

Дополнительной характеристикой для факторов, влияющих на матримониальные стратегии, может стать деление их на внутренние (продуцируемые непосредственно индивидуумом) и внешние (факторы среды). Также можно выделить и уровни воздействующих факторов: факторы, относящиеся к макроуровню (цивилизационные, мировые, национальные), мезоуровню (региональные, территориально-локальные), микроуровню (индивидуальная ситуация человека, его социальные контакты).

Группы факторов формируют агентные модели, которые обеспечивают различие в матримониальных стратегиях для социальных групп. По нашему мнению, наиболее важными в социологическом плане агентными моделями становится гендерная (объединяющая социальные, психологические и биологические факторы), возрастная (формируемая на основе факторов биологических и психологических), поселенческая (факторы, ее формирующие, могут быть отнесены к социальным, культурологическим и даже психологическим). Дополнительными агентными моделями, в случае значимых показателей различия, могут стать экономическая, поколенческая и статусная (определяемая тем или иным видом статуса субъектов – например, учащаяся, студенческая и работающая молодежь).

¹ Антонов А.И. Эволюция норм детности и типов демографического поведения. Москва, 1986. С. 57.

Таким образом, анализ теоретических подходов к изучению матримониальных стратегий позволил определиться с собственной точкой зрения: авторы придерживаются комплексного подхода, синтезирующего аспекты институционального, структурно-функционального и деятельностного подходов, которые наиболее полно позволяют раскрыть специфику исследования матримониальных стратегий.

Сформулировав определение понятия *матримониальных стратегий* как формируемый и реализуемый в определенных условиях комплекс матримониальных установок и мотивов, ценностных диспозиций, моделей поведения, жизненного планирования и выборов, связанных с матримониальными отношениями, мы определили, что матримониальные стратегии формируются и реализуются под воздействием определенных факторов (образующих факторный комплекс матримониальных стратегий), сочетание которых создает условия, способные повлиять на них более или менее кардинально.

В свою очередь, группы факторов формируют агентные модели (гендерная, возрастная, поселенческая, а также экономическая, поколенческая и статусная), которые обеспечивают различие в формировании и реализации матримониальных стратегиях для социальных групп.

Статистические данные указывают на негативные тенденции в реализации матримониальных стратегий населения России, отражая снижение брачности, увеличение количества разводов, повышение возраста деторождения. Демографические показатели Белгородской области сопоставимы с общероссийскими данными, что обуславливает актуальность и тиражируемость результатов социологического изучения матримониальных стратегий Белгородской молодежи.

1.2. Концептуализация социологического исследования матримониальных стратегий молодежи

Молодежь представляет социально-демографическую группу, характеризующуюся определенным возрастом, социальным статусом, социально-психологическими характеристиками, что особым образом отражается на матримониальных стратегиях. Но самое главное – молодой возраст является тем периодом, где закладывается ценностно-мотивационный матримониальный комплекс, формируются матримониальные установки, в том числе на основе первичной социализации, пробуются и утверждаются образцы матримониального поведения. По эталонным нормам, молодежный возраст определяет границы реализации всех основных этапов матримониальных стратегий – выбор партнера, вступление в брачные отношения, становление молодой семьи, рождение детей, укрепление семьи.

Младшая молодежная группа (15-18 лет) – это, как правило, учащиеся, которые находятся на иждивении родителей, продолжая или завершая общее

образование. Молодежь этого возраста еще не имеет гражданских прав, позволяющих им вступать в брачные союзы, но при этом происходит активное формирование матримониальных установок, ценностей, формируются и трансформируются матримониальные мотивы, складывается образ идеального партнера, формируется опыт отношений, которые также становятся основой модели будущего матримониального поведения.

Средний молодежный возраст (от 18 до 24 лет) представлен студентами, молодыми рабочими, которые могут жить с родителями или самостоятельно от родителей, имея определенный доход. В этом возрасте матримониальные установки активно проверяются через матримониальное поведение, корректируется образ партнера, образ семьи и семейных отношений. В зависимости от выбранных стратегий идет поиск партнера, поддерживающего их, молодежь в этом возрасте активно вступает в брак, формируя молодые семьи и рождая первых детей.

К старшей молодежной группе (25-29 лет) относят молодых взрослых, сделавших профессиональный выбор, имеющих определенную профессиональную квалификацию и опыт. Матримониальные установки уже оформлены, как правило появляются устойчивые модели матримониального поведения, которые проявляются либо в продолжающихся поисках партнера, либо в выстраивании с ним семейных отношениях. Для имеющих детей появляются новые задачи, связанные с их воспитанием и обеспечением достойного существования. При этом данную возрастную группу характеризует повышенная конфликтность, что часто является источником распада браков. В этом возрасте возможно обращение и к институту повторного брака.

И, наконец, «новая молодежь», группа в возрасте 30-35 лет, характеризуется, как правило, устойчивым социально-экономическим положением, семейной определенностью, наличием детей. Одновременно с этим возрастает количество разводов, повторных браков, часто на основе возрастных кризисов, которые оказывают свое влияние на матримониальные стратегии, способны трансформировать установки и мотивационные аспекты брачно-семейных отношений.

Факторный комплекс матримониальных стратегий, разворачивающийся в трансформирующейся социальной реальности, определяет условия формирования и реализации матримониальных стратегий молодежи. В зависимости от показателей благоприятности данных условий можно говорить о существующем *потенциале* в воспроизводстве *эффективных матримониальных стратегий* молодежи или наличии *рисков* воспроизводства *неэффективных, альтернативных матримониальных стратегий*.

Эффективными матримониальными стратегиями молодежи можно считать те, которые способствуют развитию института семьи и обеспечению всех видов национального воспроизводства – биологического (прирост населения, сохранение потомства, продолжение человеческого рода), культурного (усвоение и умножение культурного капитала, передача

ценностей и норм культуры от поколения к поколению), социального (воспроизводство человека, социальных общностей во всем многообразии их социальных качеств, повышение качества человеческого капитала) и социально-экономического (развитие и поддержание социально-экономических систем за счет включения людей в социально-экономические отношения). Соответственно, *потенциал условий среды* будет определяться возможностями и одновременно целенаправленным или опосредованным воздействием на выбор таких стратегий молодежью.

К неэффективным матримониальным стратегиям молодежи можно отнести те, которые не способствуют развитию института семьи и предполагают скорее его деградацию, а также создают угрозу для воспроизводства национального человеческого капитала. *Риски условий среды* будут также определяться возможностями, и, как правило, косвенным воздействием на выбор таких стратегий молодежью.

Эффективность и неэффективность матримониальных стратегий может проявляться на определенных этапах их формирования и реализации, реже могут быть оценены с этой позиции системно (например, неэффективны все этапы – от сформированных матримониальных установок до рождения и воспитания детей), но на каком бы этапе не возникла неэффективность промежуточного результата, в итоге это влияет на весь результат – приводит к нарушению воспроизводства человеческого капитала.

Основными характеристиками социальной ситуации, способными сформировать потенциалы и риски в конвергенции с факторами воспроизводства матримониальных стратегий, являются:

- научно-технический прогресс;
- государственная политика (ее направления, затрагивающие воспроизводство матримониальных стратегий молодежи);
- социально-экономическая ситуация;
- легитимное разнообразие матримониальных альтернативных стратегий;
- генерационный аспект, как сложный результат исторического хронотопа;
- система социальных стратегий молодежи.

Рассмотрим подробнее каждую характеристику и возможность ее влияние на формирование условий воспроизводства матримониальных стратегий.

Научно-технический прогресс формирует системное пространство, как правило объективной реальности, в котором разворачивается процесс воспроизводства матримониальных стратегий молодежи, оказывая при этом существенное воздействие на каждый этап формирования и реализации матримониальных стратегий. Так, развитие виртуальных технологий создает новые модели поведения, связанные с формированием матримониальных установок (появление новых институтов социализации (интернет сообщества, виртуальные лидеры мнений, обучающие ресурсы (формальные и неформальные)), доступность консультаций, возможность включение в

референтные группы и т.д.), выбором брачного партнера (сетевая информация и ее открытость, общение в сети, сайты знакомств и т.д.), реализаций брачных стратегий и стратегий воспитания детей. Цифровизация и информатизация пространства, оказывая свое влияние прежде всего в сфере труда и занятости, также формируют новые ценности в выборе брачного партнера, трансформируют ролевые функции в семье, влияют на семейный менеджмент (как в хорошем, так и негативном смысле), оказывают влияние и на досуговые стратегии семьи, возможности самореализации ее членов. Научно-технический прогресс в вопросе бытовых условий жизни, безусловно прямо и косвенно влияет на образ семейного быта, соответствие которому может стать как целью семейного развития, так и причиной прекращения жизни семьи молодых людей. Интересным является возможность имитационного моделирования, когда по принципу «эффекта бабочки» становится возможным проследить непосредственное или опосредованное влияние даже небольших продвижений в области научно-технического развития на воспроизводство матримониальных стратегий.

Государственная политика также является не просто условием, а скорее создает пространство, в котором разворачивается воспроизводство матримониальных стратегий молодежи, так как именно политика государства формирует комплекс целенаправленных мер, программ, законов и проектов, связанных с созданием потенциала для реализации именно эффективных матримониальных стратегий молодежи. Такой потенциал консолидируется по результатам формирования и реализации социальной, демографической, молодежной, образовательной и, конечно, государственной семейной политики, которая представляет собой комплексную систему деятельности государства, направленную на семью с целью укрепления, развития и защиты ее прав и интересов. По нашему мнению, эти виды политики оказывают непосредственно воздействие на воспроизводство матримониальных стратегий молодежи, но другие политики также включаются в формирование такого потенциала – экономическая, национальная и даже внешняя государственная политики несут в себе ресурс воздействия на такое воспроизводство, при этом, стоит подчеркнуть и возможность непроизвольного продуцирования ими рисков, которые могут приводить к выбору неэффективных матримониальных стратегий.

Социально-экономическая ситуация, определяющая показатели социальной напряженности, социального самочувствия, социальных возможностей, создает условия выбора в матримониальных стратегиях, большей части в определении и трансформации жизненных планов, а также изменении факторных моделей принятия решений для молодежи. Так, в условиях повышенной социальной напряженности могут быть изменены жизненные матримониальные планы связанные с периодом заключения брака, рождения детей (например, объявление о мобилизации вызвало волну как поспешно заключаемых браков, так и отказ от бракосочетания). Социальное самочувствие молодых людей, прежде всего обусловленное их качеством жизни, может сформировать вариант отложенного вступления в

брак и деторождения. Прямое влияние социально-экономической ситуации на другие социальные стратегии (например, миграционные, карьерные, общественные, духовно-нравственные, самореализационные) может привести к изменению матримониальных стратегий, тесно связанных с ними.

Легитимное разнообразие матримониальных альтернативных стратегий связано прежде всего с возможностью их выбора, а также спектром альтернатив. Безусловно, данный спектр имеет субъективные ограничения, обусловленные ситуацией социализации и сформированными матримониальными установками, ценностями и мотивами, существующим общественным мнением, но отсутствие объективных ограничений в выборе нежелательных альтернатив (или неэффективных матримониальных стратегий) может создавать дополнительные аттракторы, в условиях рисков изменяющейся реальности.

Наличие альтернативных матримониальных стратегий, приводящих, как правило к неэффективному результату в области семейной и демографической политики, связано с продуцированием матримониальных идеологий и относится, скорее к либеральной и промискуитетной форме матримониального поведения.

Одной из идеологий, охватившей современную действительность, является идеология *феминизма*, представляющая уравнивание, расширение социальных, политических, экономических, личных прав женщин. Часто данную идеологию понимают, как борьбу с дискриминацией женщин. Ее влияние связано с матримониальными установками, системой ценностей и мотивов, а также образом брачного партнера, матримониальных отношений, семьи и распределения семейных ролей, репродуктивным поведением. Модели матримониального поведения, определяемые данной идеологией, обычно акцентируют внимание на свободе поведения и отношений, могут приводит к отсроченному вступлению в брак или отказу от него, отсроченное деторождение или решение не иметь детей, также могут повышать турбулентность и несбалансированности отношений в браке (отказ женщины от выполнения ролей жены, матери, женских функций), что может влиять на показатель разводимости в таких союзах. Стоит подчеркнуть, что мы имеем в виду несколько радикальную приверженность данной идеологии, а не разумное отстаивание прав женщин.

Одной из наиболее ярко обозначенных идеологий, существенно влияющих на трансформацию матримониального поведения молодежи, является *отказ от ценностей института семьи*, что имеет несколько определяющих причин, среди которых выделяют¹:

- теорию угрозы перенаселения и увеличения доли неполноценных людей;
- представление о браке как несвободе, пропаганду свободной любви под влиянием «сексуальной революции»;

¹ Лексин В.Н. Идеологические основы упадка современного института семьи // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 29-42.

– либеральную концепцию брака как партнерских отношений.

Данная идеология имеет под собой достаточно весомый концепт, чем более интересный для определенных молодежных субкультур, тем более формирующий риски для демографической политики. В идеологию отказа от семьи закладывается и отказ от деторождения, идеи карательной медицины (стерилизация и изоляция лиц, недостойных потомства)¹, сознательное уменьшение количества детей в семье², свободу отношений в семье, трансформацию семейных ролей³ и т.д. На почве данного идеологического концепта возникают различные идеологические формы, продуцирующие дополнительные альтернативы матримониального поведения, которые также могут быть интересны молодежи на этапе ее самоопределения. Например, *полиамория* (от др. греч. «многочисленный» и лат. «любовь»), предполагающая некоторую систему взглядов, допускающих любовные отношения у одного человека с несколькими людьми с их согласия. Полиамория представляет форму согласованной немонагамии, но не отождествляется с ней, являясь более общим понятием и определенной формой мировоззрения. Приход к данной идеологии показывает не только результат социализации в вопросах формирования матримониальных установок, но и оказывает дальнейшее воздействие в плане их деформации, приводя к неэффективным моделям матримониального поведения.

Идеология отказа от института семьи формирует и такую модель матримониального поведения как *безбрачие* – осознанный и добровольный отказ от брака, который, как правило также связан с отказом и от деторождения.

Наиболее опасной, с точки зрения демографии, становится идеология чайлдфри. Она приобретает все большую популярность – число молодежи, демонстрирующей сознательный отказ «заводить» детей, заметно увеличивается. Особенно это заметно в возрастной динамике – конечно, остроту проблемы снижает тот факт, что с возрастом такой выбор становится все меньше, но даже недолгое пребывание в периметре данной идеологии закладывает определенные установки, проявляющиеся позднее в семейных отношениях (например, ранняя сепарация родителей от детей, формирование внешнего контура заботы, без ориентации на внутренний мир ребенка и т.д.). Выход в стратегию отсроченного деторождения не снижает проблемы – в объединении с биологическим фактором (возраст, экология, репродуктивное здоровье, психосоматические расстройства), такие стратегии несут уже не добровольный, а вынужденный отказ от деторождения.

¹ Лексин В.Н. Идеологические основы упадка современного института семьи // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 29-42.

² Кейзан Ж. Война против населения. Экономика и идеология контроля над народонаселением. Фрагменты книги. URL: <http://old.portal-slovo.ru/rus/pedagogies/208/48771&part=2> (дата обращения: 11.05.2024).

³ Ленин В.И. Международный день работниц // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40; Коллонтай А.М. Труд женщины в эволюции хозяйства. Москва, 1919.

Так как данная идеология по результатам нашим исследованиям завоевывает пространство молодежной аудитории России (более подробно об этом будет изложено в параграфе 2.1.), необходимо более подробно рассмотреть ее особенности проявления и формы. В 1980 г. канадским социологом Д. Виверс была выпущена книга «Бездетные по собственному выбору», которая выделяет два типа чайлдфри – «реджекторы» и «аффеക്ഷонадо»¹. Первый тип крайне негативно относится к беременности, родам и материнству в целом, полагая, что все это отрицательно сказывается на здоровье женщины, ее внешней привлекательности. Данный тип иногда называют «чалдхейт». Тип «аффеക്ഷонадо» отдает предпочтение беззаботной жизни без детей, причем люди подобного типа не обязательно негативно относятся к детям. Некоторые не могут завести детей по состоянию здоровья.

В начале двадцать первого века исследователи Д. Нил и Х. Джоши выделили еще такие типы, как «волнообразные отказники» и «постоянные откладыватели»². «Постоянные откладыватели», отказываясь от деторождения, изначально предохраняются от беременности, откладывают этот шаг на более позднее время и, как правило, они в итоге так и не заводят детей, так как подобное желание у таких людей в дальнейшем полностью отпадает. «Волнообразные отказники» характеризуются тем, что в отдельные периоды жизни у них возникает желание «завести» ребенка, но другие жизненные цели оказываются более приоритетными и как правило, они так и не становятся родителями.

Российские исследователи выделяют идентичное термину «чайлдфри» понятие «добровольная бездетность». Л.Б. Шнейдер отмечает, что сознательно бездетный брак предполагает нежелание здоровых молодых родителей иметь детей³. Под «добровольными бездетными» исследователи подразумевают:

- женщин детородного возраста физически здоровых и способных иметь детей, но не намеревающихся это сделать;
- стерилизованных женщин детородного возраста;
- женщин старшего возраста, которые вовремя не предпочли иметь детей.

«Добровольно бездетным» противопоставляются следующие категории⁴:

- временно бездетные – люди, не имеющие детей, но намеревающиеся иметь их;

¹ Jean E. Veevers. Childless by Choice. Butterworths, 1980. P.20.

² Childfree by Choice: The Movement Redefining Family and Creating a New Age of Independence. URL: <https://clck.ru/3BVvQm> (дата обращения: 11.05.2024).

³ Шнейдер Л.Б. Основы семейной психологии. Москва, 2000. С. 51.

⁴ Ломакин И.В. Чайлдфри или добровольно бездетные? к переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России // Мониторинг. 2019. № 6 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chayldfri-ili-dobrovolno-bezdetnye-k-pereopredeleniyu-kontseptualnogo-polya-issledovaniy-ne-roditelstva-v-rossii> (дата обращения: 11.05.2024).

– «недобровольно бездетные», то есть та категория людей, которые хотят иметь детей, но не могут по определенным медицинским показаниям.

Ряд исследователей проводит границу между добровольной и сознательной бездетностью. Так, по мнению И. Ломакина, отказ от детей при добровольной бездетности мотивирован эмоциональными причинами, а при сознательной – рациональными, при этом между двумя этими видами существуют и другие разнообразные вариации¹.

Выделяют также намеренную бездетность («intended childlessness»), которая заключается в некоторой «вынужденности» обстоятельствами и может быть проходящим явлением. Исключением является физическая невозможность женщины иметь ребенка.

К числу демографических факторов феномена «чайлдфри» ряд исследователей относит: возраст, незамужний и высокий социально-экономический статус². По некоторым социологическим данным, порядка 80% «чайлдфри» имеют высшее образование, 75% имеют постоянного партнера, при этом 50% из них проживают с ним совместно³. Несмотря на то, что ряд исследователей утверждают, что данную идеологию фиксировали в большей степени у молодежи в возрасте 25-30 лет, мы вынуждены не согласиться с этими данными, так как несколько лет фиксируем факт того, что большая часть приверженцев ее скорее среди учащейся молодежи – идеология чайлдфри для них становится вариантом возрастной культуры, возможностью презентации индивидуальности, инаковости, завоевания внимания. Частично ценности «чайлдфри» меняются с возрастом, но долгое время пребывания в данном «идеологическом статусе», безусловно, накладывает неизгладимый отпечаток на матримониальные установки и последующее матримониальное поведения.

Но, в любом случае, масштаб существующей проблемы достаточно велик. По данным социологического исследования, проведенного И. Ломакиным посредством глубинного интервью в Москве и Санкт-Петербурге, 9% россиян осознанно принимают добровольную бездетность. В жизненные планы этой категории респондентов не входит рождение детей⁴.

¹ Ломакин И.В. Чайлдфри или добровольно бездетные? к переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России // Мониторинг. 2019. №6 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chayldfri-ili-dobrovolno-bezdetnye-k-pereopredeleniyu-kontseptualnogo-polya-issledovaniy-ne-roditelstva-v-rossii> (дата обращения: 11.05.2024).

² Романова И. В., Жанбаз О.О. Чайлдфри в контексте трансформации семейных отношений // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 12 (115). С. 89.

³ Ломакин И.В. Чайлдфри или добровольно бездетные? к переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России // Мониторинг. 2019. №6 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chayldfri-ili-dobrovolno-bezdetnye-k-pereopredeleniyu-kontseptualnogo-polya-issledovaniy-ne-roditelstva-v-rossii> (дата обращения: 11.05.2024).

⁴ Ломакин И.В. Чайлдфри или добровольно бездетные? к переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России // Мониторинг. 2019. №6 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chayldfri-ili-dobrovolno-bezdetnye-k-pereopredeleniyu-kontseptualnogo-polya-issledovaniy-ne-roditelstva-v-rossii> (дата обращения: 11.05.2024).

Уже в 2016 году А.Г. Кисловым было проведено социологическое исследование среди молодежи, в котором он попытался определить специфику отношения свердловских студентов к феномену «чайлдфри», определив три категории респондентов¹. К первой отнеслась молодежь, высказавшая отрицательное отношение к феномену добровольной бездетности, 26,0% отнеслась положительно. Причем 5% из данной категории сами отнесли себя к данной группе. 50,0% респондентов высказала двойственную точку зрения: с одной стороны, они признали за такими людьми право добровольно осуществлять такой выбор, а с другой – отметили неприемлемость такой позиции для себя.

Распространению идеологии чайлдфри среди молодежи в России способствовало и способствует расширение влияния социальных сетей, интернет-форумов, секуляризация культуры, трансформация ценностей, способов самореализации, во всех сферах жизни, феминизация, поддерживаемая средствами массовой информации.

В целом, перечисленные и иные идеологии, связаны с либеральной моделью матримониального поведения, позволяющей свободу выбора, самоопределения, независимо от традиционных ценностей, смыслов, предназначений. Мы не стали касаться вопроса однополых браков, так как такая матримониальная стратегия официально запрещена в России и не формирует условий альтернативного выбора.

Генерационный аспект становления матримониальных стратегий связан с комплексом социальных условий исторического хронотопа социализации генерации, продуцирующих предпосылки для формирования определенных установок, ценностей, мотивов и факторных моделей принятия решений, фронтиры выбора поведенческих моделей и определяющих вероятность реализации тех или иных матримониальных стратегий. Если смотреть на современную «генеральную совокупность» молодежи, она представлена поколением Y и Z. Представители данных поколений имеют собственный социальный портрет, в котором есть и специфические черты матримониальных стратегий.

Так, молодежь поколения Y, по наблюдениям аналитиков, миллениалы – это раскрепощенные, заботящиеся о здоровье и внешности, ценящие возможность выбора молодые люди. На формирование их мировоззрения повлияли распад СССР, военные конфликты и теракты, развитие цифровых технологий, появление мобильных телефонов и Интернет. Но, несмотря на активное использование современных коммуникационных технологий, миллениалы, по мнению исследователей, часто испытывают дефицит в общении. Представители поколения Y отличаются оптимистичным настроением и высокой самооценкой, они

¹ Кислов А.Г., Шапко И.В. Отношение студенческой молодежи Свердловской области к феномену «чайлдфри» // Научный диалог. 2016. № 2. С. 362-373.

мобильные и гибкие, стремятся к изменениям и характеризуются высокой скоростью принятия решения¹.

Характерными для поколения Y на западе становится увеличение числа разводов, беременностей среди несовершеннолетних и аборт. Брак в представлениях молодых людей становится все более свободным от обязательств, но предполагает продуктивность в виде рождения и воспитания детей. Современные молодые люди не придерживаются традиционного взгляда о разделении гендерных семейных ролей и доминирующей женской роли в воспитании детей. Супруги планируют выполнять родительские функции совместно. В сознании представителей поколения Y особо значимыми и определяющими личное счастье являются такие ценности, как свобода, воспитание детей, доверительные отношения, основанные на любви².

Среди поколения Y, по наблюдениям аналитиков, партнеры все меньше проявляют готовность жертвовать личными интересами ради брака, а женщины берут на себя главенствующую роль в семье³. Женщины-миллениалы также в большей степени ориентированы на создание долгосрочных отношений. Для сохранения отношений женщины-миллениалы готовы поступиться амбициями: они чаще мужчин соглашались с высказыванием «Не всегда просит прощения тот, кто виноват. Просит прощения тот, кто дорожит отношениями». Мужчины поколения Y, напротив, ориентированы на менее продолжительные отношения, что выражается в высокой степени согласия с высказыванием «На разных жизненных этапах допустимо иметь разных спутников жизни»⁴.

Миллениалы по ряду параметров отличаются своими репрезентациями от поколения X, для них характерна свобода обсуждения насущных проблем и открытость в сексе, стремление к развитию в браке; они в большей степени, чем поколение X боятся трудностей, связанных с воспитанием детей, и, вообще, не считают родительство неотъемлемой функцией женщины или мужчины. Анализ ролевых ожиданий и притязаний респондентов выявляет существенный недостаток ролевой адекватности миллениалов-мужчин, что может приводить к проблемам при выстраивании романтических и семейных отношений у представителей этого поколения. Тем не менее можно

¹ Емельянова Т.П., Шмидт Д.А. Партнерские отношения в браке: репрезентации двух поколений // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. №4. С.63-79.

² Жуковский, А. М. Трансформация семейных ценностей поколения Сети / А.М. Жуковский // Беларусь в современном мире: материалы IX Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Гомель, 2016. С. 196-198.

³ Шамис Е., Никонов Е. Rugenerations – российская школа теории поколений. Миллениумы (Y). 2019. URL: <https://rugenations.su/category/миллениумы-у-85-03> (дата обращения: 11.05.2024).

⁴ Емельянова Т.П., Шмидт Д.А. Партнерские отношения в браке: репрезентации двух поколений // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. №4. С.63-79.

утверждать, что поколение Y унаследовало серьезное, ответственное отношение к брачному союзу и партнерству¹.

Этому поколению (поколению Y) присущи либеральные семейные ценности, ориентация на индивидуальность роли в семье, поиск наиболее оптимального и комфортного партнера, что обуславливает возможность несколько раз вступать в брак в течение жизни, ориентация на рождение 1-2 детей. Вследствие более позднего взросления и социализации возраст вступления в брак поздний, популярен вариант проживания с партнером без регистрации брака, поздний возраст рождения детей. Характерно, что это поколение горожан, которым присущ космополитизм и индивидуализм, заикленность на своих потребностях и проблемах. Необходимо отметить, что для этого поколения присуще то, что связь с малой Родиной теряется, теряется связь с понятием «дома», в целом поколение более мобильно по своей сути, а не в силу возраста. «Миллениалы» демонстрируют более поздний возраст вхождения во взрослую жизнь по сравнению с «бумерами». У них оптимальный возраст вступления в самостоятельную жизнь существенно выше – 23-25 лет. Это обусловлено определенной инфантильностью и стремлением родителей как можно дольше оберегать это поколение².

Основными факторы формирования их матримониальных стратегий можно считать:

- общемировые тенденции развития семьи: рост индивидуализма и независимости, приоритет собственных интересов над семейными, изменение назначения семьи, толерантное отношение к различным видам семейного поведения в обществе, в том числе к сексуальному;

- факторы, проявляющиеся в условиях рыночных реформ: социально-экономическое положение населения, наличие жилья, высокооплачиваемой работы и собственности у семьи, наличие возможностей у государства для решения материальных проблем семьи и жилищного вопроса, культура семейных отношений в обществе, специальное образование и просвещение по проблемам семейных отношений для молодого поколения, уровень знаний у молодежи о проблемах семьи, освещение в СМИ сексуальной проблематики, личные вкусы, предпочтения, активность в решении собственных проблем у молодого поколения;

- факторы, специфичные для различных групп молодежи, их социальные характеристики: пол, возраст, место проживания³.

Поколение Z – первое поколение, которое сформировалось под влиянием различных гаджетов и социальных сетей. Возрастные рамки у

¹ Емельянова Т.П., Шмидт Д.А. Партнерские отношения в браке: репрезентации двух поколений // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. №4. С.63-79.

² Шевцова Е.В. «Бумеры» и «миллениалы»: жизненные стратегии, политические установки и цифровизация // Развитие территорий. 2021. № 3(25). С. 46-52.

³ Пищик В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Соц. психология и общество. 2011. № 2. С. 80-88.

данного поколения могут варьироваться, но единый критерий для поколения – полная вовлеченность в мир цифровых технологий, которая настолько сильна, что стирается связь между миром реальным и виртуальным¹. Спецификой общественно-исторического периода, на который пришлось детство и подростничество поколения Z, является бурное развитие и распространение компьютерных технологий и новых средств коммуникации. Особая роль новых технологий в жизни поколения Z позволяет называть их Net Generation, Digital Natives, Homelanders, интернет-поколение, цифровые люди. Повышение технологичности среды повлекло ряд закономерных приспособительных реакций у подрастающего поколения на всех уровнях адаптации. Особенности познавательных процессов поколения Z признаются клиповость мышления, быстрая переключаемость, фрагментированность сознания, что в свою очередь формирует способность работать в условиях многозадачности. Характеристика личностного развития поколения Z демонстрирует его противоречивость, поскольку, с одной стороны, исследователи подчеркивают социально обусловленный инфантилизм, а с другой – самоуверенность, тягу к независимости, наличие собственной точки зрения, индивидуализм. Общение молодого поколения происходит преимущественно в сети, а его специфика проявляется в парадоксе дефицита эмоционально близкого общения в условиях бесконечного потока виртуальных контактов. При этом в сфере межличностных отношений поколение Z отличается дружелюбностью, готовностью сотрудничать, помогать и способствовать развитию партнера. Исследователи отмечают сформированный эмоциональный интеллект и рефлексивность поколения Z в контакте².

В сравнении с предыдущими поколениями, зумеры не торопятся рано обзаводиться потомством, это связано с тем, что они более осознанно подходят к созданию семьи. Для зумеров важна семья, и они хотят заводить семью, но для начала нужно уделить больше времени себе и своему самообразованию, выбрать подходящую работу, приобрести жилье, стабилизировать свою жизнь с финансовой точки зрения. Можно сделать вывод о том, что зумеры, вступая во взрослую жизнь, расставляют свои жизненные приоритеты таким образом, что на первый план выходят: образование, карьера, саморазвитие³.

Анализ нравственной сферы поколения Z выявил факты пренебрежения моралью, «смягчение» ее норм, акцент на воздействие обстоятельств в ситуациях выбора. В целом ответственность поколения Z

¹ Крупницкая О.Е. «Поколение Z»: онлайн-привычки и ценностные ориентиры // Философия. Политология (МНСК-2021): Материалы 59-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 2021. С. 11-12.

² Григорьева Е.В., Хакимова Н.Р. Особенности системы семейных ценностей поколения Z // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 982-991.

³ Крупницкая О.Е. «Поколение Z»: онлайн-привычки и ценностные ориентиры / // Философия. Политология (МНСК-2021): Материалы 59-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 2021. С. 11-12.

носит краткосрочный и инструментальный характер. Система ценностей поколения Z отличается ориентацией на духовные аспекты бытия, что согласуется с «постматериальной направленностью» развития в условиях постмодернистского общества. Так, в сравнительном исследовании С.Ю. Моховой выявлен приоритет ценности духовного удовлетворения в иерархии терминальных ценностей поколения Z, тогда как у поколения Y в приоритете собственный престиж, а у X – высокое материальное положение. Семья определяется молодыми людьми как самостоятельная ценность в ряду духовно-нравственных ориентаций, а счастливая семейная жизнь входит в блок предпочитаемых ценностей. Представители поколения Z больше, чем Y, ценят духовную близость и взаимопонимание между членами семьи. У поколения Z ярче выражена потребность строить свою жизнь, опираясь на собственные взгляды, потребность в независимости, порой даже от членов семьи. Это объясняет стремление поколения Z к равноправию в семье, уважению и признанию каждого члена семьи как отдельной личности. Закономерной является достоверно более высокая ценность активных социальных контактов. Представители поколения Z стремятся структурировать взаимоотношения в семье, чтобы каждый занимал определенную социальную позицию¹.

Для поколения Z характерны приемлемость сожительства, тенденция к более позднему замужеству, сокращение разрыва между оптимальным возрастом для вступления в брак у мужчин и женщин, переход к эгалитарному типу семьи. Молодые люди хотят равного распределения родительских обязанностей между мужем и женой и выбирают демократический стиль воспитания детей. Наряду с предпочтением двухдетной модели семьи, у поколения Z возрастает желание иметь трех и более детей, а также противоположное ему желание – не иметь детей вообще. Мнение поколения Z показывает тенденцию к более позднему рождению ребенка для женщин – к 30 годам, что уравнивает возрастной аспект деторождения мужчин и женщин. В сфере родства сохраняется преобладание положительных и близких отношений с родителями и родственниками, большее внимание уделяется изучению своего рода. В иерархии семейных ценностей поколения Z остается важным общение, искренность и открытость, т.е. в становлении семейных ценностей высока роль эмоционально-психологических факторов, а экономические и хозяйственно-бытовые факторы отходят на второй план. При этом молодые люди не настроены посвящать себя семье. В иерархии жизненных сфер поколения Z первую позицию занимает сфера увлечений, за которой следует семейная жизнь².

¹ Григорьева Е.В., Хакимова Н.Р. Особенности системы семейных ценностей поколения Z // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 982-991; Мохова С.Ю. Иерархия в системе жизненных целей у представителей X, Y и Z-поколений // Мир науки. 2017. Т. 5. № 2. С.83-94.

² Григорьева Е.В., Хакимова Н.Р. Особенности системы семейных ценностей поколения Z // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 982-991.

Желаемое количество детей оказывается таким же показателем, объединяющим молодежь, как и планы о браке: двое – вот идеальное количество детей и разницы в количестве желаемых детей между мужчинами и женщинами нет. Оптимальным возрастом для вступления в брак как для мужчин, так и для женщин – 25 лет. Среди наиболее важных качеств при выборе партнеров молодые россияне называют в первую очередь личностные качества и общие интересы между партнерами¹.

Среди факторов формирования матримониальных стратегий поколения Z Р.В. Пырма отмечает экономические кризисы, политические события первой четверти XXI века. «Современная история страны, экономические срывы последних десятилетий сформировали у молодежи установку, что «все может пойти не так». Поколение Z не нарабатывает навыки решения проблем реальной жизни, в нем закрепилось представление, что успех может быть легким и быстрым»². Ведущим фактором, определяющим жизненные установки поколения Z, выступает глобальная сеть Интернет, именно она придает общность черт представителям данной группы. Для Z стало необходимо приспособиться к большим информационным потокам, в результате чего возникло «клиповое мышление», цель которого быстрый анализ и отбор полезной информации³.

Как генерационный аспект отражает конвергенцию факторов социальной ситуации, так есть еще поле факторов широкого спектра, формируемых под воздействием влияния среды и оказывающих влияние разной силы на формирование и реализацию матримониальных стратегий молодежи – и здесь мы говорим о совокупности *социальных стратегий*, отражающих разные направления жизни и принятия молодежью решений. Под *социальными стратегиями* мы понимаем субъективную «систему жизненного проектирования, связанную с жизненными ориентирами и отражающую основные стратегические диспозиции, модели поведения, факторы принятия решений, стратегические планы, барьеры их реализации, требуемые ресурсы и их оценку, проблемный компонент»⁴.

¹ Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. «Поколение z»: молодежь времени путинского правления // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2020. №1-2 (130). С.21-121.

² Пырма Р.В. Восстание поколения z: новые политические радикалы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №2 (26). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vosstaniepokoleniya-z-novye-politicheskie-radikaly> (дата обращения: 11.05.2024).

³ Буторина Т. С., Ядренникова С.В. Ценности поколения Z // Наука в современном информационном обществе: материалы XII международной научно-практической конференции, North Charleston, 2017. С. 84-90.

⁴ Шаповалова И.С. Социальные стратегии молодежи: есть ответы на все вопросы// Социодиггер. URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/socialnye-strategii-molodezhi-est-otvety-na-vse-voprosy> (дата обращения: 11.05.2024).

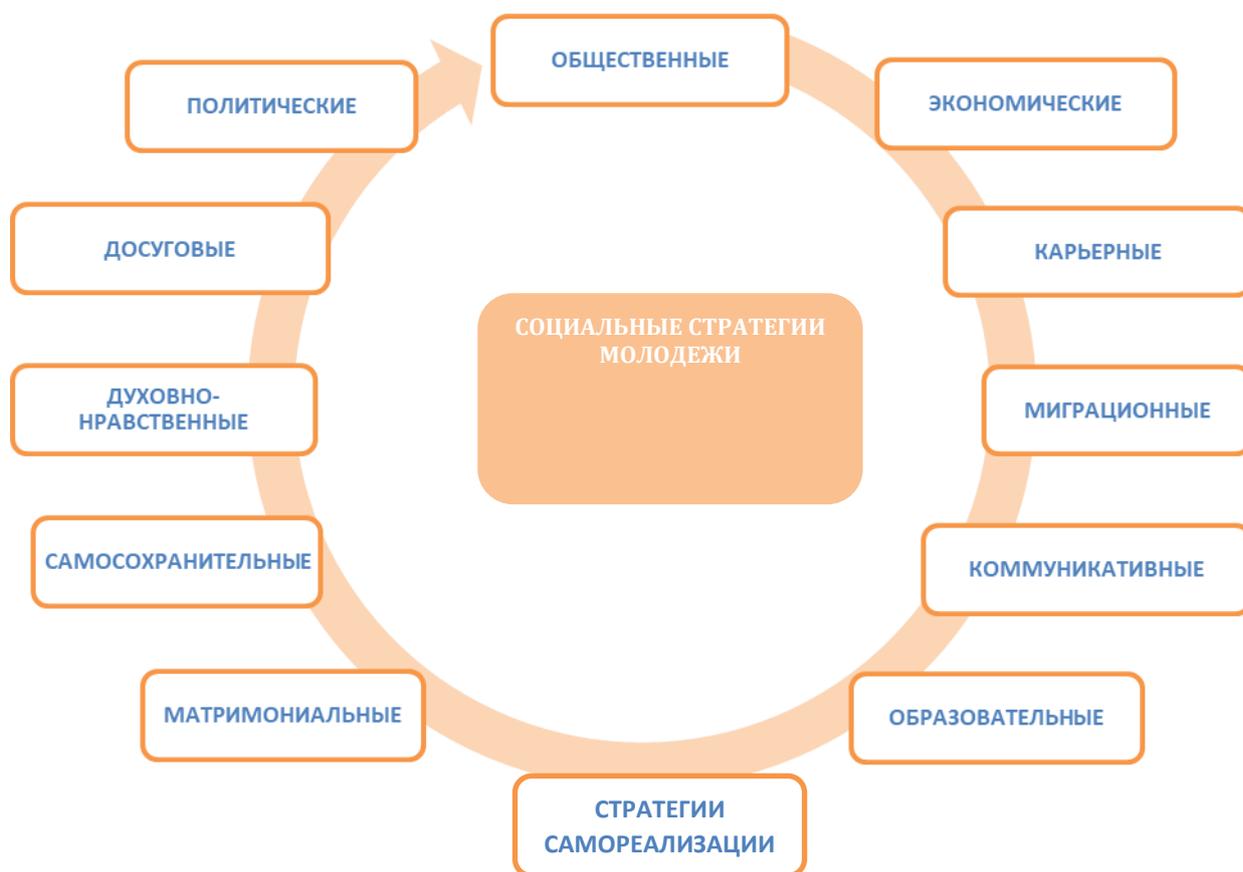

Рисунок 1.3.1 – Социальные стратегии молодежи

Матримониальные стратегии молодежи органично входят в эту систему, в которой И.С. Шаповалова выделяет 12 основных стратегий (Рисунок 1.3.1). В каузальном отношении можно говорить о существовании двусторонней связи – с одной стороны, социальные стратегии разных направлений могут влиять на формирование и реализацию матримониальных стратегий, с другой – сформированность определенных матримониальных установок, матримониальных планов, влияет на аналогичные элементы других социальных стратегий. Так, например, определенные миграционные или карьерные диспозиции и планы могут сформировать определенные требования к брачному партнеру и внести определенные коррективы в жизненное планирование вступления в брак и деторождения. И, напротив, наличие определенных установок в матримониальных стратегиях, ориентация на самореализацию в семье, как правило снижает важность реализации и делает минимальными планы в политических стратегиях.

Условия социальной среды, влияющие на формирование и реализацию матримониальных стратегий молодежи, нельзя рассматривать изолированно – как правило, это комплекс взаимозависимых характеристик среды, конвергенция которых продуцирует новый потенциал и риски, особым образом влияющие на интересующую нас сферу. Например, прогрессирующая популярность идеологии чайлдфри в соединении с виртуализацией общения и гаджетеизацией поколения Z позволяет повысить скорость распространения этих идей среди молодежной аудитории данного

поколения, путем создания сетевых сообществ и обеспечения постоянного доступа к идеологическим лидерам.

Выше перечисленные характеристики социальной среды формируют потенциалы, вызовы и риски, которые отражаются или решаются в процессе трансформации матримониальных стратегий молодежи. По отношению к формированию и реализации матримониальных стратегий молодежи, все характеристики могут быть разделены на опосредующие *целенаправленное воздействие, частично целенаправленное и нецеленаправленное*. К характеристикам *целенаправленного воздействия* относят систему государственной политики, формирующую меры, программы и мероприятия влияния и контроля матримониальных стратегий молодежи. К *частично целенаправленным* можно отнести систему социальных стратегий (совокупность и взаимосвязи между социальными стратегиями молодежи, связанными с главными жизненными направлениями реализации (образовательные, трудовые, экономические, общественные и т.д.), субъектом которых является сама молодежь), прямо или косвенно влияющих на свою подсистему (матримониальные стратегии), а также легитимное разнообразие матримониальных альтернативных стратегий. Остальные характеристики среды не имеют целенаправленного влияния, хотя их воздействие может быть и прямым, и достаточно весомым.

Таким образом, полное осознание особенностей социальной ситуации, дает возможность увидеть отклик молодежи в трансформации матримониальных стратегий через диагностику установочно-мотивационного и поведенческого структурного комплекса, через факторный комплекс отразить их специфику для разных социальных групп молодежи (построить агентные модели), определить проблемы их воспроизводства, спрогнозировать демографические последствия и перспективы, предложить меры целенаправленного воздействия, помощи и коррекции в существующей ситуации через систему государственных политик. В этой связи важно осуществить концептуальное моделирование исследования, для раскрытия всех информационно-аналитических возможностей данного вопроса для социологической науки и практики государственного управления.

Рассмотрение методологических основ исследования матримониальных стратегий молодежи позволяет сформировать концепцию их изучения. Концепция исследования матримониальных стратегий молодежи должна отражать их статические и динамические характеристики и увеличивать прогнозный потенциал получаемой информации. Основной принцип построения такой концепции связан с возможностью ее верификации и получения на ее основании *системных представлений о матримониальных стратегиях молодежи*. Такие системные представления должны быть ориентированы, в том числе, на аналитический потенциал получаемой эмпирической информации – возможность определить рискованные показатели в процессе воспроизводства и в структуре матримониальных стратегий, проблемные компоненты формирования и реализации стратегий

для разных групп молодежи, факторы рисков в условиях среды формирования и реализации матримониальных стратегий.

Рисунок 1.3.2 – Исследовательской модель матримониальных стратегий молодежи

Таким образом, концептуальным основанием исследовательской модели матримониальных стратегий молодежи становятся:

- структурная модель матримониальных стратегий, дополненная проблемно-оценочным комплексом, позволяющим ввести компонент самооценки молодежью существующей ситуации, мероприятий и мер поддержки матримониальных стратегий со стороны государства, сформировать направление заказа или коррекции такой поддержки;
- модель воспроизводства матримониальных стратегий, определяющая этапность переходов в их реализации, раскрывающая свои аналитические возможности в конвергенции со структурой стратегий;
- статическая данность, определяющая систему социальных показателей для матримониальных стратегий на момент фиксации их в существующих социальных условиях, определяемых научно-техническим прогрессом, государственной политикой, социально-экономической ситуацией, спектром альтернативных форм матримониальных стратегий и актуальным пространством жизненного выбора молодежи;
- различительные характеристики и показатели матримониальных стратегий молодежи, основанные на актуальных задачах анализа агентных моделях, а также на типологическом основании разделения матримониальных стратегий, связанных с определяющими матримониальными диспозициями молодежи;
- динамические характеристики, тенденции и тренды, формирующие динамический ряд показателей, отражающих изменение социальной ситуации, ее рисков и потенциалов, прямо или косвенно воздействующих на

матримониальные стратегии молодежи, а также иные основания динамики, включая возрастную и генерационную.

Поэтапный анализ верифицированных данных составляющих элементов предложенной концептуальной исследовательской модели позволит получить системное представление о показателях матримониальных стратегий, их стратификации и трансформации, а также осуществить прогноз относительно возможных сценариев и тенденций в их изменении.

Таким образом, концептуализируя возможность социологического исследования матримониальных стратегий молодежи в условиях современных вызовов и рисков, следует сделать заключение, что сложная конфигурация факторов среды и социальной ситуации в конвергенции с факторным комплексом матримониальных стратегий, определяет условия формирования и реализации матримониальных стратегий молодежи, которые, в свою очередь, могут по своей результативности быть оценены как эффективные и неэффективные. При этом эффективность и неэффективность матримониальных стратегий может проявляться на определенных этапах их формирования и реализации.

Основными характеристиками социальной ситуации, способными сформировать потенциалы и риски воспроизводства матримониальных стратегий, являются научно-технический прогресс, государственная политика, социально-экономическая ситуация, легитимное разнообразие матримониальных альтернативных стратегий, генерационный аспект; система социальных стратегий молодежи.

Концептуальным основанием исследовательской модели для изучения матримониальных стратегий молодежи стали: *структурная модель* матримониальных стратегий, дополненная проблемно-оценочным комплексом; *модель воспроизводства* матримониальных стратегий, определяющая этапность переходов в их реализации и раскрывающая свои аналитические возможности в конвергенции со структурой стратегий; *статическая данность*, определяющая систему социальных показателей для матримониальных стратегий на момент фиксации их в определенных социальных условиях; *различительные* характеристики и показатели матримониальных стратегий молодежи, основанные на актуальных задачах анализа агентных моделях, а также на типологическом основании разделения матримониальных стратегий, связанных с определяющими матримониальными диспозициями молодежи; *динамические характеристики*, тенденции и тренды, формирующие динамический ряд показателей, отражающих изменение социальной ситуации, ее рисков и потенциалов, прямо или косвенно воздействующих на матримониальные стратегии молодежи, а также иные основания динамики, включая возрастную и генерационную.

ГЛАВА II. МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

2.1. Матримониальные стратегии региональной молодежи: типология, диспозиции, динамика

Концепция исследования матримониальных стратегий молодежи формирует определенные направления взаимосвязанного анализа, который образует аналитическую матрицу, позволяющую увидеть статику ситуации, отражение различительных признаков и результирующую динамику, опосредующую прогнозные изменения. Концепция и исследовательская модель позволили выйти на гипотезы исследования:

1. Приоритеты национальной политики и выбор традиционных семейных ценностей в качестве ведущей национальной идеи, реализуясь в системе образования и воспитания молодежи, приводят к положительным изменениям в установках и ценностях матримониальных стратегий молодежи;

2. Несмотря на создание условий для реализации эффективных матримониальных стратегий молодежи на базе традиционных семейных ценностей, существуют рискованные тенденции роста в молодежной среде приверженности к альтернативным матримониальным стратегиям;

3. Молодежь, поддерживающая традиционные семейные ценности и придерживающаяся традиционных матримониальных стратегий, более социально-эффективна по всем направлениям жизненной реализации.

Так как основой исследовательской модели является структурная модель матримониальных стратегий, включающая и отражение этапов их воспроизводства, то фундаментальным моментом для анализа становится определение ценностно-мотивационных основ формирования матримониальных стратегий молодежи. Важным моментом является ценностная иерархия – место ценности семьи в общем ряду ценностей, а также косвенная оценка ее важности для современной молодежи. Рассматривая изменения ранговых значений в оценке важности счастливой семейной жизни в региональных исследованиях Международного центра социологических исследований НИУ «БелГУ», мы наблюдаем ее смещение к более значимым позициям: так, если в 2020 году данная ценность для молодежи стояла на восьмом месте (уступая здоровью, любви, активной деятельной жизни, материальной обеспеченности, интересной работе, верным друзьям и даже жизненной мудрости), то в 2023 году ценность семьи, ее значимость для молодежи региона выходит на второе место (уступая только карьере и интересной работе, при небольшом статистическом разрыве выборов) (60,2% и 61,1% соответственно).

Такая динамика обусловлена целым рядом причин, в том числе и связанными с особенностями приграничной территории исследования: во-первых, с каждым годом молодежь поколения Y и особенно Z все более

представлена в выборке – акцент на семье для этих поколений очевиден, и именно их мнение формирует ведущий фон общественного мнения в молодежной среде; во-вторых, безусловно, не остаются безрезультатными усилия социализационных институтов, поддерживающих национальные приоритеты, ставящих семью как основу национальной идеи, ее традиционность – как определяющие смыслы воспитания молодежи, а также более основательно определяющих границы допустимости альтернативных матримониальных стратегий (подрывающих ценность института семьи); в-третьих, переоценка ценностей, происходящая в условиях повышенной рискогенности среды приграничного региона, приводит к реинкарнации «вечных» ценностей, возвращение к наиболее важным ценностным артефактам – не случайно, страх за семью, за близких, важность контактов с ними осознается молодежью как приоритет с начала 2022 года – риск потери своих родных становится главным и, самое печальное, реальным риском белгородской молодежи.

Есть и еще один, менее значительный момент, о котором мы не можем не упомянуть – изменение (увеличение) миграционных потоков в молодежной среде в первую очередь затрагивает региональную молодежь с низким «индексом оседлости» (привязанности к малой родине, наличии тесных связей с родными и близкими, желанием остаться в месте своего рождения в условиях накопленного социального капитала), которая чаще других имеет несколько иные приоритеты в жизни, чаще всего связанные с самореализацией, карьерными устремлениями. Выбывая из генеральной совокупности исследования, они тем самым уменьшают вероятность выбора таких ценностей в приоритете.

В рассмотрении агентных моделей относительно важности ценности семьи, стоит отметить несколько интересных моментов, возможно не указывающих на тенденции, но определяющих некоторые акценты для прогноза:

- так, в гендерном распределении, несмотря на то, что ценность семьи стоит на втором месте для обоих полов, для мужчин она несколько выше чем для женщин (61,8%, 59,1%). Такое распределение связано, в том числе и с феминизацией, трансформацией ролевой модели семьи, повышением приверженности к альтернативным матримониальным стратегиям среди женского населения;

- ценность семьи для белгородской региональной молодежи сельских поселений приоритетна (стоит на первом месте), но по своему статистическому показателю выше для молодежи среднего города (сельская молодежь – 59,9%, молодежь среднего города – 61,6%, молодежь малого города – 58%). Распределение рангов ценностей для городской и сельской молодежи связано прежде всего с разными условиями социализации, укладом жизни и неравенством в возможностях самореализации (например, в карьере, ценность которой стоит для городской молодежи на первом месте), отдаленностью сельской молодежи от «модных» тенденций, влияющих на формирование альтернативного ценностного ряда;

- агентные модели, построенные на основе материального положения региональной молодежи и их семей, показали, что чем выше благосостояние, тем более молодежь понимает ценность семьи: так, условно экономически благополучная молодежь более других групп подчеркивает важность семьи (66,0%), в то время как молодежь, относящаяся к низкому экономическому статусу, не настолько ценит ее (разница составляет более 20 пунктов – 44,7%). Возможно здесь, в том числе, имеет смысл говорить о ресурсном подходе – очевидно, что для первой группы семья предоставляет гораздо больше ресурсных (прежде всего материальных) возможностей к реализации всех социальных стратегий, очевидна повышенная ее значимость (помимо всех других функциональных значений семьи);

- специфика оценки ценностных генераций показала, что, несмотря на очевидную важность семьи для поколения Z, для данной молодежи она располагается на втором месте (после карьеры), в то время как для молодежи поколения Y, данная ценность является первичной;

- существует определенная динамика, связанная с деятельностным статусом молодежи – так, для работающей молодежи статус семьи как ценности несколько ниже (57,6%), чем для учащейся (60,4%) и студенческой (61,3%) – возможно, реальность трудовой деятельности, совпадение начала семейной жизни с построением трудовой карьеры, дает такой социальный эффект.

Восприятие ценности семьи трансформируется в диспозиции по отношению к институту семьи, формирую четыре основных типа:

- консервативный, голосующий за традиционные семейные ценности, консервативные модели матримониального поведения, стремящийся реализовать эффективные и традиционные матримониальные стратегии, по возможности с линейным циклом их воспроизводства;

- либеральный, принимающий в том числе и альтернативные матримониальные стратегии, нивелирующий ценность традиционного института семьи, использующий понятие «свобод» в определении семейных форм, ролей и функций, что приводит к рискам не достижения принятого результата (прочная семья и рождение детей), цикличности воспроизводства матримониальных стратегий;

- эгоцентричный тип, определяющий своим приоритетом личностное развитие, карьерные установки, ориентирующийся на матримониальные формы, не мешающие реализовать другие стратегии, не рассматривающий самореализации в семье. Особым риском для такого типа становятся отсроченное воспроизводства этапов матримониальных стратегий (отсроченный выбор брачного партнера, отсроченный брак, отсроченное деторождение), что значительно повышает риск не реализации этих этапов.

- неформальный тип, отрицающий институт семьи, отказывающийся от общепринятых форм матримониальных отношений, выбирающий альтернативные варианты (гражданский брак, промискуитетное матримониальное поведение, безбрачие, чайлдфри и др.). Такой тип, как правило, реализует неэффективные матримониальные стратегии, не приводящие к воспроизводству во всех его смыслах.

Типы матримониальных диспозиций региональной молодежи

Рисунок 2.1.1 – Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?»

В 2023 году распределение данных типов показало, что в Белгородской области преимущественным является традиционный тип, но треть молодежи относят себя к либеральному типу, эгоцентричный не достигает и 10%, а неформальный тип остается в абсолютном меньшинстве (Рисунок 2.1.1). Трехгодичная динамика демонстрирует значительный рост молодежи традиционного типа в 2022 году и сохранение этих показателей для 2023 года, снижение молодежи либерального типа и небольшое снижение по эгоцентричному и неформальному типу (Рисунок 2.1.2). Такая динамика комплементарна изменениям ценностных рангов за последние 4 года и имеет, по-нашему мнению, аналогичные причины (смена поколений в выборке, социализационное воздействие, социальные кризисы территорий, миграционная трансформация структуры региональной молодежи).

Динамика типов матримониальных диспозиций региональной молодежи

Рисунок 2.1.2 – Изменение показателей типов матримониальных диспозиций среди молодежи Белгородской области

Рассматривая гендерный выбор матримониальных диспозиций, можно отметить, что несмотря на приоритет для обоих полов консервативного типа,

мужчины более тяготеют к нему (58,2% к 52% у женщин), менее чем женщины поддерживают либеральный и эгоцентричный тип, но чуть более включены в неформальный тип матримониальных диспозиций (Рисунок 2.1.3).

Типология матримониальных диспозиций в зависимости от пола

Рисунок 2.1.3 – Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?» в зависимости от пола

По-нашему мнению, это обусловлено некоторой феминизацией матримониальной идеологии для девушек, о чем будет сказано позже. Но, в любом случае, даже если в основе такого выбора лежит возрастной фактор, есть риск формирования определенного спектра установок, способных повлиять на воспроизводственный цикл матримониальных стратегий и их конечную эффективность (так как ведущая роль в их реализации должна быть отведена все-таки женщине).

В структуре разных групп молодежи мы видим следующий статистический ландшафт, показывающий возрастные и генерационные акценты (Рисунок 2.1.4). Консервативный тип максимально превалирует в своих значениях для работающей молодежи, и в структуре ее собственного выбора, и по отношению к такому же выбору других групп (64,7%). Либеральный выбор более других характерен для учащейся молодежи. Эгоцентричный тип чаще представлен в группах студенческой и учащейся молодежи (9,4% и 8%). Неформальный тип как модель поведения более других выбирается учащейся и работающей молодежью (4,4-4,5%).

Такие акценты показывают вероятность возрастной динамики в отношении либерального типа, связанного в том числе с поиском мировоззренческих позиций, следованиям социальной моды, попыток интериоризации альтернативных идеологий, а также самоутверждении и самовыражении (особенно характерного для учащейся молодежи). Также, динамика соотношения типов в разных группах приводит нас к выводу о существовании эффекта «доростания» молодежи до традиционного типа в отношении матримониальных стратегий, появления осознанности, понимания того, что именно установки данного типа приводят к

эффективным матримониальным стратегиям, от которых зависит субъективное социальное самочувствие и благополучие.

Рисунок 2.1.4 – Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?» в зависимости от группы молодежи

Для молодежи различных поселений Белгородской области также есть своя специфика матримониальных ориентаций. Консервативный тип более других присутствует на селе и малом городе, либеральный представлен более в среднем городе и там же, чуть более чем в остальных группах, неформальный тип (Рисунок 2.1.5).

Рисунок 2.1.5 – Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?» в зависимости от места проживания молодежи

Тривиальность полученных акцентов несколько нарушает достаточно высокие значения либерального типа среди сельской молодежи (мы объясняем это наличием в выборке студенческой молодежи, которая концентрируется в среднем городе и активно включается в познание альтернативных форм matrimониальных отношений, в том числе и для ускоренной адаптации среди референтного сообщества).

Рассматривая трансформацию типологической структуры matrimониальных диспозиций через возрастной и генерационный срез, можно наблюдать, как растет поддержка консервативного типа с возрастом, как существенно снижается приверженность либеральному и другим неэффективным типам среди молодежи (Рисунок 2.1.6). Мы не можем здесь утверждать о чертах генерационного портрета, но однозначно говорим о возрастной динамике в востребованности традиционных ценностей и смыслов института семьи, понимании важности эффективных matrimониальных стратегий, приоритета семьи в жизненных расстановках смыслов.

Рисунок 2.1.6 – Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?» в зависимости от возраста молодежи

Итогом сформированных matrimониальных установок ценностей и мотивов молодежи становятся факторные модели принятия решений в выборе альтернатив при реализации matrimониальных стратегий. На самом деле, они могут формироваться и сопровождать принятие решений относительно выборов на каждом этапе воспроизводства стратегий – при выборе брачного партнера, брачной формы, вступления в брак и рождения детей. Для логики анализа удобнее рассмотреть их в качестве моделей, сопровождающих аспекты жизненного планирования в поведенческом комплексе matrimониальных стратегий.

На основе сформированного ценностно-мотивационного структурного комплекса matrimониальных стратегий формируется поведенческий комплекс, представленный в жизненном планировании и реализации matrimониальных планов молодежью. Молодежи Белгородской области

было предложено оценить, какие жизненные шаги являются для нее обязательными (настолько, что без их осуществления можно считать жизнь неудавшейся), желательными и необязательными. Так, в отношении жизненного выбора о заключении брака, как обязательном жизненном решении, говорят 57,4% молодежи (в 2022 году было 51,0%), а вот необязательным такой шаг для себя считают 12,7% (было в 2022 году 17,7%) (Рисунок 2.1.7). С одной стороны, мы видим положительную динамику в стремлении к официальным брачным отношениям (с учетом выбора «желательно», показатель стремится к 90%), но с другой, потенциал безбрачия, выбора неэффективных форм матримониальных отношений составляет более 12%.

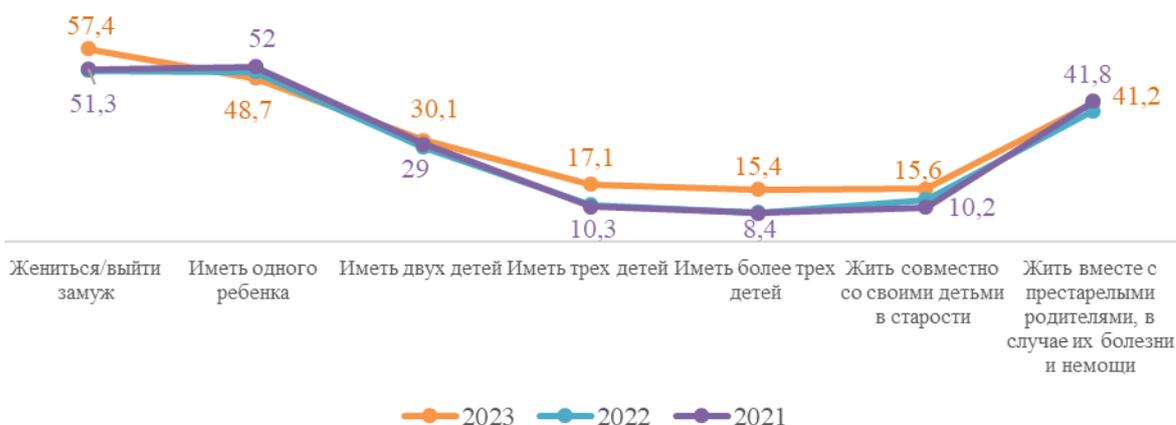
Матримониальные жизненные планы региональной молодежи

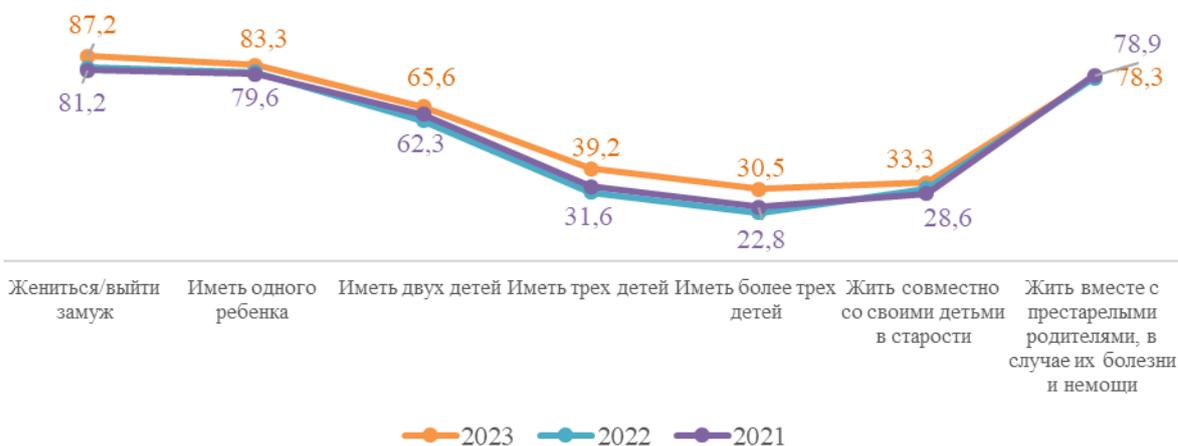
Рисунок 2.1.7 – Ответы респондентов на вопрос: «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги?»

Динамику в отношении жизненных планов молодежи в матримониальных стратегиях можно назвать достаточно весомой, она показывает некоторое отличие от практически совпадающих показателей 2021-2022 года (на Рисунке 2.1.8 мы приводим для сравнения показатели 2021 года), что мы связываем с аспектами генерационных колебаний в выборке, региональной ситуацией (прифронтовое приграничье), акцентами национальной политики, введением воспитательных программ, направленных на семейные ценности и традиционную семью. Так, в обязательных и положительных выборах мы видим значимое увеличение показателя желания вступить в брак (увеличение на 6 пунктов) и соответствующие уменьшение показателя незначимости данного выбора для молодежи, что сокращает риск выбора таких матримониальных стратегий как безбрачие и отложенный брак.

Динамика обязательного выбора в матримониальных стратегиях региональной молодежи

Динамика положительного выбора в матримониальных стратегиях региональной молодежи

Динамика необязательного выбора в матримониальных стратегиях региональной молодежи

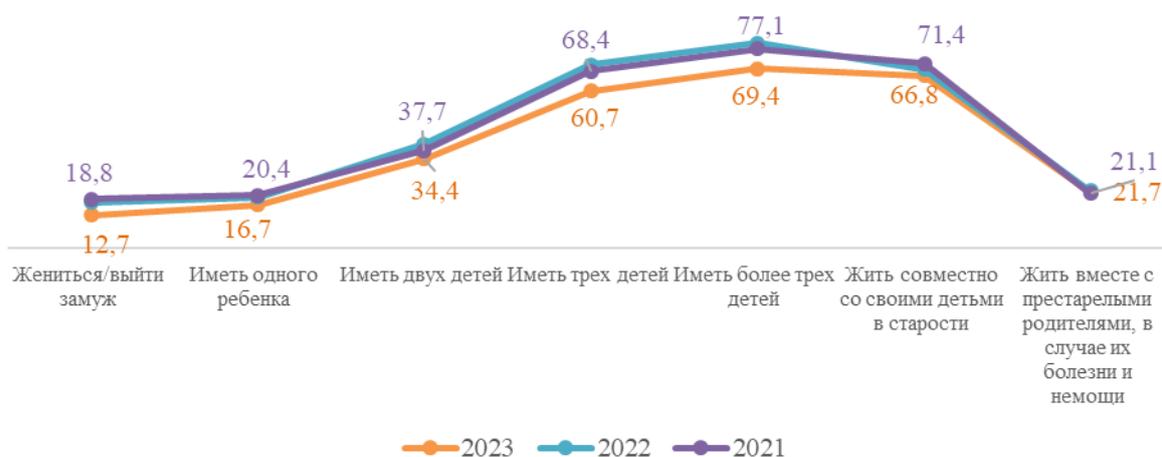

Рисунок 2.1.8 – Динамика жизненных планов молодежи в реализации матримониальных стратегий

Несколько сложнее и неоднороднее обстоит ситуация с динамикой репродуктивного планирования – так, обязательный выбор рождения одного

ребенка падает на 4% с 2021 года, при том, что на такой же процент вырастает общий положительный выбор и уменьшается необязательный выбор первого деторождения, сокращая риск выбора неэффективных стратегий чайлдфри и отложенного деторождения. Во всех остальных случаях жизненного планирования, связанного с рождением двух, трех и более детей, идет прогрессирующий разрыв в росте показателей обязательного и положительного выбора: так, если динамика по обязательному и положительному выбору в рождении двух детей составляет 1,1% и 3,3%, то для планирования последующих детей это уже практически 7% и 8%, при аналогичном уменьшении показателей необязательного выбора. Стоит обратить внимание, что положительные выборы трех детей при этом достигают уже 39,2%, а более чем трех детей 30,5%. Таким образом, можно говорить о возникновении жизненных планов у трети молодежи, связанных с многодетной семьей. Безусловно, устойчивость тренда покажут следующие 2-3 года мониторинга, но эффект существующего мягкого воздействия (а также социализационный результат поколения) очевиден.

В плане межпоколенческого взаимодействия и поддержки, а также вероятности выхода матримониальных стратегий на расширенную семью, наблюдается динамика показателей включения себя (как родителя) в семью детей, но при этом динамика включения собственных родителей в свою семью отсутствует, что нивелируется высокими показателями обязательного и положительного выбора (согласия) принять родителей в свою семью в их старости (41,2% и 78,3%) и достаточно низким процентом необязательного выбора по этому жизненному шагу (21,7%).

В уточнение каждого аспект жизненного плана были заданы дополнительные вопросы, уточняющие установки, мотивы и ценности молодежи Белгородской области (исследование «Матримониальные стратегии региональной молодежи», март 2024 года, N=1153) и позволяющие выявить основные тенденции в реализации матримониальных этапов. Так, удалось зафиксировать уже устойчивый тренд на увеличение брачного возраста, который концентрируется для молодежи в периоде 25-29 лет (так видят его для себя 50,9% молодежи), другой актуальный период 18-24 года в планах только у 37,7%, при этом для мужчин такой период значительно менее выбираем, чем для женщин (25,1% и 41% соответственно). Также молодые люди мужского пола дают весомый выбор брачного возраста 30-35 лет (практически 10%), что может создавать ориентир на брак с существенной разницей в возрасте.

Данные регионального исследования, не смотря на текущую обстановку и повышения ценности семьи (что связано, в том числе, со сложной региональной обстановкой Белгородской области, когда риски трансформировались в угрозы потери близких людей, что отразилось и на системе ценностей, приоритетов и страхов молодежи), подтверждаются тенденциями, отмечаемыми в других регионах и в целом по стране. Данные жизненных планов молодежи отражают сопоставимые с данными демографической статистики и показывают негативную, с точки зрения

«эффективных» национальных матримониальных стратегий, динамику, связанную с увеличением желаемого возраста вступления в брак. Результаты исследования, проведенные ВЦИОМ в 2022 г., свидетельствующие о том, что наиболее оптимальным возрастом вступления в брак для мужчины россияне считают 28 лет, а для женщин – 24 года. В 2017 году результаты подобного опроса россиян показывали, что для мужчин оптимальный возраст вступления в брак составляет 27 лет, а для женщины – 23 года¹. Но это общероссийские исследования, включающие в выборку все населения. По результатам исследований 2018 года, проведенных Е.Н. Касаркиной, Т.В. Соловьевой, Д.А. Бистяйкиной, 56,0% молодежи считают оптимальным возрастом вступления в брак 23-27 лет, 23,7% считают, что вступление в брак наиболее удачно в 28-32 г². Исследования И.Н. Богдановой и Я.В. Артамоновой 2022 года показали, что 50,0% респондентов считают наиболее подходящим возрастом для вступления в брак 25-29 лет³. Согласно результатам исследования 2023 года, проведенного авторским коллективом Л.А. Журавлевой, Е.В. Зарубиной, А.В. Ручкиным, Н.Н. Симачковой, И.П. Чупиной, одобряемый возраст вступления в брак для 90,0% опрошенных является период от 25 до 28 лет⁴. Если сравнивать показатель брачного возраста с исследованиями более раннего периода, можно отследить медленное, но устойчивое его повышение, что находит свое подтверждение в демографической статистике.

На основании ответов молодых людей, вступивших в брак, удалось построить факторную модель принятия ими такого решения. И наиболее важными факторами стали любовь, продолжительные отношения, желание родить ребенка и мнение партнера (Рисунок 2.1.9).

Превалирование первого фактора над всеми остальными (94,1%) открывают для нас ведущую семейную ценность, второй же фактор указывает на закономерность воспроизводства матримониальных стратегий. Но, если мы посмотрим на причины прекращения брака (причины развода), то для современной молодежи такими причинами становятся все формы неприемлемого поведения (физическое насилие, измена, зависимость, психологическое насилие), утрата же чувств стоит в этом ряду только на 5 месте (этот выбор делают 34,8% молодых людей), тем самым, предполагая, что семья – это не только «про чувства», но скорее про взаимное уважение, ответственность.

¹ Брак, совместная жизнь, брачный возраст: в поисках оптимальной модели. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-vozrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli> (дата обращения: 09.05.2024).

² Касаркина Е.Н., Бистяйкина Д.А., Соловьева Т.В. Добрачные установки и жизненные планы молодежи: социологический анализ // Современные исследования социальных проблем. 2018. № 6. С. 208-211.

³ Богданова И.Н, Артамонова Я.В. Молодая семья как «ускользающий» социальный феномен в современных российских условиях // Caucasian Science Bridge. 2022. № 3 (17). С.74-82.

⁴ Журавлева Л.А., Зарубина Е.В, Ручкин А.В., Симачкова Н.Н, Чупина И.П. Формирование демографической культуры молодежи как социальная проблема // Образование и право. 2023. № 11. С.407-413.

Факторная модель принятия решения о вступлении в брак

Рисунок 2.1.9 – Ответы респондентов на вопрос: «Что из перечисленного оказало влияние на Ваше решение вступить в брак?»

Была получена и «обратная» факторная модель, позволяющая увидеть причины отказа от брака, а также причины отложенного решения. Ведущими причинами становится объективная реальность, связанная с отсутствием подходящего партнера (то есть, не реализация одного из этапов матримониальных стратегий), другие приоритеты и психологическая негативность (Рисунок 2.1.10).

Факторная модель принятия решения о невступлении в брак

Рисунок 2.1.10 – Ответы респондентов на вопрос: «По каким причинам Вы не хотите/ можете отказаться от вступления в брак?»

В качестве критериев выбора брачных партнеров чаще всего молодежью в 2024 году определяются его доброта, честность и любовь (25,1%, 22,1%, 17,6%). Немаловажными также становятся качества уважительного отношения к партнеру (15,4%), заботы о нем (15,0%) и ума (14,2%). Рейтинг отрицательных качеств, которые молодежь не хотела бы фиксировать в своем брачном партнере, возглавляют неуверенность в себе (23,2%), наличие вредных привычек (21,0%), эгоистичность (19,5%), лживость (18,4%). Интересно, что такие, на наш взгляд, асоциальные черты как подлость, агрессивность, склонность к насилию, расизм, сексизм выбирают менее чем 3% молодежи (1,1-2,6%). Отрицание возможности столкновения с данными качествами, выведение их в разряд исключительных и поэтому не заслуживающих внимания, создает риск «снятия их с контроля», и фиксации уже на более поздних этапах матримониальных отношений, что создает риск неэффективного результата этапов воспроизводства матримониальных стратегий.

Каналы взаимодействия с будущим партнером формируют представления о наиболее актуальных пространствах для знакомства современной молодежи. Так, по-прежнему остаются актуальными знакомства «методом снежного кома» – через общих друзей, ближний круг, референтные группы (83,1%). Вторыми по популярности пространствами взаимодействия становится вуз (50,6%) и работа (45,7%). Социальные сети, вопреки стереотипам, популярны только среди 31,8% молодежи (хотя, для формирования новых тенденций матримониальных коммуникаций это достаточно весомый показатель). Спортивные акценты в карте досуга выделяют пространство спортивной инфраструктуры для знакомства 14,2% – и это также можно обозначить как новый тренд в коммуникациях с брачным партнером.

Рассмотрение репродуктивных планов показывает, что обязательным для 48,7% молодежи становится рождение одного ребенка, с учетом выбора «желательно», показатель ориентации на рождение ребенка составляет 83,3%, но для 16,7% этот шаг не является обязательным к планированию, хотя по данному ответу есть определенная положительная динамика (в 2022 году было 19,6%) (см. Рисунок 2.1.8). Рождение второго ребенка уже предусмотрено как обязательный шаг для 30,0%, необязательным его считают уже 34,4% (было 40,3%); а вот третий ребенок в обязательных планах только у 17,1% (было 11,0%) – 60,7% (было 70,9%) не планируют этот шаг. Соответственно, по нисходящей прогрессии рождение более трех детей предусмотрено у 15,4% (было у 8,6%) и не планируется у 69,4% (было у 79,4%). В принципе, такое распределение, с учетом ответов желательно, является даже оптимистичным, позволяющим демографам более точно рассчитать будущий прирост населения, с учетом процентной оправданности таких прогнозов. А положительная динамика в жизненных планах по отношению к предыдущему году показывает возможно формируемый тренд как минимум на двухдетную семью.

Так как наиболее важным этапом для демографии является принятие решений о деторождении, нами была построена факторная модель,

позволяющая увидеть, что будет приниматься за основу при решении о рождении ребенка (Рисунок 2.1.11).

Факторная модель принятия решений в матримониальных стратегиях региональной молодежи

Рисунок 2.1.11 – Ответы респондентов на вопрос: «Что может повлиять на Ваше принятие решений о рождении или не рождении ребенка (детей)?»

Построение факторной модели позволило разделить факторы принятия решений на группы важности и в первую группу вошли финансовое положение, состояние здоровья, желание супруга (и). Важность всех остальных факторов разделяют менее 40% и среди них мы видим актуальность вопросов, связанных с образованием (возрастной выбор когорт учащейся и студенческой молодежи), с карьерой и трудовой деятельностью, политической ситуацией и самореализацией. Первые три важных фактора подчеркивают нам силу воздействия на итог такого важного решения, как рождение ребенка, успешности реализации экономической и самосохранительной стратегии, а также совпадения матримониальных установок, мотивов и целей у супругов.

И если говорить о возрасте, когда лучше всего заводить первого ребенка, то большая часть молодежи выбирает период 25-29 лет (58,4%), раньше этого возраста заниматься деторождением намерены только 26,4% (0,4% до 18 лет).

Основными причинами отказа иметь детей или выбрать стратегию отсроченного деторождения для молодежи становятся эгоцентризм молодежи, другие приоритеты (связанные обычно с построением карьеры), психологическая неготовность к родительству (Рисунок 2.1.11). Три данных

приоритета в факторной модели принятия решений связаны со сформированными матримониальными установками, но последующие факторы показывают объективную ситуацию, способную привести к таким решениям: политическая и экономическая ситуация в стране, проблемы с жильем, личные финансовые трудности, и, среди прочего, 21,0% говорят о недостаточной поддержке государства.

Причины отсроченного деторождения или отказа от него

Рисунок 2.1.11 – Ответы респондентов на вопрос: «По каким причинам Вы не хотите/ можете отказаться от вступления в брак?»

Безусловно, репродуктивное поведение определяется многими факторами, например, удовлетворенностью браком, его стабильностью, достаточным доходом и рядом других. И, одновременно, оно приводит к определенным результатам, желание достижения которых становится мотивами репродуктивного поведения, в том числе и для молодежи. Причем, приоритетность данных мотивов сохраняется и для мужчин, и для женщин, что становится очевидным на данных статистике выборочного наблюдения Росстата в 2022 году (Таблица 2.1.1).

Для понимания восприятия семьи в расширенном контексте, необходимо было определить поколенческие связи для современной молодежи Белгородского региона, что также отражает традиционные семейные ценности (но уже в действенном аспекте). Так, жить вместе с родителями, оказавшимися в трудной ситуации обязательно планируют 41,2%, 21,7% не считают это обязательным (см. Рисунок 2.1.11). А вот жить со своими детьми в старости обязательно планируют только 15,6% (было 12,4% в 2022 году), 66,8% будут стараться этого избежать. Стоит отметить тот факт, что в мониторинговой динамике количество молодежи, выбирающих дистанционный вариант заботы о родителях, становится все меньше, ценность родительской семьи, чувство

долга перед родителями, становятся важными индикаторами изменения восприятия института семьи в целом.

Таблица 2.1.1 – Оценка возможного влияния появления еще одного ребенка на различные аспекты жизнедеятельности (однородные) (%)¹

Если бы в Вашей семье появился еще один ребенок, то, как, на Ваш взгляд, это повлияло бы на:	помогло	не повлияло	помешало	трудно сказать
<i>Женщины</i>				
Получение более высоких Ваших личных доходов	4,92	3,42	26,53	5,13
Повышение благосостояния Вашей семьи	21,87	47,67	25,60	4,86
Сохранение хороших жилищных условий или их улучшение	26,68	52,82	15,06	5,44
Ваш профессиональный рост	6,95	67,34	21,52	4,19
Общение с друзьями	7,55	68,96	20,08	3,40
Сохранение хорошего здоровья	11,75	64,77	16,38	7,11
Укрепление брака	40,37	48,01	5,56	6,07
Интересный, полноценный отдых	12,30	56,99	26,06	4,64
Уважение со стороны родственников, окружающих	22,83	68,14	3,67	5,36
<i>Мужчины</i>				
Получение более высоких Ваших личных доходов	13,71	62,05	18,53	5,71
Повышение благосостояния Вашей семьи	21,08	52,49	20,85	5,58
Сохранение хороших жилищных условий или их улучшение	25,87	55,75	12,93	5,45
Ваш профессиональный рост	6,99	79,22	9,13	4,66
Общение с друзьями	5,46	70,93	20,96	2,64
Сохранение хорошего здоровья	9,91	73,17	12,15	4,78
Укрепление брака	43,38	48,07	3,92	4,63
Интересный, полноценный отдых	13,42	58,01	24,48	4,10
Уважение со стороны родственников, окружающих	23,85	67,12	3,77	5,26

Вообще, преобладание семейных ценностей, влияние родительской семьи на собственное матримониальное поведение в той или иной степени видят 77,2% молодежи, при этом, 11,6% хотели бы создать собственную семью по образцу родительской, а 35,2% лишь внести незначительные коррективы. Образ родительской семьи, как негативный смысл видят только 13,2% молодежи. Таким образом, можно утверждать, что родительская семья выступает достаточно значимым актором, формирующим матримониальные установки молодежи и влияющим на ее матримониальные стратегии.

¹ Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html. (дата обращения: 09.05.2024).

Одним из доказательств влияния института семьи уже на федеральном уровне становятся также данные статистики выборочного наблюдения Росстата относительно планируемого количества детей в зависимости от количества детей у матерей респондентов (Таблица 2.1.2). По представленным данным видно, как в арифметической прогрессии возрастает среднее число желаемых и ожидаемых детей и у мужчин, и у женщин. Родительская семья своим примером формирует определенные репродуктивные установки и семейные ценности, и вероятность большего количества детей возрастает с наличием положительного опыта таких решений в семье респондентов.

Таблица 2.1.2 – Среднее желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от числа детей, рожденных матерью респондента¹

Число детей, рожденных матерью респондента	Женщины		Мужчины	
	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей
1	1,73	1,54	1,70	1,52
2	2,03	1,84	1,99	1,79
3	2,25	2,01	2,22	2,00
4	2,57	2,33	2,52	2,24
5 и более	2,92	2,67	2,99	2,58

Демографические характеристики влияют на жизненные планы различных социальных групп молодежи (см. Таблица, Приложение 7). Гендерное различие в отношении жизненного планирования в матримониальных стратегиях дает нам возможность увидеть установки, формируемые в отношении разных полов, а также некоторые тенденции в реализации матримониальных стратегий. Так, в отношении принятия решения о браке, мы видим, что и обязательный выбор, и совокупный положительный выбор в этом отношении более характерен для мужчин, как и для женщин решение, что брак не так уж и обязателен. Статистический разрыв увеличивается в положительных (и прежде всего обязательных) выборах определения рождения одного, двух, трех и более детей, при превалировании показателя необязательного выбора со стороны молодежи женского пола. Особенно беспокоит показатель необязательного выбора в отношении рождения одного ребенка – он составляет 18,1% (при мужском аналогичном выборе в 14,6%). Данные показатели потенциально свидетельствуют о поддержке идеологии чайлдфри, способствуют отсроченному деторождению как минимум и выбор практически пятой части молодых женщин может привести к серьезным демографическим кризисом и в принципе сделать неосуществимой прогнозную демографическую стратегию. Похожую ситуацию мы наблюдаем и относительно решений

¹ Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения: 05.05.2024).

совместного проживания с детьми или с родителями – мужчины выражают большую готовность к проживанию в обоих случаях.

Рассматривая жизненные планы молодежи разных поселений, стоит отметить, что, хотя обязательный выбор относительно брака и рождения первого ребенка несколько выше у сельской молодежи, совокупный положительный выбор данных решений нивелирует эту разницу, которая приводит к отсутствию различий в необязательном выборе – таким образом, нельзя говорить о серьезных отличиях в данном вопросе, обусловленном социализацией различных поселенческих культур. Но относительно дальнейшего деторождения мы наблюдаем существенную разницу в принятии решений для жителей среднего города по отношению к малым городам и сельским поселениям – особенно она очевидна на принятии решения о рождении трех и более детей – городская молодежь (молодежь среднего города) более ориентирована на такие решения, нежели сельская и молодежь малых городов. И здесь мы приходим, с одной стороны, к парадоксу, с другой – к закономерной реакции на существующие различия в качестве жизни. Парадокс заключается в противопоставлении данных исследования стереотипу сельского менталитета, в котором есть определенные установки на многодетную семью, а закономерность показывает нам ответную реакцию на более низкие показатели уровня жизни в малых городах и сельских поселениях, не способствующие принятию решения о деторождении.

Признак, связанный со статусом молодежи, не показывает нам существенных различий относительно планирования брака, но по отношению к рождению первого ребенка учащаяся молодежь дает нам несколько меньшее количество необязательных выборов. Так как, такие факторы как статус, возраст и генерация пересекаются в определенном смысле, мы можем предположить, что введение акцентов в школьном воспитании (а иногда и образовании), смещает установки учащейся молодежи в сторону от возможного отказа от деторождения. Чуть большие показатели обязательных и положительных выборов получены в отношении учащейся молодежи и для всех позиций по деторождению. Но, одновременно с этим, все эти позиции в минимальных значениях представлены для студенческой молодежи. Апеллируя одновременно к возрасту и социальной ситуации (студенчество как время активного становления и самореализации, а включение мероприятий «семейного воспитания» на этапе вторичной социализации), а также с учетом того, что у работающей молодежи все показатели поддержки деторождения выше чем у студенческой (но ниже, чем у учащейся), можно выдвинуть два варианта объяснения: имеет место возрастная динамика, возврат ценностей института семьи на этапе взросления и перехода к следующим этапам реализации матримониальных стратегий (мы уже отмечали эффект «доростания» до классического типа матримониальных диспозиций); второй вариант – ядерные представители поколения Z имеют меньшую ориентацию на деторождение, что может отразиться в последующих шагах по реализации жизненных планов.

Стратификационный фактор, связанный с экономическим благополучием молодежи и их семей, дает явно выраженную прямую зависимость поддержки всех жизненных матримониальных планов от роста такого благополучия. Высокие показатели необязательных выборов для групп молодежи, чьи семьи имеют уровень жизни ниже среднего, создают высокие риски выбора ими неэффективных матримониальных стратегий, в том числе и отказ от брака, деторождения, поддержки родителей. По-нашему мнению, связано это с отсутствием ресурсов для видения в ближайшей перспективе возможности осуществления таких шагов. По сути, пресловутая пирамида потребностей не дает возможности ощутить потребность в создании семьи и рождении детей без удовлетворения потребностей первичных, находящихся на более низком уровне.

Возраст, как биологический фактор, с одной стороны, показывает уже обозначенные нами аспекты молодежных статусов в выборе матримониальных жизненных планов, с другой – показывает более точно возрастные группы, которые формируют рисковую зону необязательных выборов относительно важных в демографическом плане шагов. Так, относительно решения вступить в брак, наибольшее количество необязательных выборов получено от молодежи 18-21 года и 26-31 (около 14%). В отношении последней группы риск, возникающий на основе такого показателя наиболее очевиден – возраст брачного определения (конечного выбора брачного партнера, брачной формы, вступления в брак, создания семьи) диктует необходимость реализации соответствующих этапов воспроизводственного цикла матримониальных стратегий, задержка или отказ от их реализации могут привести к их неэффективности в дальнейшем.

В реализации репродуктивных шагов рисковой становится группа молодежи 18-21 год (как правило студенческая молодежь). Выше данный феномен был разобран, в контексте позитивного сценария (возрастная динамика) и негативного сценария (социальная черта ядра поколения).

Следующим аспектом, обеспечивающим возможную трансформацию матримониальных стратегий молодежи, становятся альтернативные матримониальные идеологии, приводящие молодежь к нежелательному выбору матримониальных отношений и форм. В исследовании альтернативных решений в рамках реализации матримониальных стратегий молодежью, нами были выбраны две, наиболее, по-нашему мнению, деформирующие сознание, мышление и культуру матримониального поведения, формирующие модели поведения в наибольшей степени негативно влияющие на возможность гармоничной самореализации, качество жизни молодого человека, а также несущие в себе риск последующей маргинализации и аномии. Среди таких альтернативных выборов определены:

- безбрачие – сознательный отказ от семейно-брачных отношений;
- чайлдфри – сознательный отказ от рождения детей.

Молодежь, даже провинциальная, имеет представление о данных альтернативах – как о вариантах ценностных парадигм, можно сказать об

идеологиях, характеризующихся своим ценностным набором, культурным кодом и моделями поведения: при этом более 45% хорошо осведомлены о сути данных позиций в матримониальном выборе (Таблица 1, Приложение 8). В разрезе страт есть определенные акценты, показывающие периметр наибольшего погружения и интереса к данным альтернативам поведения. Так, респонденты женского пола показывают свою большую информированности по вопросам чайлдфри, респонденты средних городов гораздо более осведомлены об этих двух альтернативах, чем представители других поселений, а учащаяся и студенческая молодежь перекрывают по своей осведомленности работающую.

Высокая осведомленность молодежи (в варианте выбора «хорошо осведомлен о сути данной идеологии») показывает, что в выборе будущих моделей матримониального поведения молодежь, в силу специфики возрастной группы, активно определяет границы возможных вариантов. Не вызывает удивления и большая погруженность в данные вопросы молодежи средних городов (в силу большей прогрессивности и либеральности взглядов).

Возрастная отрицательная динамика информированности наталкивает нас на мысль, о том, что здесь имеет место не возрастная, а скорее поколенческая тенденция – работающая молодежь, молодежь поколения Y, не имела интереса и «моды» на данные альтернативные варианты, даже в контексте их декларации (с отсутствием последующей реализации), в то время как учащаяся и студенческая молодежь (поколение Z) не только получили доступ к данной информации, но и воспринимают ее как современный тренд и реальную альтернативу матримониального поведения. Некоторую обеспокоенность вызывает и большая погруженность в идеологию чайлдфри респондентов женского пола, так как именно их стратегия деторождения является определяющей в обеспечении национальной политики.

Ситуация беспокойства усугубляется и самооценкой молодежи возможности влияния данных идеологий на ее матримониальное поведение – так, в обоих случаях, практически 29% респондентов подчеркивают, что существование и тем более возможность сознательного выбора таких альтернатив в матримониальных стратегиях имеет достаточно сильное влияние на выбор партнера, создание семьи и последующее рождение детей (Рисунок 2.1.12).

Среди наиболее важных каналов информации по вопросам данных идеологий, конечно, выделяется интернет и социальные сети (43,7%, особенно данный канал по этому вопросу актуален для студенческой молодежи (52,3%)), но вторым по значимости становится канал ближнего окружения, его указывают 15,7% – то есть, данный вопрос становится предметом обсуждения для молодежи в ближнем круге, а возможно, демонстрацией конкретного примера и аргументации приверженности данной альтернативе (обоснование такого выбора, как оптимального) (Рисунок 2.1.13). И особенно такое времяпрепровождение актуально для учащейся молодежи – 21,7% обсуждают эту информацию с друзьями (для студентов такой выбор только 9,9%, для работающей молодежи 13,2%).

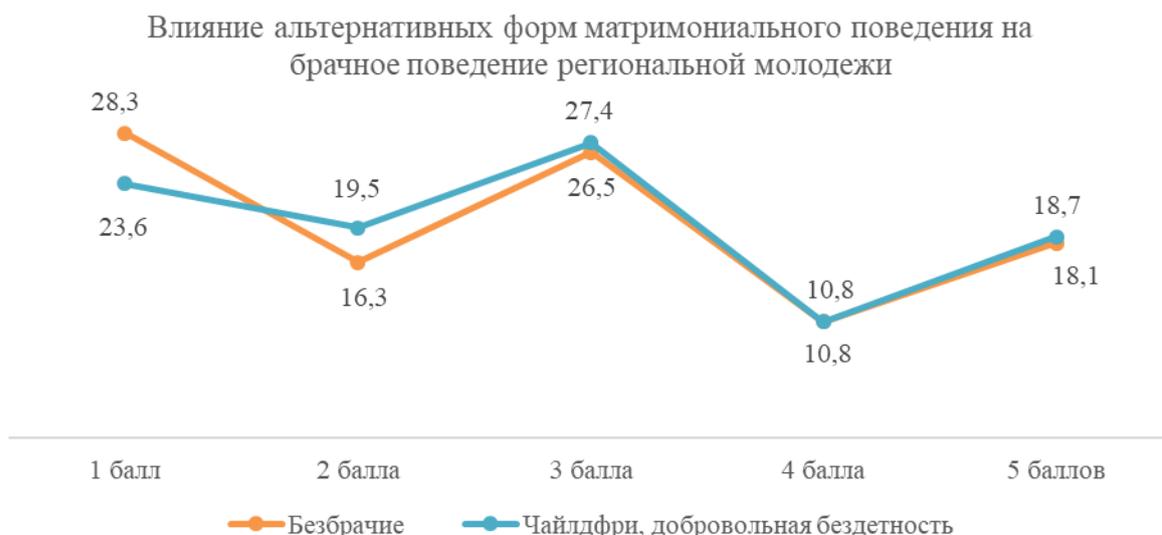

Рисунок 2.1.12 – Ответы респондентов на вопрос «Как Вы считаете, насколько влияют данные идеологии на брачное поведение российской молодежи (насколько они на них ориентированы) – выбор партнера, решение о создании семьи, рождение детей (1-вообще не влияет, 5 – влияет очень сильно)?»

Рисунок 2.1.13 – Ответы респондентов на вопрос «Если Вам известно о данных идеологиях, откуда Вы о них узнали/получаете информацию?»

Наиболее болезненным вопросом в этом блоке нашего исследования (и по сути, его проблемной квинтэссенцией), становится вопрос о поддержке альтернативных вариантов матримониального поведения. 12% молодых респондентов являются приверженцем как идеологии безбрачия, так и чайлдфри. Еще более четверти опрошенных (безбрачие 26,9% и чайлдфри 29,5%) поддерживают, но не являются приверженцами (Таблица 2, Приложение 8). В рассмотрении социальных групп некоторое увеличение приверженности данным поведенческим формам наблюдается в отношении небольших городов и снижение в сельских поселениях, в отношении

гендера объяснимое повышение приверженности для сознательной безбрачности со стороны мужчин, и однозначное превалирование показатели приверженности для каждой альтернативы в группах учащейся молодежи (19,0% безбрачие и 16,0%).

И указанное распределение (среди возрастных групп) является для нас скорее более оптимистичным (несмотря на высокие показатели приверженности), так как соотносится с возрастной психологией и является скорее данной моды, установлением самостийности, пробой прав на собственное мнение и позицию, желание демонстрации не типичности мышления и личностных установок (а также стремление к свободе и независимости). А показатель более 9% (особенно по отношению к чайлдфри) со стороны студенческой и работающей молодежи, является тревожным сигналом, так как может говорить уже об осознанном выборе, особенно в более старшей возрастной группе. Сознательное выключение из демографического воспроизводства почти 10% репродуктивно-активного населения – это серьезный риск для демографической и социальной политики, а также риск возможной деформации национального человеческого капитала.

Впечатляют и данные о наличии в окружении молодежи лиц, являющихся приверженцами данной идеологии (Таблица 3, Приложение 8). 44,7% утверждают, что в их окружении не менее 10% таких людей, при том, что по 11% фиксируют, что таких более 50% и от 30 до 50%, 9,4% – до 30%. Можно предположить, что скорее всего в качестве такого окружения также выступают молодые люди и самооценка молодежью такого размаха приверженности данным идеологиям вызывает серьезное опасение.

Если обратить внимание на различие в составе такого окружения для разных страт, то можно выделить следующие закономерности: приверженцы безбрачия чаще встречаются в окружении респондентов мужского пола; значительно больше приверженцев этих двух идеологий в среде общения молодежи крупных городов; школьники чаще всего могут общаться с людьми, выбирающими такие альтернативные формы матримониальных стратегий. В принципе, распределение данных повторяет саму специфику показателей групп приверженности данных идеологий для страт (см. Таблицу 2.1.3).

Полученные данные подчеркивают не просто актуальность внимания к данному вопросу, а скорее являются тревожным сигналом о существующих рисках в матримониальных стратегиях молодежи, реализация которых может иметь весьма серьезные последствия для демографической ситуации регионов России.

Конечно, не имеет смысла утверждать, что данный жизненный выбор, особенно у учащейся молодежи, сохранится в неизменном состоянии до реальной ситуации реализации матримониальных стратегий. Но, есть объективные факторы, которые могут его закрепить, сделать не просто осознанным выбором, а скорее защитным механизмом – например, при возникновении проблем с взаимодействием с противоположным полом (что в

условиях развития дистанционного общения становится уже не риском, а свершившейся угрозой нарушения, деформации важного этапа матримониального поведения); не стоит отбрасывать и риск, связанный с репродуктивными проблемами (обусловленный, в том числе, и экологией, образом жизни и другими рисками среды).

Хочется отдельно обратить внимание на такие альтернативы в матримониальных стратегиях как феминизм, полиамория и суррогатное материнство – они формируют действительно «нетривиальный взгляд» и установки на выбор брачной формы, специфику семейных отношений, а также альтернативы репродуктивного поведения. В своем исследовании для данных матримониальных альтернатив нами были также зафиксированы осведомленность, приверженность и включенность ближнего круга.

Так, высокую информированность по идеологическим концепциям феминизма демонстрируют 51,0% молодежи, и вопреки логическому предположению о превалировании здесь женской заинтересованности, разница между осведомленностью разных полов не велика – она составляет только 4% в пользу женщин. Приверженность идеологии демонстрируют в среднем 16,7% молодежи (18,5% женщин и 14,0% мужчин), но при этом 50% наблюдают в своем окружении лиц, которые придерживаются данной идеологии. Мы рассчитываем, что речь идет о «мягком феминизме», отстаивающем права полов и защищающем права женщин, но не трансформирующем институт семьи, как в радикальных вариантах данного учения.

Смысл полиамории же в этом отношении не может толковаться двояко – данная идеологическая альтернатива однозначно низвергает традиционные семейные ценности, повышает риск выбора неэффективных матримониальных стратегий, усиливает угрозу возможной маргинализации и аномии в субкультуре приверженцев данной идеологии. И то, что хорошую осведомленность о полиамории (информация о которой не транслируемой повсеместно, как например о феминизме) демонстрируют 31,2% молодежи, а приверженность к ней открыто признают практически 9% (10,4% мужчин и 7,8% женщин) – такая ситуация вызывает серьезные опасения, усугубляющиеся тем, что в ближнем круге у 31,2% присутствуют люди, относящиеся напрямую к данной альтернативе. Полиамория и иные альтернативные стратегии становятся фактором риска деформации матримониальных установок молодежи, нарушения линейного воспроизводства матримониальных стратегий, повышения вероятности получения неэффективного результата в их реализации.

Суррогатное материнство, как мы уже отметили, может влиять на выбор варианта репродукции, и, конечно, не может быть однозначно оценено с точки зрения морали, этики и трансформации матримониальных стратегий. Безусловно, нельзя не отмечать тот факт, что в ряде случаев, суррогатное материнство является способом решения репродуктивных проблем, его негативная сторона проявляется в случае отсутствия таких проблем у женщины, когда альтернативный способ деторождения выбирается по

вторичным мотивам (не хочется тратить время, портить фигуру, испытывать неприятные ощущения). В исследовательском дизайне, в силу участия в выборке достаточного количества бездетной молодежи, еще не фиксирующей репродуктивные проблемы, мы предполагаем, что приверженность, которую демонстрируют 13,8% является тревожным сигналом, как и включенность окружения практически у 35% молодежи.

В качестве сравнительного анализа можно опереться на близкий по смыслу контекст исследования добровольной формы бездетности среди молодежи А.Г. Кислова и И.В. Шапко, которые посредством анкетирования изучали распространенность феномена «чайлдфри» среди учащейся молодежи, а также степень лояльности к этому явлению (N=550)¹ в 2016 году. Авторами была использована шкала Лайкерта, содержащая различные оценочные суждения, подвергшиеся кластерному анализу и позволившим авторам сформировать три категории отношения к феномену «чайлдфри». К первой категории отнесено 24,0% респондентов, высказавшим отрицательное отношение к этому явлению, при этом значимыми ценностями для этой группы молодежи являются семья, здоровье, любовь, дети, хорошая работа. Вторая категория представлена 50,0% респондентов, для которых характерно двойное отношение к этому явлению, они менее категоричны в оценках и избегают крайних оценочных суждений. Для них также значимы такие же ценности, что и для предыдущей группы. Третья категория респондентов (26,0%) лояльно относится к феномену «чайлдфри», при этом авторы указывают на то, что ценности этой группы респондентов существенно отличаются от первых двух. На первом месте по значимости у данной категории выступает самореализация, а уже потом – любовь, семья, дружба. Авторами не установлена приверженность данным идеологиям среди учащейся молодежи, но тенденция к их поддержке может говорить о том, что полученные результаты исследования показывают закономерный итог развития тенденции, связанной, в том числе, и с проявлением «вестернизации» в молодежной среде.

Таким образом, социологический анализ матримониального поведения и стратегий региональной молодежи показал, что молодые люди Белгородской области поддерживают преимущественно традиционный тип матримониальных стратегий. При этом мужчины в большей степени поддерживают традиционный тип, нежели женщины, хотя разница не является значительной. Работающая молодежь больше придерживается консервативного типа, а студенческая – либерального и в некоторой степени – эгоцентрического, а учащаяся – эгоцентрического. Кроме того, с повышением возраста снижается приверженность либеральному и другим типам.

Динамика матримониального поведения и стратегий региональной молодежи наиболее ярко проявилась при анализе ценностных ориентаций молодых людей. Исследование показало положительную динамику ценности

¹ Кислов А.Г, Шапко И.В. Отношение студенческой молодежи Свердловской области к феномену чайлдфри // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 362.

семьи, которая выходит на лидирующее место в системе ценностей региональной молодежи (если в 2020 году данная ценность для молодежи стояла на восьмом месте, то в 2023 году ценность семьи, ее значимость для молодежи выходит на второе место). Здесь интересны следующие аспекты:

- большой приоритет семье отдают мужчины и молодежи с *более высоким материальным положением*.

- *поколенческий срез* показал, то для поколения Z семья располагается на втором месте (после карьеры), в то время как для молодежи поколения Y, данная ценность является первичной.

- при этом для работающей молодежи ценность семьи чуть ниже, чем для *учащейся и студенческой*.

Удалось также зафиксировать уже устойчивый тренд на увеличение брачного возраста, который концентрируется для молодежи в периоде 25-29 лет и в меньшей мере, но не менее выбираемо, период 18-24 года. Также молодые люди мужского пола дают весомый выбор брачного возраста 30-35 лет.

Нулевая динамика установлена при анализе мотивации региональной молодежи: основными мотивами вступления в брак для молодежи по-прежнему являются взаимные чувства, любовь, желание завести детей, а развода – формы неприемлемого поведения супруга (физическое насилие, измена, зависимость, психологическое насилие).

Установлена также динамика репродуктивного поведения региональной молодежи: увеличился возраст желаемого появления первого ребенка (если говорить о возрасте, когда лучше всего заводить первого ребенка, то большая часть молодежи выбирает период 25-29 лет). Также изменяется и тренд на желаемое количество детей: молодые люди Белгородской области, впрочем, как и в целом по России, в большей мере ориентированы на рождение одного-двух детей. Основными факторами принятия решения о рождении ребенка являются финансовое положение, состояние здоровья, желание супруга (и). Основными причинами отказа иметь детей или выбрать стратегию отсроченного деторождения для молодежи становятся эгоцентризм молодежи, другие приоритета (связанные обычно с построением карьеры), психологическая неготовность к родительству.

Наиболее болезненным в этом блоке нашего исследования (и по сути, его проблемной квинтэссенцией) становится вопрос о поддержке альтернативных вариантов матримониального поведения. К сожалению, динамика матримониальных стратегий региональной молодежи показала в этом случае тенденцию на увеличение в поддержке альтернативных матримониальных выборов. Несмотря на то, что чуть более 10% опрошенных молодых людей являются приверженцами идеологии безбрачия и чайлдфри, практически четверть респондентов поддерживают данные идеологии. Кроме того, молодые люди имеют в своем окружении значительную часть молодых людей, которые являются приверженцами данных идеологий. Такой тренд матримониальных стратегий региональной молодежи вызывает серьезную обеспокоенность и несет в себе значительные демографические риски как для Белгородской области, так и для страны в целом.

Подобную динамику на повышение мы видим и в «нетривиальном взгляде» и установках на выбор таких альтернативных матримониальных идеологий, как феминизм, полиамория и суррогатное материнство. Молодые люди Белгородской области продемонстрировали достаточно высокую осведомленность относительно всех трех альтернатив. При этом практически у трети респондентов в окружении есть люди, которые поддерживают полиаморию и суррогатное материнство, что также вызывает тревожность и несет в себе демографические риски как регионального, так и федерального масштаба.

2.2. Матримониальные стратегии в системе жизненного планирования региональной молодежи

Система социальных стратегий молодежи органично включает в себя матримониальные стратегии (см. Рисунок 1.3.1). При этом, существующие связи между социальными стратегиями, придают данной системе свойства *каузальности, системной реактивности и адаптивности*.

Каузальность системы социальных стратегий молодежи обеспечивается за счет причинно-следственных связей между элементами стратегий, когда одни социальные стратегии воздействуют и влияют на другие, на основе чего устанавливается направление такого воздействия для каждой из них. По нашему мнению, каузальность таких связей сугубо индивидуальна (субъектна) и опосредована той системой мета-ценностей, которая есть у индивида, а также их трансформацией в условиях жизненных ситуаций, но в социологическом смысле может быть установлено преимущественное направление воздействия таких связей для страт, генераций, или социальных групп в условиях конкретного хронотопа. В широком смысле, можно говорить о существующем взаимовлиянии социальных стратегий друг на друга, которого различается по вектору и силе. Некоторое направление для определения каузальности воздействия социальных стратегий друг на друга нам дает приоритет ценностей среди региональной молодежи (для ситуации 2023 года), где первым в списке стоит ценность профессионального роста и карьеры, второй семья, самореализация находится на третьем месте, после нее идет здоровье, материальное благополучие, образование, духовность, общественная активность, общение, досуг (интересное времяпрепровождение).

Реактивность системы определяется динамичностью реагирования определенных социальных стратегий на изменяющиеся условия среды, и, на основе существующей каузальности, влиянием на связанные с ними другие стратегии. Такая реактивность, как правило, приводит к быстрым изменениям и долгим последствиям, определяющимся трансформацией жизненного планирования и иным социально-стратегическим результатом. Так называемые «точки бифуркации» приводят к быстрому выбору жизненного пути, нарушая естественный ход реализации социальных стратегий, их возникновение связано, прежде всего, с высокой турбулентностью социального пространства, обусловленной кризисами, переломами, повышенной рискогенностью.

В этом смысле более «полезным» является свойство *адаптивности* социальных стратегий молодежи, позволяющее проводить гармоничные изменения в социально-стратегическом комплексе в рамках возрастной динамики, ценностной трансформации, оценки условий социальной среды.

Матримониальные стратегии органично включены в данный механизм функционирования и изменения, находятся под влиянием и сами влияют на все остальные социальные стратегии.

В данном разделе мы попробуем установить некоторые аспекты связей между социальными стратегиями на основе данных мониторинга социальных стратегий молодежи (исследования проводятся с 2018 года, на территории Белгородской области, при непосредственном участии соискателя), определив «социально-стратегический портрет» для типов матримониальных диспозиций среди молодежи (традиционного, либерального, эгоцентричного и неформального). В нашем анализе мы будем основываться на данных мониторинга 2023 года, но при необходимости обращать внимание на динамику предыдущих лет исследования, так как для Белгородской области период 2022-2023 года стал этапом реализации рисков, связанных с первичными потребностями безопасности, что не могло не сказаться на показателях ценностных ориентаций и жизненных стратегиях региональной молодежи.

Рассмотрим типичные «стратегические черты» для каждого матримониального типа. И логичным будет установление основных связей матримониальных типов с жизненным выбором в матримониальных стратегиях, а также фиксирование влияния альтернативных стратегий на жизненный выбор молодежи разных типов (Рисунки 2.2.1, 2.2.2).

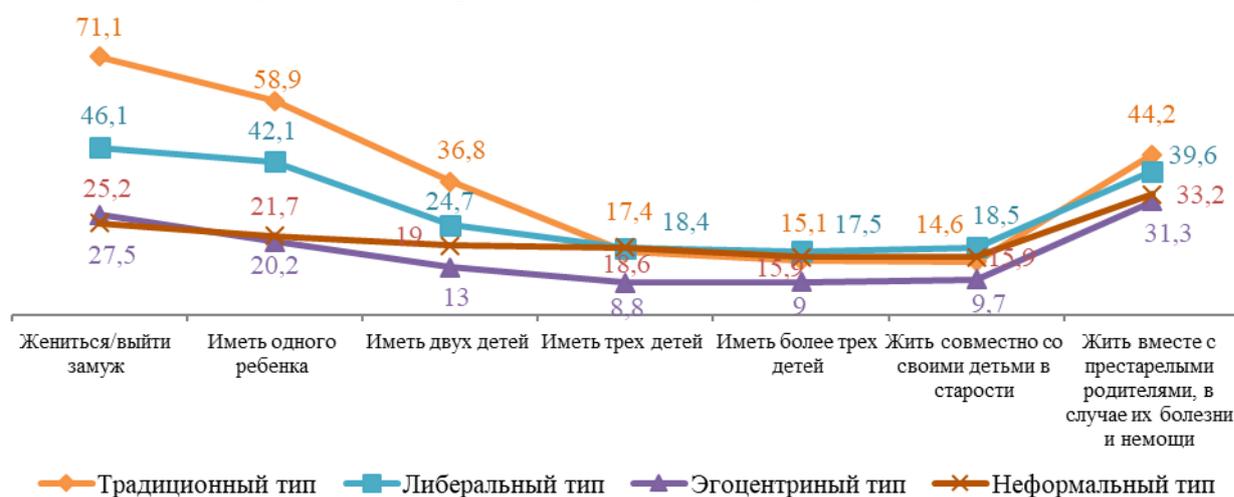

Рисунок 2.2.1 – Жизненные планы в зависимости от типа матримониальных диспозиций (обязательный выбор)

Данные исследования показывают разрыв матримониальных планов, относительно брачного намерения разных типов. Так, консервативный тип имеет брачные намерения в качестве обязательного жизненно шага на 25 пунктов превышающие аналогичные для либерального типа и в 3 раза превышающие намерения остальных. Конечно, можно говорить о положительных ответах в той или иной степени по этому вопросу, суммируя

варианты «обязательно» и «желательно», но и здесь мы получаем видимую разницу значений (95,1%, 85,1%, 64,7%, 42,5% соответственно для каждого типа). Если смотреть на остальное поле жизненного планирования матримониальных стратегий, можно сделать однозначный вывод – традиционный тип имеет гораздо больше предпосылок, заложенных в жизненном планировании, к реализации эффективных матримониальных стратегий. Это очевидно и в отношении обязательных выборов относительно одного и двух детей, также в отражении обязательного жизненного плана, где видна и большая вероятность объединения с родителями, в случае их критического положения. Но в реализации стратегии многодетности все стратегии выходят на близкие показатели жизненного планирования, и обязательные шаги даже несколько больше представлены для либерального и неформального типа. В рассмотрении жизненного плана разных типов становится очевидна закономерность, связанная с наименьшими жизненными выборами всех шагов для эгоцентричного (типа, концентрированного на себе и своих потребностях) и неформального типов, таким образом можно предположить, что именно данные типы являются основными продуцентами неэффективных матримониальных стратегий среди молодежи.

И данное предположение подтверждается превалирующим числом приверженцев среди данных типов альтернативных форм матримониальных стратегий. Достаточно большие показатели приверженности, конечно, нивелируются немногочисленностью данных групп и возрастной динамикой, которая была отмечена ранее, но полученные статистические значения заставляют задуматься (Рисунок 2.2.2). Так, в сравнении с традиционным типом, более 1/3 неформального типа ориентированы на безбрачие, чайлдфри, феминистической позиции, 20,4% поддерживают полиаморию. Эгоцентричный тип показывает существенно меньшую приверженность альтернативным формам, но эти показатели значительно выше, чем у либерального и, тем более, традиционного типа.

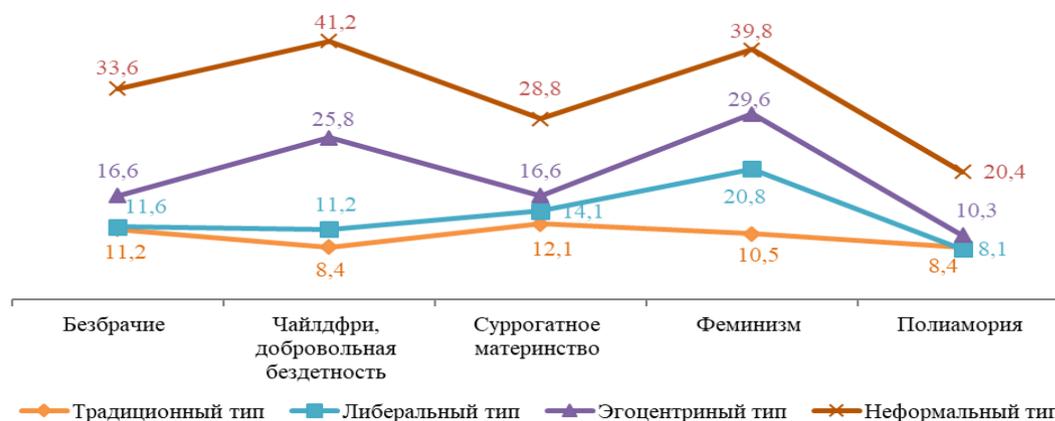

Рисунок 2.2.2 – Приверженность альтернативным матримониальным идеологиям в зависимости от типа матримониальных диспозиций

Продолжая рассматривать портрет матримониальных типов, можно увидеть различия их в типологических экономических установках и жизненном планировании в отношении *экономических стратегий*.

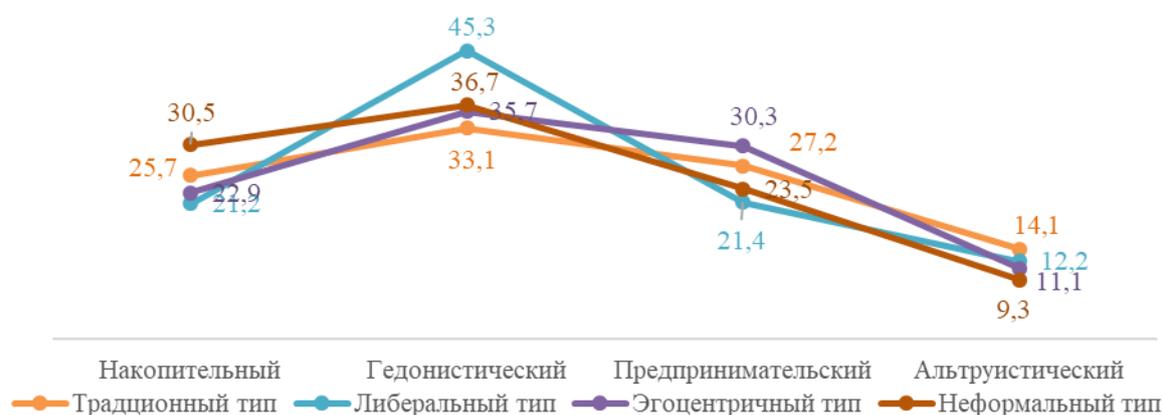

Рисунок 2.2.3 – Черты экономических диспозиций в портретах матримониальных типов региональной молодежи

Несмотря на то, что выборы для разных матримониальных типов сохраняют общую конфигурацию, где более всего представлен гедонистический тип экономических диспозиций, второе место занимают накопительный и предпринимательский тип и менее других альтруистический тип (не ориентирующийся на экономические блага, способный жертвовать их), становится очевидным превалирование ориентации на гедонизм для либерального типа, по отношению к другим типам. Несколько более альтруистическая форма экономических диспозиций представлена для традиционного типа, эгоцентрический тип дает большую предпринимательскую акцентуацию, а неформальный – больше других склонен к накопительству (Таблица 2.2.1). Жизненное планирование в экономических стратегиях показывает, что для традиционного типа, больше чем для других важна помощь родителям, что подтверждает общую ориентацию на традиционные семейные ценности. Либеральный тип, вместе с эгоцентричным типом, чаще ориентированы на отказ от помощи родителей, высокие финансовые накопления и заработки, инвестиции; как и для неформального типа для него характерно более чем для остальных стремление к открытию бизнеса, банковских счетов стремление выйти на пенсию с отказом от работы. Либеральный тип является наиболее активным по всем жизненным планам, чаще всего молодежь данного типа хотела бы в обязательном порядке реализовать все предложенные варианты экономических достижений. В противовес данному типу консервативная молодежь не так активная в планировании жизненных стратегий, кроме помощи родителям (и покупки машины) остальные шаги не выделяются первенством на общем фоне.

В *политических стратегиях* сопряжение с типами матримониальных диспозиций показало, что консервативный и либеральный типы чаще дают индифферентную политическую позицию и реже продуцируют мнения, связанные с политической активностью. Неформальный тип, с одной стороны наиболее других представлен в отстраненной от политики позиции, с другой – чаще других имеет интерес к политике и вовлеченность в нее (см. Рисунок 2.2.4). Относительно политических жизненных выборов и планов, представленных в данных Таблицы 2.2.2, очевидно большая

заинтересованность во всех политических шагах для либерального и неформального типа, наименьшая для эгоцентричного типа (это подтверждает его позицию центрированности на себе). Традиционный тип не дает пиковых позиций, политическая стратегия его интересует также не сильно.

Таблица 2.2.1 – Обязательные жизненные планы экономических стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Жизненные планы в экономических стратегиях		Традиционный тип	Либеральный тип	Эгоцентричный тип	Неформальный тип
Отказаться от материальной помощи родителей	%	60	65,2	67,9	61,9
	Абс	3528	3834	3993	3640
Покупка машины	%	59,7	55,5	48,5	45,6
	Абс	3510	3263	2852	2682
Покупка квартиры	%	68,4	70	67,9	56,6
	Абс	4022	4116	3993	3328
Открытие бизнеса	%	31,3	36,2	31,3	35
	Абс	1841	2129	1841	2058
Помощь родителям	%	77,9	74,9	71,6	53,1
	Абс	4581	4405	4211	3123
Выход на пенсию с отказом от работы	%	30,6	36,5	30	35
	Абс	1799	2146	1764	2058
Наличие финансовых накоплений	%	66,1	71,8	73,1	63,7
	Абс	3887	4222	4299	3746
Высокий заработок	%	63,2	70,3	68,7	59,7
	Абс	3716	4134	4040	3511
Открытие депозитного счета (в банке, под проценты)	%	36,3	40,5	38	41,6
	Абс	2134	2382	2235	2446
Открытие инвестиционного счета	%	35	39,2	40,3	39,4
	Абс	2058	2305	2370	2317
Благотворительная деятельность	%	35,2	37	27,3	30,5
	Абс	2070	2176	1605	1793

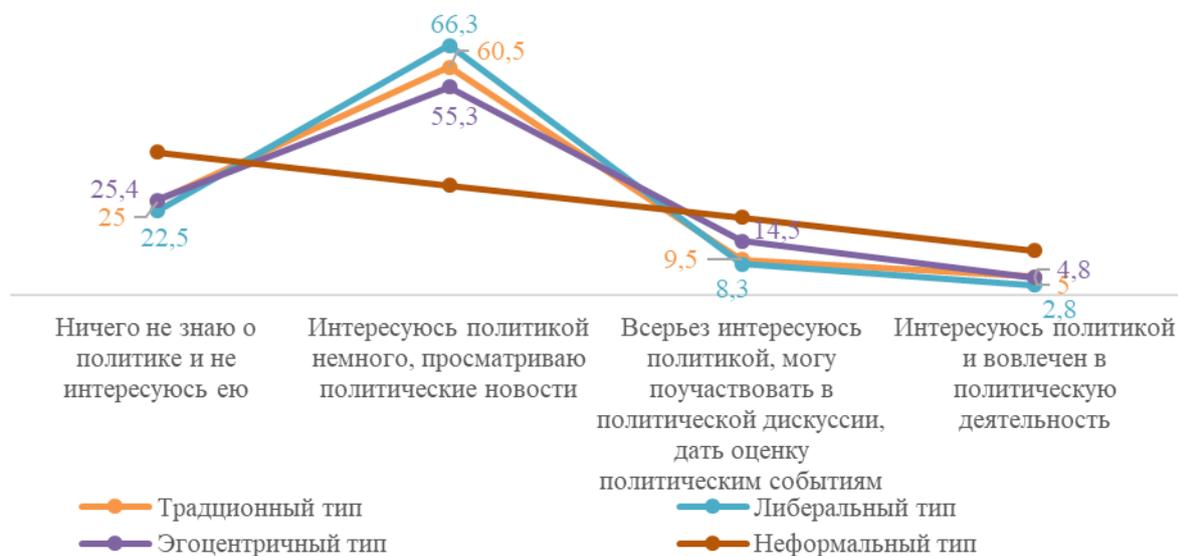

Рисунок 2.2.4 – Черты политических диспозиций в портретах матримониальных типов региональной молодежи

Говоря о политических стратегиях и матримониальных типах, не можем не сказать, что молодежь традиционного типа матримониальных диспозиций показывает наибольшие показатели доверия ко всем институтам власти на всех уровнях, в некоторых случаях практически в два раза превышающие значения других типов. Несмотря на политическую индифферентность, данный тип является лояльным к политическим решениям, реформам и поддерживает их. Самостоятельная политическая протестная готовность его находится на средних позициях (готовность выйти самостоятельно с политическим протестом) – в наибольшем показателе она представлена для неформального типа. А вот в позиции «выйти на протест за лидером» более других активен либеральный тип.

Таблица 2.2.2 – Обязательные жизненные планы политических стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Жизненные планы в политических стратегиях		Традиционный тип	Либеральный тип	Эгоцентричный тип	Неформальный тип
Стать политически более активным: разбираться в политике, участвовать в политических дискуссиях, следить за политическими новостями	%	23,6	26,7	23,5	25,7
	Абс	1388	1570	1382	1511
Вступить или участвовать в работе политической партии	%	16,1	21,2	12,2	22,1
	Абс	947	1247	717	1300
Активно участвовать в избирательных кампаниях в поддержку политических лидеров	%	21,9	22,9	16,6	20,4
	Абс	1288	1347	976	1199
Участвовать в выборах, референдумах	%	31,6	31,3	22,9	33,2
	Абс	1858	1840	1346	1952
Участвовать в протестных движениях	%	15,9	22,2	15,1	23,9
	Абс	935	1305	888	1405
Участвовать в качестве депутата в выборах	%	17,5	22,4	14,5	23
	Абс	1028	1317	853	1352
Баллотироваться в мэры или губернаторы	%	17,7	22,1	14,3	19,9
	Абс	1041	1300	841	1170

Общественные стратегии вносят свой вклад в социальный портрет матримониальных типов, показывая важность для них общественной активности. Проблема общественной активности, связанная с волонтерством и лидерством для молодежи очень актуальна, особенно в текущем положении Белгородского региона (последствиями ракетных и беспилотниковых ударов становятся серьезные разрушения инфраструктуры и жилых домов, для устранения нужна помощь добровольцев; жители приграничных территорий эвакуируются в ПВР, обслуживания в которых также ложится на плечи молодых волонтеров; молодые волонтеры-медики дежурят в больницах, помогают в обслуживании раненых бойцов и пострадавших жителей, волонтеры-доноры сдают кровь и т.д.), но, несмотря на это, позиции, показывающие такую активность, не являются приоритетными для молодых людей, более всего для них характерна ситуативная общественная активность

(в том числе и событийное волонтерство), и чаще всего здесь представлены позиции именно либерального и традиционного типов (см. Рисунок 2.2.5). Общественная отстраненность и одновременно общественное лидерство более всего характерны для неформального типа (социальный парадокс), а вот выбор общественной активности, как ни странно, чаще всего встречается у эгоцентричного типа.

Рисунок 2.2.5 – Черты общественных диспозиций в портретах матримониальных типов региональной молодежи

Несмотря на общую общественную отстраненность, либеральный тип чаще других указывает планы, связанные с общественной активностью, как обязательные жизненные ориентиры, как, впрочем, и традиционный тип, для которого достаточно важным будет заниматься волонтерской деятельностью, благотворительностью и социальным предпринимательством. Менее всего общественные стратегии важны для эгоцентричного типа (Таблица 2.2.3).

Таблица 2.2.3 – Обязательные жизненные планы общественных стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Жизненные планы в общественных стратегиях		Традиционный тип	Либеральный тип	Эгоцентричный тип	Неформальный тип
Заниматься волонтерской деятельностью	%	34,4	35,8	25,4	29,2
	Абс	2023	2105	1494	1717
Основать или стать членом общественной организации	%	21,9	26,4	20,6	25,2
	Абс	1288	1552	1211	1482
Заниматься благотворительностью	%	35	34,4	27,3	28,3
	Абс	2058	2023	1605	1664
Предложить и реализовать какой-то социально-значимый проект	%	25,9	30,1	21,8	28,3
	Абс	1523	1770	1282	1664
Заниматься социальным предпринимательством (для решения какой-либо социальной проблемы)	%	27	28,6	20,2	23,5
	Абс	1588	1682	1188	1382

Интересен тот факт, что несмотря на сходный выбор в важности общественных стратегий для традиционного и либерального типов, на вопрос об общественных инвестициях¹ традиционный тип дает значительный приоритет в согласии безвозмездного и безусловного участия в качестве волонтеров, при необходимости (31,2%, по отношению к 9-13% других типов). На наш взгляд, данная позиция является индикатором комплекса человекомерных установок, к которым, безусловно, относится и ориентация на традиционную семью и деторождение.

Досуговые стратегии возможно не так показательны для портретов матримониальных типов, но они отражают будущие интересы семей и индивидов. Так, уже сейчас видно превалирование выбора дефицита времени на досуг для традиционного типа (мы можем только предположить, что это возможно связано с усиленной учебной и трудовой деятельностью) (см. Рисунок 2.2.6).

Рисунок 2.2.6 – Черты досуговых диспозиций в портретах матримониальных типов региональной молодежи

Либеральный тип чаще других выбирает ответ «нет постоянного досуга», что может говорить, как о разностороннем интересе, так и о неспособности найти его. Предпочтение активного досуга более других встречается у традиционного типа, что отражается и в обязательных жизненных планах – 60,2% молодежи данного типа собираются активно заниматься спортом, примерно столько же активно путешествовать (Таблица 2.2.4).

Соответствуя фабуле своего описания, эгоцентричный тип чаще других выбирает жизненные планы на досуг, связанный с самореализацией (саморазвитие и творчество) (Таблица 2.2.4). В целом, стоит отметить, что для современной молодежи наиболее актуальны жизненные планы, связанные с саморазвитием.

¹ Если бы для нашего региона была бы нужна волонтерская помощь (например, помощь беженцам, или иным категориям лиц), Вы бы: 1. Сразу пошел бы туда, где была необходимость и помогал бы сколько было бы нужно; 2. Обязательно бы поучаствовал в свободное время; 3. Если бы была возможность, поучаствовал бы; 4. Имею высокую занятость, скорее всего не смог бы поучаствовать; 5. Мне это не интересно; 6. Затрудняюсь ответить.

Таблица 2.2.4 – Обязательные жизненные планы досуговых стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Жизненные планы в досуговых стратегиях		Традиционн ый тип	Либеральн ый тип	Эгоцентрич ный тип	Неформальн ый тип
Активно заниматься спортом	%	60,2	55,2	52,7	42
	Абс	3540	3246	3099	2470
Активно заниматься творчеством	%	39,3	46	47,7	43,8
	Абс	2311	2705	2805	2576
Активно заниматься саморазвитием	%	66,3	68,4	72,1	54
	Абс	3899	4022	4240	3176
Активно посещать культурные мероприятия	%	41,9	46,1	40,5	36,7
	Абс	2464	2711	2382	2158
Активно путешествовать	%	59,8	61,6	57,1	47,3
	Абс	3517	3623	3358	2782

Миграционные стратегические диспозиции четко показывают более «выгодные» миграционные установки традиционного типа матримониальных диспозиций среди молодежи – так, данный тип дает наибольшее количество выборов для оседлого миграционного типа (ориентированного на закрепление на территории рождения, что особенно актуально для приграничных территорий (тем более, находящихся в ситуации прифронтовых рисков)), наименьшее количество выборов для мигрирующего и эмигрирующего и становится вторым по низким значениям для мобильного миграционного типа (самый опасный тип для регионов – молодежь, уезжающая без особых причин, в силу желания попробовать что-то новое, он является преимущественным в разрезе миграционных типов Белгородской области (52,8%) (см. Рисунок 2.2.7). Либеральный тип как раз в этой диспозиции представлен по максимуму – и с одной стороны, нельзя назвать желание узнать новое, попробовать себя на новом месте, чем-то негативным – скорее наоборот, это иной тип человеческого капитала, возможно обладающий большими адаптивными качествами, с большей жизнестойкостью, волей, склонностью к риску, но, с позиции региональной демографии, данный тип нивелирует значимость и эффективность целенаправленных мероприятий закрепления молодежи, формируя дефицит человеческого и кадрового капитала и угроза деформации демографической структуры (по возрастному типу и в плане динамики).

Эгоцентричный тип чаще других делает выбор в пользу межрегиональной миграции, а неформальный более других склонен выбирать ориентир на эмиграцию. Если смотреть на обязательный выбор жизненных шагов, становится очевидно, что неформальный тип по всем позициям имеет приоритет по отношению к другим типам, в то время как традиционный тип показывает, что такие решения для него не особенно важны – представители данного типа менее всего ориентированы на миграцию (Таблица 2.2.5).

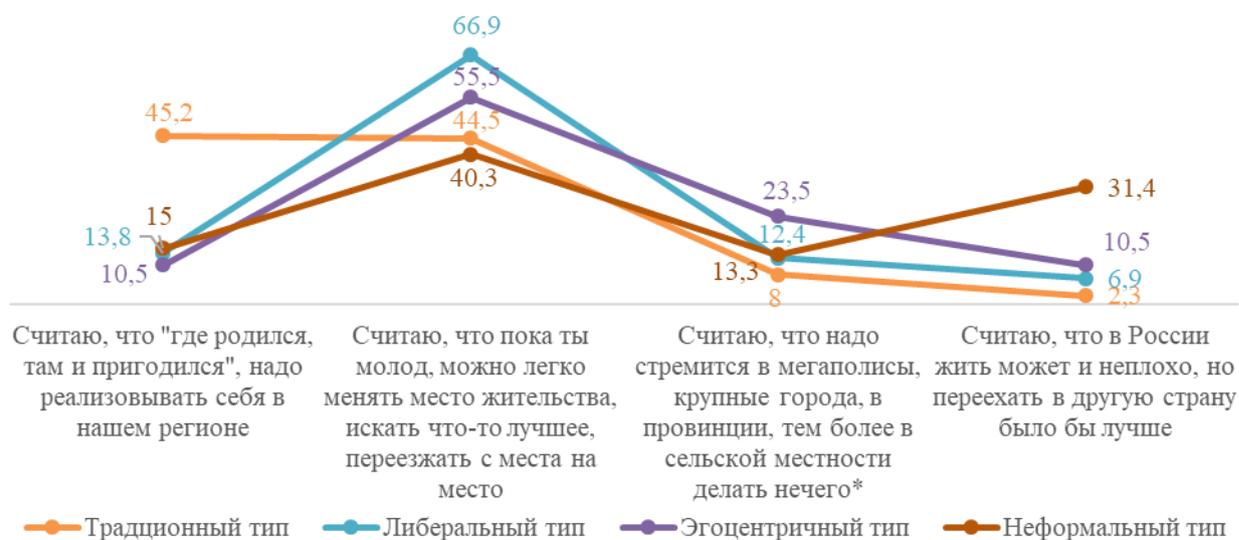

Рисунок 2.2.7 – Черты миграционных диспозиций в портретах матримониальных типов региональной молодежи

Таблица 2.2.5 – Обязательные жизненные планы миграционных стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Жизненные планы в миграционных стратегиях		Традиционный тип	Либеральный тип	Эгоцентричный тип	Неформальный тип
Поменять место жительства в пределах своего региона	%	22,7	32,3	26,3	35,8
	Абс	1335	1900	1546	2105
Поменять место жительства в рамках территории РФ	%	16,1	27,6	22,1	30,5
	Абс	947	1623	1300	1793
Уехать из РФ в страны Востока	%	11,5	22	15,1	26,1
	Абс	676	1294	888	1535
Уехать из РФ в страны Запада	%	9,9	20,9	14,7	25,7
	Абс	582	1229	864	1511

Таким образом, можно сказать, что с позиции закрепления человеческого капитала и региональной демографии традиционный тип является более эффективным. Ориентация его на «малую родину» показывает, в том числе и территориальную идентичность, а решение остаться в противовес общественному мнению (которое является одним из ведущих факторов миграции для региональной молодежи) часто связано именно с семейными ценностями – родительская и собственная семья, родственные связи, общение с родными, необходимость их поддержки и помощи, желание вырастить детей в месте своего рождения¹. Вообще, можно сказать, что ценность малой родины, ценность такого закрепления и тех факторов, которые ее обуславливают, можно также назвать традиционными

¹ Здесь приводятся мнения по результатам фокус-групп, проведенных в 2023 году среди молодежи на тему «Семья и семейные стратегии молодежи».

семейными ценностями, которые формируют преемственность смыслов, социализируют молодежь особым образом.

Карьерные стратегические диспозиции определяют разницу в карьерных устремлениях разных типов матримониальных диспозиций молодежи (Рисунок 2.2.8).

Рисунок 2.2.8 – Черты карьерных диспозиций в портретах матримониальных типов региональной молодежи

Так, более других активная карьерная позиция характерна для эгоцентричного и неформального типов, традиционный тип же более других представлен в карьерных «пацифистах» (для которых карьера не важна) и в карьерных рационалистах (не готовых жертвовать ради карьеры чем-то важным, и прежде всего семьей). Несколько странно видеть, что либеральный тип показывает наибольшие значения среди прочих в группе карьерных «пессимистов» (неуверенных в возможности сделать карьеру) – мы это связываем с общей высокой критичностью суждений данного типа, склонного к негативной оценки ситуации (в том числе и региональной).

Невысокая устремленность на карьеру для традиционного типа подтверждается и конфигурацией его жизненного выбора в этой области – так, он более других типов ориентирован на работу по специальности (что показывает меньшую склонность к риску, большую ригидность, но, одновременно, опять подчеркивает определенную традиционность, «правильность» и логичность решений) (Таблица 2.2.6). Данный тип более других (наряду с либеральным, который имеет сходные убеждения) стремится к передаче знаний, чаще выбирает небольшую карьерную лестницу. К большой карьере скорее устремлен неформальный тип, он же больше других тяготеет к собственному бизнесу.

Духовно-нравственный стратегии и диспозиции как нельзя более четко характеризуют выделенные типы молодежи в матримониальных диспозициях и дают яркие черты к их общему социальному портрету. Так, традиционный тип более других представлен в диспозициях высокой духовности и менее других отражен для конформных и бездуховных установок (Рисунок 2.2.9).

Либеральный же тип более других имеет диспозиции ситуативной духовности, позволяющие делать выбор в соответствии с ситуацией, извиняющий безнравственное и бездуховное поведение в случае повышенного риска. Тип, наиболее представленный в позициях низкой и конформной духовности – это неформальный тип (который не терпит формальности и рамок, регулирующих его поведение).

Таблица 2.2.6 – Обязательные жизненные планы карьерных стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Жизненные планы в карьерных стратегиях		Традиционный тип	Либеральный тип	Эгоцентричный тип	Неформальный тип
Работать по специальности	%	43,8	41,5	38,2	38,5
	Абс	2576	2441	2246	2264
Стать высокооплачиваемым специалистом	%	61,8	65,9	64,3	58,8
	Абс	3634	3876	3781	3458
Иметь собственный бизнес	%	39,1	39,6	36,1	41,6
	Абс	2299	2329	2123	2446
Обучать людей в своей профессиональной области	%	36,7	37,7	30,9	35,4
	Абс	2158	2217	1817	2082
Руководить структурным подразделением	%	36,3	36,3	32,6	35,8
	Абс	2134	2134	1917	2105
Руководить организацией	%	36,2	37,4	32,4	42,9
	Абс	2129	2199	1905	2523
Руководить корпорацией	%	33,4	34,6	31,1	38,9
	Абс	1964	2035	1829	2288
Сделать успешную карьеру	%	55,2	61,4	66,2	55,3
	Абс	3246	3611	3893	3252
Стать знаменитым в своей профессиональной сфере	%	40,7	44	43,3	45,6
	Абс	2394	2588	2546	2682

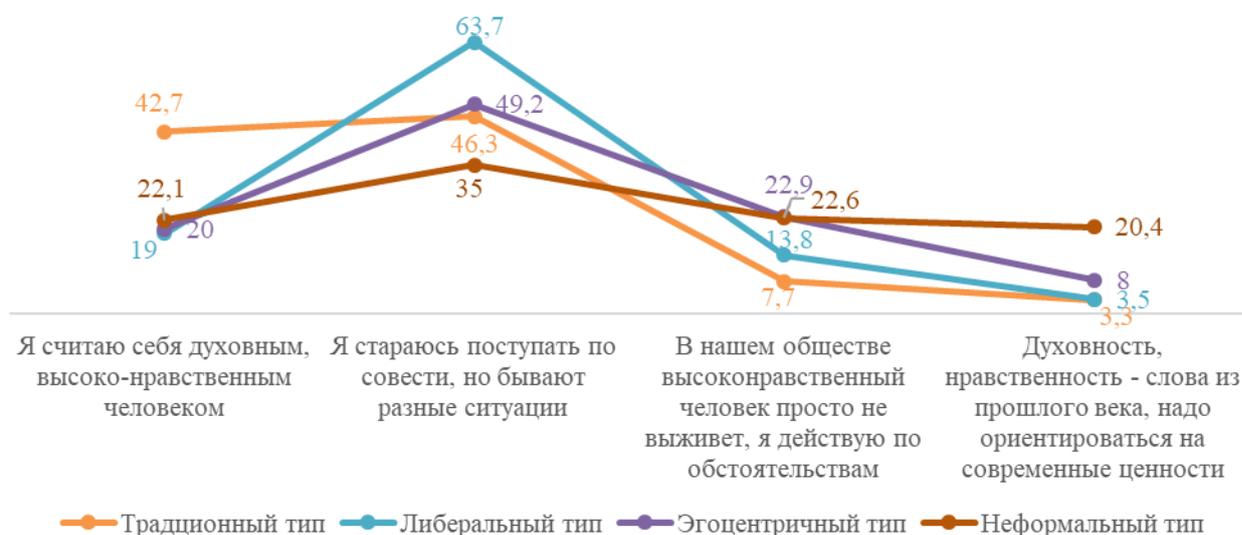

Рисунок 2.2.9 – Черты духовно-нравственных диспозиций в портретах матримониальных типов региональной молодежи

И, если в других стратегиях можно было наблюдать, что выборы традиционного типа часто не являются приоритетными по отношению к другим типам, то в отношении духовно-нравственных жизненных выборов и стратегий молодежь этого типа делает наиболее значимый выбор по всем возможным жизненным шагам – от повышения собственной религиозной культуры и приобщения к религии детей до гражданского подвига и нравственного примера (Таблица 2.2.7). И снова мы можем соотнести это с традиционными ценностями, человекомерными устремлениями представителей данного типа. Наименьшей значимостью духовно-нравственные решения становятся для эгоцентричного типа, следующий за ним идет неформальный тип матримониальных диспозиций.

Таблица 2.2.7 – Обязательные жизненные планы духовно-нравственных стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Жизненные планы в духовно-нравственных стратегиях		Традиционный тип	Либеральный тип	Эгоцентричный тип	Неформальный тип
Повысить свою религиозную культуру, стать прихожанином церкви	%	29,2	27,4	21	27,4
	Абс	1717	1611	1235	1611
Повысить свой культурный уровень	%	37	37,6	31,3	33,6
	Абс	2176	2211	1841	1976
Стать примером нравственных поступков (возможно, даже героем)	%	33,5	30,8	22,1	30,5
	Абс	1970	1811	1300	1793
Совершить какой-нибудь подвиг (например, гражданский или военный)	%	27,1	26	18,9	28,8
	Абс	1594	1529	1112	1694
Помогать в контроле за нравственностью в нашем обществе (на территории проживания)	%	29,6	28,4	19,7	25,7
	Абс	1741	1670	1159	1511
Ввести в религию своего ребенка	%	30,1	25,5	16,6	22,1
	Абс	1770	1500	976	1300
Иметь супруга(у) единоверца	%	35,6	30	21	23
	Абс	2094	1764	1235	1353

Нельзя не сказать и о некоторых других диспозициях, позволяющих увидеть дополнительный контур духовно-нравственных стратегий. Так, в определении понятия патриотизм, традиционный тип чаще других практически или более чем в два раза делает выбор в пользу «беззаветной любви к Родине, безусловной, независимой от ситуации» (51,0%; 28,4%; 22,1%; 19,0%). Его показатель абсолютного патриотизма значительно больше, чем у других типов матримониальных диспозиций (84,4%; 63,1%; 50,5%; 38,0%). Важность этих данных обусловлена всеми теми аспектами воспроизводства семьи и ее функцией в обеспечении социализации, о которых мы говорили ранее – связь традиционной ориентации на семью, выбор эффективных матримониальных стратегий обеспечивает и остальные

задачи, стоящие перед нашим государством, в том числе и в направлении повышения гражданственности, идентичности и патриотизма населения.

Говоря о диспозициях в образовательных стратегиях видна существенная разница в представленности показателя отношения к образованию среди разных типов (Рисунок 2.2.10). Так, для традиционного типа более чем для всех остальных характерна установка на постоянное образование и самообразование, менее всего она выражена для неформального типа. Либеральный тип дает наибольшие по отношению к другим типам значения выбора в пользу периодического повышения квалификации. Неформальный тип более других ориентирован на ограничения знаний школьным и университетским уровнем.

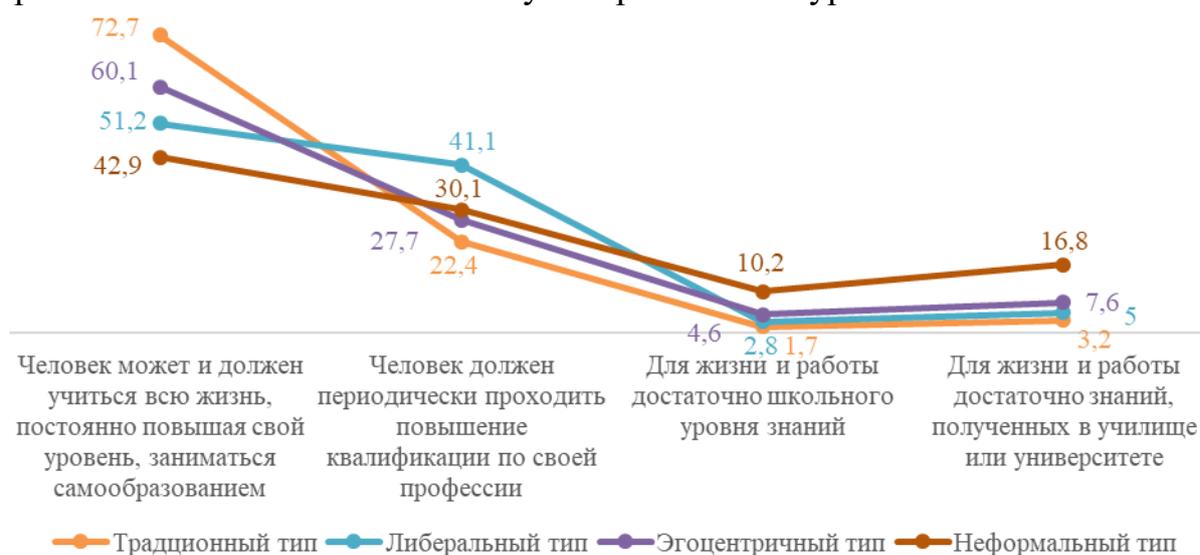

Рисунок 2.2.10 – Черты образовательных диспозиций в портретах матримониальных типов региональной молодежи

Жизненные планы традиционного типа более других связаны с получением высшего образования (Таблица 2.2.8). В целом для многих типов желание обучаться на курсах дополнительного образования и повышения квалификации, и даже открыть собственные курсы, совпадают. Но получить, например, второе образование, более других типов актуально для неформального типа матримониальных диспозиций.

Также, как и духовно-нравственные стратегии, *самосохранительные стратегии* наглядно показывают, что «традиционность» в матримониальных стратегиях и диспозициях отражается как позитивный фактор во всех стратегически значимых направлениях для нашего государства – так, поставленный курс на здоровье нации, на продолжительность жизни, включение в спорт и физическую культуру обуславливает соответствующие ориентиры, которых более всего придерживается именно традиционный тип (Рисунок 2.2.11, Таблица 2.2.9). Именно для него более других характерен выбор (и он же является приоритетным для данного типа) осознанного контроля и поддержания собственного здоровья, что также отражается в выборе жизненных шагов, связанным с активным спортом, здоровым питанием, отказом от вредных привычек и даже желанием быть спортивным

волонтером. Если посмотреть про планируемые показатели жизни, то традиционный тип также чаще других дает обязательный выбор по всем показателям дожития.

Таблица 2.2.8 – Обязательные жизненные планы образовательных стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Жизненные планы в образовательных стратегиях		Традиционный тип	Либеральный тип	Эгоцентричный тип	Неформальный тип
Получить высшее образование	%	74,4	67,4	64,9	49,6
	Абс	4375	3964	3817	2917
Получить второе образование	%	31,4	30,5	30,9	35,8
	Абс	1847	1794	1817	2105
Обучаться на курсах дополнительного образования	%	41,9	41,3	41,8	38,9
	Абс	2464	2429	2458	2288
Повысить свою квалификацию по профессии	%	52,9	51,7	49,6	43,4
	Абс	3111	3040	2917	2552
Заняться самообразованием	%	60	61,7	66,8	52,7
	Абс	3529	3629	3929	3099
Открыть собственные обучающие курсы	%	30	31,6	28,8	31
	Абс	1764	1858	1694	1823

Рисунок 2.2.11 – Черты самосохранительных диспозиций в портретах матримониальных типов региональной молодежи

Либеральный тип скорее ориентирован в самосохранительных стратегиях на сознательность и ориентацию на здоровый образ жизни (нежели действенность, как у традиционного типа), именно там его показатели максимальны. Неформальный тип имеет самые невысокие обязательные намерения по всем жизненным планам самосохранительных стратегий (Таблица 2.2.9) и чаще других придерживается отложенных самосохранительных диспозиций или выбирает вариант нездорового образа жизни.

Таблица 2.2.9 – Обязательные жизненные планы самосохранительных стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Жизненные планы в самосохранительных стратегиях		Традиционный тип	Либеральный тип	Эгоцентричный тип	Неформальный тип
Заниматься спортом	%	64,3	59,9	57,6	47,8
	Абс	3781	3523	3387	2811
Не курить и не употреблять других вредных веществ	%	65,1	59,4	59,5	51,8
	Абс	3829	3493	3499	3046
Не употреблять алкоголь (минимум употребления)	%	62,7	54,5	54,6	46,5
	Абс	3687	3205	3211	2735
Придерживаться здорового питания	%	53,3	47,1	45,6	39,4
	Абс	3135	2770	2682	2317
Посещать поликлинику и проходить диспансеризацию в целях профилактики заболеваний	%	53,2	50,5	47,5	40,7
	Абс	3129	2970	2793	2394
Стать спортивным волонтером	%	36,5	33,2	26,1	29,6
	Абс	2147	1952	1535	1741
Дожить до 70 лет	%	57,6	51,3	42,6	39,4
	Абс	3387	3017	2505	2317
Дожить до 80 лет	%	50,1	44,3	36,3	37,6
	Абс	2946	2605	2135	2211
Дожить до 90 лет	%	43	39,5	33,2	35,8
	Абс	2529	2323	1952	2105

Коммуникативные стратегии и диспозиции скорее имеют социально-психологическую природу, часто основаны на экстро-интровертных качествах, но несмотря на это также дают определенные черты в портреты типов матримониальных диспозиций молодежи. Так, традиционный тип более других ориентирован на общение, имеет широкий круг контактов, либеральный скорее, хотя и общается достаточно много, но избирательно (Рисунок 2.2.12). Для эгоцентричного типа чаще чем для всех остальных общение не цель и не приоритет, а вот неформальный тип дает больше чем остальные типы интровертированную и дефицитную коммуникативную диспозицию (когда общение дается с трудом, несмотря на потребность в нем).

Жизненные шаги в рамках коммуникативных стратегий показывают, что традиционный тип более других осознает риски виртуализации общения, геймификации и предполагает в дальнейшем сократить виртуальные контакты в пользу живой коммуникации и отказаться от компьютерных игр (Таблица 2.2.10), хотя, по нашим данным, наибольшую интернет-зависимость имеет либеральный тип – 37,0% его представителей говорят об этом. Большие планы на виртуальную коммуникацию у неформального типа – он более других типов ориентирован на открытие собственного блога, канала или сайта, основание общественного или политического движения в интернете, а также открытия интернет-бизнеса, данный шаг важен также и

для либерального типа. Как раз либеральный и эгоцентричный тип чаще других выбирают такой шаг как обучение в интернете.

Рисунок 2.2.12 – Черты коммуникативных диспозиций в портретах матримониальных типов региональной молодежи

Таблица 2.2.10 – Обязательные жизненные планы коммуникативных стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Жизненные планы в коммуникативных стратегиях		Традиционный тип	Либеральный тип	Эгоцентричный тип	Неформальный тип
Сократить время, проводимое в социальных сетях, с целью увеличения живого общения	%	46,4	43,2	36,1	35,4
	Абс	2729	2541	2123	2082
Открыть свой блог (канал, сайт) и бороться за количество подписчиков	%	25,6	28,5	24,6	32,3
	Абс	1506	1676	1447	1900
Отказаться от компьютерных игр	%	37,2	33,2	29,8	29,2
	Абс	2188	1952	1753	1717
Использовать интернет только для решения рабочих задач	%	29,1	28,7	24,6	29,2
	Абс	1711	1688	1447	1717
Открыть собственный бизнес в интернете	%	29,6	31,1	29,6	30,5
	Абс	1741	1829	1741	1794
Основать общественное движение или группу в интернете, связанную с политической или социальной идеей	%	24,8	26,2	21,4	28,8
	Абс	1458	1541	1259	1694
Проходить обучение в интернете	%	32,5	35,9	34,7	29,6
	Абс	1911	2111	2041	1741
Больше общаться, заводить новых друзей	%	38,1	41,2	35,3	37,2
	Абс	2241	2423	2076	2188

Самореализационные диспозиции также расставляют особые акценты в матримониальных типах молодежи. Так, традиционный тип чаще других ориентирован на самореализацию, либеральный чаще остальных выбирает отстраненную от самореализации диспозицию (когда самореализация не является проблемой, темой для размышления) (Рисунок 2.2.13). Для неформального типа чаще других характерен выбор, связанный с акцентом на проблемы самореализации – не знания в чем себя реализовать или отрицании своих возможностей в самореализации.

Рисунок 2.2.13 – Черты самореализационных диспозиций в портретах матримониальных типов региональной молодежи

Жизненные шаги в самореализационных стратегиях показывают, что традиционный и эгоцентричный тип более других имеют значимые намерения в этом плане (Таблица 2.2.11), менее всего в самореализации заинтересован неформальный тип. В рассмотрении приоритетов самореализации (творчество, профессия, семья) есть четкие акценты, при которых эгоцентричный тип более других ориентирован на самореализацию в творчестве и карьере, а традиционный тип – в семье.

Итоговым моментом в освещении социального портрета матримониальных типов через социальные стратегии и жизненное планирование может стать их оценка возможностей реализации жизненных планов (Таблица 2.2.11). Сравнивая значения всех показателей становится очевидным, что традиционный матримониальный тип молодежи скорее оценивает все свои возможности как высокие, нежели чем остальные типы. Да, безусловно, общая иерархия, показывающая проблемы реализации жизненных планов, сохраняется для всех групп молодежи (среди максимально высокой оценки возможностей выделяются такие стратегические шаги как заниматься физической культурой и спортом (62,8%), создать семью (62,0%); среди низкой оценки возможностей выделяются возможность заниматься предпринимательством (45,8%), возможность найти высокооплачиваемую работу (47,0%), возможность решить жилищный вопрос (49,3%)), но видно как «падает» самооценка

возможности их реализации при переходе от либерального к неформальному типу, где положительную оценку в самом пике можно фиксировать только на уровне 47,8%.

Таблица 2.2.11 – Обязательные жизненные планы самореализационных стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Жизненные планы в самореализационных стратегиях		Традиционный тип	Либеральный тип	Эгоцентричный тип	Неформальный тип
Найти свое призвание в жизни	%	75,6	73,7	73,5	54,9
	Абс	4446	4334	4323	3229
Заниматься «делом своей жизни»	%	68,6	66,9	67	55,3
	Абс	4034	3934	3940	3252
Открыть и развить в себе способности, таланты	%	65	64,6	66	51,8
	Абс	3823	3799	3881	3046
Прославится, быть знаменитым и признанным	%	39,8	38,4	35,7	35,4
	Абс	2341	2258	2100	2082
Достичь невероятных высот мастерства в чем-либо	%	49,9	47,9	50,8	48,2
	Абс	2935	2817	2988	2835
Реализоваться в творчестве, увлечении	%	49,6	50,7	52,5	45,1
	Абс	2917	2982	3088	2652
Реализоваться в профессиональной деятельности	%	62,6	59,3	64,7	47,8
	Абс	3682	3487	3805	2811
Реализоваться в семье	%	67,5	56,5	39,3	32,3
	Абс	3970	3323	2311	1900

Таблица 2.2.12 – Показатели высокой оценки возможности реализовать жизненные планы социальных стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Возможности реализации жизненных планов		Традиционный тип	Либеральный тип	Эгоцентричный тип	Неформальный тип
получить хорошее образование	%	69,9	58,2	53,4	47,8
	Абс	4111	3423	3140	2811
трудоустроиться	%	57,6	48,7	40,1	34,5
	Абс	3387	2864	2358	2029
найти работу по интересам	%	57,6	48,4	41,4	37,2
	Абс	3387	2846	2435	2188
найти достойно оплачиваемую работу	%	51,4	44,1	35,9	35
	Абс	3023	2594	2111	2058
решить жилищный вопрос	%	53,2	46,7	38,9	37,2
	Абс	3129	2746	2288	2188
заниматься предпринимательством, бизнесом	%	49,1	43,7	36,1	37,2
	Абс	2888	2570	2123	2188

получить качественные медицинские услуги	%	54,6	47,5	42,2	42,9
	Абс	3211	2793	2482	2523
жить полноценной культурной жизнью	%	61,6	53,2	45,6	42,5
	Абс	3623	3129	2682	2499
заниматься физической культурой, спортом	%	67,8	59,1	53,6	45,6
	Абс	3987	3476	3152	2682
иметь защиту своих прав и свобод	%	62,6	52,3	45,6	43,4
	Абс	3682	3076	2682	2552
самореализоваться	%	62,8	53,4	48,3	39,8
	Абс	3693	3140	2841	2341
организовать досуг, соответствующий вашим потребностям и интересам	%	63,3	54,2	47,7	38,9
	Абс	3723	3188	2805	2288
проживать в том месте, где вы захотите	%	61	51,2	45,4	41,6
	Абс	3587	3011	2670	2446
сохранить до старости хорошее здоровье	%	58,1	50,6	42,2	38,9
	Абс	3417	2976	2482	2288
создать семью	%	69,6	56,1	45,6	42
	Абс	4093	3299	2682	2470

Таким образом, эмпирический анализ матримониальных стратегий в системе жизненного планирования региональной молодежи, в соответствии с данными мониторинга социальных стратегий молодежи, позволил сделать вывод о том, что традиционный тип матримониальных стратегий имеет гораздо больше предпосылок, заложенных в жизненном планировании, к реализации эффективных матримониальных стратегий. Результаты проведенного исследования показали данный очевидный результат в отношении обязательных выборов относительно одного и двух детей. Также в отражении обязательного жизненного плана видна и большая вероятность объединения с родителями, в случае их критического положения. В то время как для эгоцентричного (типа, концентрированного на себе и своих потребностях) и неформального типов наблюдается закономерность, связанная с наименьшими жизненными выборами всех шагов. Это свидетельствует о том, что именно эти типы имеют большую вероятность к реализации неэффективных матримониальных стратегий и выбору альтернативных моделей матримониального поведения.

Результаты мониторинга социальных стратегий региональной молодежи показали различия в жизненном планировании разных типов матримониальных стратегий. Так, относительно экономических стратегических диспозиций, молодежь в большей степени ориентирована на гедонистический тип экономических стратегий, он превалирует среди всех типов матримониальных стратегий, но в большей степени представлен у либерального типа.

Оценивая политические стратегии, мы увидели, что в целом молодежи всех типов матримониальных стратегий имеют индифферентную политическую позицию и реже продуцируют планы, связанные с

политической активностью. Однако, неформальный тип, с одной стороны, наиболее других представлен в отстраненной от политики позиции, с другой – чаще других имеет интерес к политике и вовлеченность в нее, а молодежь традиционного типа матримониальных стратегий в большей степени доверяет всем институтам власти.

Общественная активность не является приоритетной для представителей всех матримониальных стратегий, скорее для них характерна ситуативная общественная активность (в том числе и событийное волонтерство). В большей мере данный тип активности характерен для либерального и традиционного типов.

Анализируя досуговые стратегии молодежи, можно отметить, что у традиционного типа и эгоцентричного типа наблюдается дефицит времени на досуг, а у либерального типа нет постоянного досуга. При этом предпочтение активного досуга характерно в большей для традиционного типа.

Более активные миграционные установки характерны для либерального типа молодежи, кроме того эгоцентричный тип чаще других делает выбор в пользу межрегиональной миграции, а неформальный более других склонен выбирать ориентир на эмиграции. Для традиционного типа характерен оседлый миграционный тип.

Активная карьерная стратегия характерна для эгоцентричного и неформального типов, в свою очередь, для традиционного типа карьера не так важна, и они не готовы жертвовать чем-то ради карьеры. Для либерального типа характерен в большей степени карьерный пессимизм.

Диспозиции высокой духовности более характерны для традиционного типа, либеральный же имеет диспозиции ситуативной духовности, а неформальный тип наиболее представлен в позициях низкой и конформной духовности. Для традиционного типа также в большей степени характерен патриотизм, безусловная любовь к Родине.

Наличие установки на постоянное образование и самообразование отмечено в большей степени для традиционного типа, менее всего она выражена для неформального типа, который отдает предпочтения знаниям школьного и университетского уровней. Либеральный тип отдает предпочтение в пользу периодического повышения квалификации.

Ориентирование на осознанный контроль и поддержание собственного здоровья отмечается для традиционного типа в большей мере, чем для других. Либеральный тип скорее ориентирован в самосохранительных стратегиях на сознательность и ориентацию на здоровый образ жизни. Неформальный тип больше всех ориентирован на нездоровый образ жизни.

Широкий круг общения, заинтересованность в коммуникации имеют представители традиционного типа, а склонность к закрытости в общении имеет неформальный тип. Либеральный тип, так же, склонен к активной коммуникации, но очень избирательно, а для эгоцентричного типа общение не приоритет.

На самореализацию больше остальных ориентирован традиционный тип, либеральный тип чаще не задумывается о своей самореализации. Для

неформального типа чаще других характерен выбор, связанный с акцентом на проблемы самореализации – не зная в чем себя реализовать или отрицании своих возможностей в самореализации.

2.3. Формирование и реализация матримониальных стратегий региональной молодежи в контексте государственной социальной и молодежной политики

Матримониальные стратегии молодежи находят поддержку на разных уровнях государственной политики. Имеет смысл выделить уровень государственной *молодежной политики*, федеральный, региональный и муниципальный уровень государственной *социальной политики*.

В рамках *государственной молодежной политики* есть ряд документов, регламентирующих поддержку молодых семей: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»; Стратегия молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года; Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года; План мероприятий по реализации основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденных распоряжением правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р.

В *Федеральном законе* обозначена цель молодежной политики в отношении матримониальных стратегий, связанная с формированием культуры семейных отношений, поддержкой молодых семей, способствующими улучшению демографической ситуации в Российской Федерации. В принципах, отраженных в законе, мы видим просто включение объекта «молодые семьи» в перечень прав, которыми могут пользоваться молодые люди и молодежные объединения¹, что по сути не выделяет каких-то специфических моментов создания и функционирования молодой семьи, в том числе, связанных с деторождением. Основные направления реализации молодежной политики состоят в содействии решению жилищных проблем молодежи, молодых семей; поддержка молодых семей (*однако в самом ФЗ формы поддержки не представлены*).

Чуть более конкретным документом становится в этом отношении *Стратегия молодежной политики*, где в п. 98 указывается, что в рамках государственной программы Российской Федерации «Обеспечение

¹ Принципы молодежной политики: сочетание интересов личности, общества и государства, обеспечение сбалансированности интересов и прав молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений и интересов и прав иных граждан, общественных объединений и организаций; открытость и равный доступ молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений к соответствующим мерам государственной поддержки; приоритетность государственной поддержки социально незащищенных молодых граждан, молодых семей; обязательность участия молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений в формировании и реализации молодежной политики (Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»).

доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» реализуются мероприятия для молодых семей по обеспечению жильем: субсидии бюджетам субъектов Российской Федерации; социальная выплата¹.

В п. 117. данной Стратегии также есть обращение по отношению к молодым семьям: «Достижение цели Стратегии предполагается осуществить путем реализации следующих задач: обеспечение открытости и равного доступа молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений к соответствующим мерам государственной поддержки; популяризация и пропаганда ценностей семьи, материнства, отцовства и многодетности, подготовка молодежи к семейной жизни, укрепление семейных традиций и межпоколенческих связей».

Но более конкретные меры указаны в п. 119. «Меры по приоритетному направлению реализации «Поддержка молодых семей»:

- популяризация института семьи как социально успешного компонента общества через интеграцию семейных проектов и программ в систему государственных, общественных и деловых программ и мероприятий, широкое использование семейной тематики в российской медиаиндустрии, индустрии культуры, социальной рекламе;

- повышение уровня социально-правовой информированности и психолого-педагогической компетентности молодежи в вопросах семьи и брака;

- развитие широкой молодежной инфраструктуры, молодежных объектов, центров молодежного досуга, спорта, творчества, в том числе и для семейного досуга;

- создание системы непрофессиональных соревнований и турниров среди, в которых участвует вся семья;

- усиление поддержки военнослужащих в возрасте до 35 лет и членов их семей;

- обеспечение программы предоставления молодым семьям жилых помещений по договорам найма, а также программы накопления денежных средств, необходимых для оплаты первоначального взноса в рамках жилищного (ипотечного) кредитования или приобретения жилья без привлечения заемных средств за счет средств федерального бюджета.

В Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года предложены общие ориентиры, приоритетные задачи, позволяющие достигнуть целей государственной молодежной политики, в том числе и в контексте обеспечения эффективных матримониальных стратегий: создание благоприятных условий для молодых семей, направленных на повышение рождаемости, формирование ценностей семейной культуры и образа успешной молодой семьи, всестороннюю

¹ Стратегия молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/28d/hyihn9b0mm2iafi1yfokx52xyn3us4ky.pdf> (дата обращения 20.05.2024).

поддержку молодых семей. Реализация этой задачи предусматривает осуществление следующих мероприятий:

- воспитание в молодежной среде позитивного отношения к семье и браку;

- формирование образа благополучной молодой российской семьи, живущей в зарегистрированном браке, ориентированной на рождение и воспитание нескольких детей, занимающейся их воспитанием и развитием на основе традиционной для России системы ценностей; создание условий для стимулирования рождения второго и последующих детей, а также для развития семейных форм воспитания;

- развитие взаимодействия государства и организаций разных форм собственности в целях формирования социальной инфраструктуры для детей младшего возраста, а также обеспечение доступности вариативных форм присмотра и ухода, учитывающих различные потребности молодых семей;

- развитие системы информирования молодежи о государственных и иных программах поддержки молодых семей, а также системы психологической, медицинской, образовательной и юридической помощи молодым семьям; развитие разнообразных практик и совершенствование системы поддержки молодежи в решении жилищных проблем, обеспечивающей возможность изменения размеров занимаемого жилья при рождении детей;

- развитие системы льгот и субсидий для молодых семей при получении ипотечных кредитов и системы социального найма жилья для молодых семей, а также предоставление социальных выплат на приобретение или строительство жилья, выделение земельных участков для индивидуального строительства на льготных условиях;

- совершенствование системы обеспечения студентов общежитиями, предусматривающее расширение возможностей проживания для студенческих семей¹.

План мероприятий по реализации основ государственной молодежной политики Российской Федерации ориентирует органы управления на создание благоприятных условий для молодых семей, направленные на повышение рождаемости, формирование ценностей семейной культуры и образа успешной молодой семьи, поддержку молодых семей. Предусмотрена и реализация мероприятий по улучшению жилищных условий молодых семей и молодых специалистов, проживающих в сельской местности; разработка предложений о создании условий, стимулирующих рождение 2-го и последующих детей в семьях².

¹ Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года URL: <http://government.ru/docs/all/93887/> (дата обращения: 20.05.2024).

² План мероприятий по реализации основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденных распоряжением правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/?ysclid=lxkk8y7bj9631422794> (дата обращения: 20.05.2024).

Проведенный мониторинг социальных стратегий молодежи позволил определить значимость и других мероприятий по поддержке матримониальных стратегий для региональной молодежи. В определении актуальность реализации направлений государственной молодежной политики, были определены ранги значимости ее направлений. Так, первое место по значимости определено для поддержки работающих молодежи (67,9%) – дефицитная тема, возникающая в том числе и в связи с расширением «списка пользователей» молодежной политики, увеличение возрастного ценза «молодого человека» до 35 лет. В тройку лидеров наиболее значимых для молодежи направлений отнесены также поддержка талантливой молодежи и поддержка молодых семей – эти направления выбрали в качестве актуальных около 50% молодежи. В своих же оценках развитости направлений ГМП в регионе молодежь дала положительную оценку в наибольшей степени патриотическому воспитанию молодежи, вовлечению молодежи в волонтерскую деятельность, вовлечению молодежи в спорт и приобщение к здоровому образу жизни, культурно-массовым мероприятиям для молодежи, поддержке талантливой молодежи. Остальные направления получили менее 50% выборов в оценке «хорошо», а поддержка молодых семей только 44,0%. Таким образом, значимость данного направления в глаза молодежи не совпадает с тем вниманием, которое ему уделяется в регионе.

Оценивая направления реализации мероприятий молодежной политики в регионе относительно поддержки матримониальных стратегий, молодежь демонстрирует показатели не выше 44% – что можно трактовать уже как начальный уровень неудовлетворенности. Только 44,5% молодежи удовлетворительно оценивают ситуацию, связанную с воспитанием традиционных семейных ценностей, с половым воспитанием и помощью молодой семье (Рисунок 2.3.1). Наибольшую неудовлетворенность молодые люди высказывают относительно полового воспитания молодежи – здесь минимальное количество молодых людей остались удовлетворенными ситуацией и максимальное – неудовлетворенными (30,6% к 47,7%).

Рисунок 2.3.1 – Ответы респондентов на вопрос: «Выскажите свое отношение к существующей ситуации в вашем регионе по следующим вопросам?»

Показатель вовлеченности в мероприятия поддержки и сопровождения матримониальных стратегий молодежи наибольший для мероприятий по формированию традиционных семейных ценностей (как плановые мероприятия они реализуются и в образовательных организациях) и составляет 22,4%; наименьший в мероприятия по поддержке молодых семей (что неудивительно, так как количество семейной молодежи в исследовании не так велико). Информированность по мероприятиям поддержки матримониальных стратегий молодежи варьирует от 58,4% (в области направления помощи молодой семье) и 64,2% (в области полового воспитания молодежи) (Рисунок 2.3.2). Участники опроса в количестве около 20% напрямую заинтересованы в получении такой информации как по поддержке молодых семей, так и по половому воспитанию. Меньшая заинтересованность продемонстрирована относительно мероприятий воспитания традиционных семейных ценностей (15,8%).

Оценка вовлеченности и информированности о мероприятиях поддержки семейных стратегий региональной молодежи со стороны ГМП

Рисунок 2.3.2 – Ответы респондентов на вопрос: «Оцените Вашу информированность по следующим вопросам?»

Анализируя проблемы, связанные с данным направлением поддержки жизненных стратегий, по мнению молодых людей, стоит выделить проблемный приоритет в виде отсутствия внимания к половому воспитанию молодежи (51,6%).

Таким образом, на фоне остальных мероприятий поддержки других социальных стратегий, становится очевиден дефицит внимания к теме молодой семьи со стороны государственной молодежной политики. Можно увидеть на данный момент этап поиска форм, особенно в части воспитания, формирования установок, ориентированных на эффективные матримониальные стратегии. Проблемой таких мероприятий становится их имитационный, формальный характер и незаинтересованность в них молодежи.

Ранги проблем для реализации семейных стратегий
региональной молодежи

Рисунок 2.3.3 – Ответы респондентов на вопрос:
«Укажите, какие проблемы существуют в Вашем районе/городе?»

Говоря о *федеральной поддержке семей и мероприятиях, направленных на семью*, стоит уточнить, что текущий 2024 год Указом Президента объявлен годом Семьи в Российской Федерации. Год Семьи был обозначен, в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, а также сохранения и упрочнения традиционных семейных ценностей. Основные мероприятия, реализуемые в год Семьи можно разделить по следующим направлениям:

- наиболее значимые федеральные мероприятия, к ним относятся Всероссийские и региональные конкурсы, торжественные мероприятия ко дню Матери, дню Отца, дню Семьи, Любви и Верности, Форуму многодетных матерей;

- мероприятия по совершенствованию положения семей с детьми, в рамках данного блока предусмотрены такие меры как разработка стратегического документа в части демографической и семейной политики на период до 2030 года, установление на федеральном уровне правового статуса и основных гарантий многодетной семье, разработка предложений по совершенствованию ипотечного кредитования для семей с детьми, проведение различных конференций;

- мероприятия по охране здоровья граждан репродуктивного возраста, семей с детьми предусматривает проведение диспансеризации по оценке репродуктивного здоровья, профилактику аборт, подготовку информационных материалов по охране здоровья молодежи, молодых семей и семей с детьми;

- культурно-массовые, спортивные и общественные мероприятия, которые будут проводится в рамках фестивалей, форумов, олимпиад, марафонов и акций, например, Всероссийский спортивный фестиваль «Здоровая семья – сильная Россия», марафон «Я горжусь своей семьей», Семейный конкурс национальных традиций;

- мероприятия по укреплению ответственного родительства, включают в себя проведение родительских собраний, лекториев, проектов, а также поэтапное внедрение в субъектах Российской Федерации программы

просветительской деятельности для родителей детей, посещающих дошкольные образовательные организации;

- мероприятия по укреплению у детей и молодежи семейных ценностей, включают в себя цикл внеурочных мероприятий «Разговоры о важном», посвященный семье, внедрение внеурочного курса «Семьеведение», открытие «Клубов молодых семей» на базе молодежных центров в рамках реализации программы комплексного развития молодежной политики «Регион для молодых», проведение лекций на тему традиционных семейных ценностей в рамках Знание. Лекторий;

- информационно-коммуникационные мероприятия, предусматривают проведение информационных кампаний по различным аспектам семейных ценностей, например, социальная реклама о предоставляемых мерах поддержки семей при рождении детей¹.

Основным целевым показателем эффективности мероприятий является формирование поддержки в обществе крепкой семьи как наиболее важной ценности для 80% россиян.

Безусловно, на сегодня социальная политика Российской Федерации направлена на поддержку семьи, популяризацию традиционных ценностей. В рамках нашей работы наиболее важно рассмотреть те меры поддержки, которые государство оказывает молодой семье. Согласно Федеральному закону «О молодежной политике в Российской Федерации», молодая семья – это лица, состоящие в заключенном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно².

В Российской Федерации вопросы государственной поддержки семьи регламентированы на федеральном уровне. Согласно *Конституции Российской Федерации (статья 7)* «В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты»³. Таким образом, основной принцип социальной политики заключен в системе социальных гарантий и социальном обеспечении молодых семей.

В целом, меры поддержки молодых семей можно разделить на общие, те что предусмотрены для всех семей в Российской Федерации, и частные, те, которые направлены именно на молодую семью. Так, среди *общих мер*

¹ Федеральный план правительства Российской Федерации от 26 декабря 2023 года № 21515-П45-ТГ. URL: <https://xn--2024-u4d6b7a9f1a.xn--p1ai/documents/265>. (дата обращения: 01.06.2024).

² Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/400156192/>. (дата обращения: 01.06.2024).

³ Конституция РФ. URL: <https://clck.ru/3BWnez>. (дата обращения: 01.06.2024).

поддержки стоит упомянуть: пособие по беременности и родам; единовременное пособие при рождении ребенка; единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью; единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву; ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву; родовой сертификат; материнский капитал; семейная ипотека. Наиболее популярной *частной мерой* поддержки молодых семей является *программа «Молодая семья»*. В рамках программы молодая семья супруги могут получить от государства субсидию на приобретение собственного жилья.

Не менее важными в рамках внутренней социальной политики, направленной на поддержку семьи и детства являются *национальные проекты*.

Одним из ключевых национальных проектов в данном контексте является проект «Демография». Своей целью *национальный проект «Демография»* ставит увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет; снижение смертности населения старше трудоспособного возраста, увеличение суммарной рождаемости.

В структуру национального проекта входят следующие подпрограммы: финансовая поддержка семей при рождении детей; содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет; разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения (Старшее поколение); формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек (Укрепление общественного здоровья); создание для всех категорий и групп населения условий для занятий физической культурой и спортом, массовым спортом, в том числе повышение уровня обеспеченности населения объектами спорта, а также подготовка спортивного резерва (Спорт – норма жизни).

Говоря про поддержку репродуктивного здоровья, можно выделить *национальный проект «Здравоохранение»*. В рамках него осуществляются мероприятия, направленные на сохранение репродуктивного здоровья, снижение младенческой и материнской смертности, обеспечение медицинской помощи во время беременности, родов и послеродового периода, обучение специалистов перинатологии, неонатологии.

Еще двумя важными документами, регламентирующими государственную политику в сфере семьи и демографии, являются *Концепция государственной семейной политики* на период до 2025 года и *Концепция демографического развития Российской Федерации* на период до 2025 года. Данные концепции определяют основные приоритеты и направления государственной политики относительно семейных ценностей и демографического развития, охватывая комплекс мер для реализации данных приоритетов. Однако, отдельные меры поддержки молодых семей в Концепциях также содержатся.

Так, в *Концепции государственной семейной политики на период до 2025 года* приоритетами государственной семейной политики на современном этапе обозначены утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи.

Концепция государственной семейной политики на период до 2025 года включает в себя меры, направленные на: развитие экономической самостоятельности семьи и созданию условий для самостоятельного решения ей своей социальной функции; развитие системы государственной поддержки семей, в том числе при рождении и воспитании детей; создание механизмов поддержки семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий; развитие жизнеохранительной функции семьи и создание условий для обеспечения здоровья ее членов; повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании; содействие в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи; обеспечение социальной защиты семей и детей, нуждающихся в особой заботе государства; профилактике семейного неблагополучия, детской безнадзорности и беспризорности; повышение эффективности системы социальной защиты семей с несовершеннолетними детьми, вовлеченными в сферу гражданского, административного и уголовного судопроизводства¹.

Отдельные пункты Концепции посвящены и молодой семье. Конкретно для данной категории семей предусмотрено:

- совершенствование механизмов льготного ипотечного кредитования для молодых семей и семей с детьми, самостоятельно приобретающих жилье;
- оказание государственной помощи в улучшении жилищных условий молодых семей;
- развитие системы доступного арендного и социального жилья для многодетных и молодых семей;
- осуществление социальной, экономической и психологической поддержки молодых родителей.

Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2025 года направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране. Целями демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года являются стабилизация численности населения к 2015 году на уровне 142-143 млн человек и создание условий для ее роста к 2025 году до 145 млн человек, а

¹ Концепция государственной семейной политики на период до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/MyVeIiu5Nu8.pdf>. (дата обращения: 01.06.2024).

также повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2015 году до 70 лет, к 2025 году – до 75 лет¹.

Рассматривая меры, направленные на поддержку молодой семьи, в рамках текущей Концепции, можно отметить, что они также акцентируются на решении жилищных проблем. Одним из направлений Концепции становится создание условий для повышения доступности жилья в первую очередь для молодых семей с детьми, за счет: развития ипотечного кредитования, внедрения новых кредитных инструментов, расширения строительства доступного жилья, отвечающего потребностям семей, с одновременным строительством объектов социальной инфраструктуры, необходимых семьям с детьми; реализации региональных программ обеспечения жильем молодых семей, разработки системы дополнительных мер, направленных на обеспечение жильем малоимущих граждан с детьми, нуждающихся в жилых помещениях, включая меры по расселению семей с детьми из непригодных и ветхих жилых помещений, первоочередному предоставлению жилья детям, оставшимся без попечения родителей, по окончании их пребывания в образовательных и иных организациях, в семьях опекунов (попечителей), приемных семьях, а также по окончании службы в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Нельзя не говорить и о региональном опыте поддержки семьи. Так, например, законодательство Белгородской области о предоставлении мер социальной поддержки основывается на признании того, что создание условий, обеспечивающих достойную жизнь человека, является обязанностью и основным смыслом деятельности органов государственной власти Белгородской области. Законодательством Белгородской области регулируются отношения, связанные с предоставлением мер социальной поддержки отдельным категориям граждан, в том числе и молодым семьям.

Меры поддержки, установленные Социальным Кодексом, осуществляются в следующих формах: меры социальной поддержки; социальные услуги; ежемесячные денежные выплаты; социальные выплаты (стипендии, пособия, субсидии); региональный семейный (материнский) капитал; государственная социальная помощь на основании социального контракта².

Также область устанавливает дополнительные льготы по обеспечению жильем: предоставление молодой семье земли на льготных условиях или бесплатно для индивидуального жилого строительства; предоставление семье участка лесного фонда для безвозмездной заготовки древесины под строительство дома; введение дополнительного субсидирования свыше федеральных.

¹ Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?ysclid=lwhnuhk9ny249193201> (дата обращения: 01.06.2024).

² Социальный кодекс Белгородской области. URL: <https://docs.cntd.ru/document/469022331?ysclid=lwkk0h2q2a344961820> (дата обращения: 01.06.2024).

Еще одной мерой поддержки, которая косвенно касается молодой семьи является социальный контракт. Не смотря на то что программа социального контракта больше нацелена на семьи, попавшие в трудные жизненные ситуации, она предполагает помощь по трудоустройству, а как раз проблема трудоустройства молодежи одна из самых актуальных. Социальный контракт «Содействие» – это программа социальной поддержки для семей и одиноко проживающих граждан, которая включает в себя план мероприятий, направленных на выход из трудной жизненной ситуации и преодоление бедности. Социальный контракт – это соглашение между государством и семьей (гражданином), по которому социальная защита предоставит социальную помощь, в том числе социальные услуги, денежную выплату, а получатели помощи берут на себя определенные обязательства¹.

Социальная поддержка по контракту должна повысить уровень благосостояния семьи. В зависимости от конкретного случая органы социальной защиты составят программу социальной адаптации и подберут наиболее эффективные инструменты для повышения доходов. Это может быть помощь: в поиске работы, в том числе за пределами текущего места проживания; в осуществлении индивидуальной предпринимательской деятельности; в прохождении профессионального обучения и дополнительного профессионального образования; в ведении личного подсобного хозяйства; в реализации иных мероприятий, направленных на преодоление трудной жизненной ситуации.

Когда у молодой семьи появляется ребенок, то для нее предусматриваются новые формы социальной поддержки, в том числе и материальные. Так, например, с целью стабилизации демографической ситуации в Белгородской области действует проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей». Данный проект реализуется в рамках национального проекта «Демография».

В рамках проведенного в Белгородской области исследования² была дана оценка, в том числе и молодыми семьями, мер поддержки разного уровня. И, в первую очередь, по оценкам таких семей, только 44,3% отмечают, что на сегодняшний день условия для создания семей и рождения детей в регионе достаточно благоприятные. Положительные изменения, которые произошли в течении полугода фиксируют 39,0% молодых семей. А вот погруженность в информацию о федеральных и региональных мерах поддержки не высока – так хорошо осведомлены о них только 20,5%, хотя в той или иной мере что-то слышали о них 81,0% представителей молодых семей. Карта осведомленности показывает, что на самом деле максимальная информированность составляет не более 35% (и это только по ежемесячному пособию в связи с рождением и

¹ Социальный контракт. URL: <https://sockontrakt.belregion.ru/?ysclid=1wkkylqvgq144234102> (дата обращения: 01.06.2024).

² Вторичный анализа данных исследования АНО «Консалтинговое агентство социального мониторинга и общественного мнения», сроки проведения 4-15 апреля 2024 года; выборка: 27839 семей во всех муниципальных образованиях Белгородской области; название исследования «Меры поддержки семей».

воспитанием ребенка). К наиболее известным мерам поддержки можно также отнести ежемесячную компенсацию на приобретение продуктов детского питания (26,1%), ежемесячное пособие на ребенка гражданам, имеющим детей (22,2%). Информированность по остальным мерам составляет не более 20% (Приложение 9).

Рассматривая показатель используемости предлагаемой помощи, с одной стороны, можно увидеть востребованность мер поддержки, что позволяет выйти на аспект паспортизации молодых семей, а с другой стороны, определить некоторые проблемы, как демографического, так возможно и информационного характера. Анализ же эффективности показывает оценку каждой меры со стороны реальных пользователей – молодых супругов и молодых родителей.

Одной из самых эффективных и используемых мер было и остается ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка (используют 37,0%, эффективность 19,6%). Но только 18,8% получают дополнительное ежемесячное пособие на детей – это означает, что из всей когорты молодых семей менее 20% знают о нем (в том числе и в части специфических (социально-уязвимых) групп, указанных в Таблице Приложения 9 (первая строка)). Оценка эффективности данной меры в 5,8% наглядно показывает, насколько незначительна она в сегодняшней социально-экономической ситуации (как, впрочем, и ежемесячная компенсация на приобретения продуктов детского питания – ее эффективность оценивают только 5,1%).

Зато из опрошенных молодых семей 13,8% получают ежемесячную денежную выплату на третьего ребенка, что может говорить о наметившемся тренде на многодетную семью, и эффективность данной меры уже оценивают 10,9% молодых семей. В этой же связи радует и 0,8% получавшие единовременную выплату на пятого ребенка (хотя эффективность такой меры только признали 2,1%). Дополнительную информацию по многодетным семьям дают нам показатели используемости таких мер как ежемесячная денежная компенсация на оплату жилого помещения и коммунальных услуг для многодетных семей и семей имеющих детей-инвалидов (9,8%); компенсация в размере 50% общей стоимости обучения детей из многодетных семей, обучающихся по очной форме на платной основе по образовательным программам среднего профессионального образования в образовательных организациях, осуществляющих образовательную деятельность на территории Белгородской области (2,2%); компенсация в размере 50% стоимости обучения за весь период обучения детей из многодетных семей после получения ими образования на платной основе по образовательным программам среднего профессионального образования при условии трудоустройства по полученной профессии/ специальности в организации, расположенные на территории Белгородской области (1,7%). Эффективность данных мер подчеркивают уже порядка 7% молодых семей.

Региональный семейный капитал смогли получить только 7,5% и 14,7% оценили его эффективность для поддержки молодых семей.

Одиноким матери, воспитывающие ребенка-инвалида, на сегодняшний день составляют 1,1% – и это социально-уязвимая группа и с позиции социальной ситуации, и с позиции тех матримониальных стратегий и результатов, которые получены. Эффективность данной меры, несмотря на достаточно высокие выплаты по сравнению с предыдущей позицией, также, достаточно невысока (10,9%).

0,9% молодых семей воспользовались ежемесячной адресной поддержкой студенческим семьям с детьми, при этом в возрасте молодежи 18-24 года данный показатель доходит до 5,6%, однако, считают данную меру поддержки эффективной только 2,5%. А вот единовременную выплату получили только 0,7% (в студенческом возрасте это были 5,1%), эффективность же только 4,4%.

Интересная мера поддержки, связанная с оплатой услуг связи мало кому известна, используется еще реже (0,9%), эффективность также не высока – 2,2%. Также, нетривиальной можно назвать меру поддержки в форме единовременной выплаты при рождении двойни и тройни (ее воспользовались 1,5% молодых семей – что также является чертой к социальному портрету репродуктивного результата), ее эффективность 6,6%.

Отдельную группу мер региональной поддержки составляют меры, связанные с приграничным положением региона и текущей ситуацией СВО. Трудно утверждать, насколько полное информирование социально-уязвимых групп есть на данный момент, но можно увидеть показатель использования данных мер. Так, ежегодная денежная выплата на приобретение школьной и спортивной формы для детей погибших (умерших) военнослужащих востребована у 1,7% молодых семей и ее эффективность оценивают 5,6%; примерно столько же (1,4%) используют меру ежемесячной денежной выплаты на питание каждого ребенка погибшего (умершего) военнослужащего. Ежегодная выплата семьям участников СВО к началу очередного учебного года на детей используется 2,4% молодых семей и ее эффективность 4,6%. Более востребована (7,0%) единовременная выплата при рождении женщинам, пострадавшим в связи с обстрелами со стороны вооруженных формирований Украины в период проведения СВО. Показатели востребованности (без ориентации на проблемы с информированностью), показывают, что данная социально-уязвимая группа начинает входить в общее статистическое поле молодых семей Белгородской области.

В целом, по оценке региональных мер поддержки семей, которыми могли бы воспользоваться молодые семьи, становится понятно, что информированность о них невысока, как и в целом эффективность, с позиции пользователей. Если посмотреть муниципальные меры поддержки, которые, как правило дополняют региональные, то знают о них хорошо только 10,0% (слышали 53,7%, но на примере оценки информированности о региональных мерах в их дискретном варианте можно убедиться, что данный показатель является скорее социально-желательным ответом), но воспользовались ими уже 24,8%, остались же удовлетворены только 7,0% опрошенных молодых семей.

Каналы получения информации о мерах поддержки семей региональной молодежи

Рисунок 2.3.4 – Ответы респондентов на вопрос: «Из каких источников Вы получаете информацию о принимаемых мерах поддержки семей?»

Определенную проблему с информированностью о федеральной, региональной и муниципальной поддержке осознают и сами молодые семьи: так, считают, что информации достаточно только 43,1%. И здесь стоит обратить внимание на те каналы связи и коммуникации, откуда молодые семьи могут почерпнуть такую информацию: как правило – это социальные сети, сообщества, где происходит обмен опытом, шаблонами форм для подачи заявлений, советами, как лучше получить ту или иную форму поддержки, передача информации, полученной из других, часто неофициальных источников (43,9%); второй вариант практически тот же, только «офлайн» – коммуникация с друзьями и знакомыми (28,2%); третий – интернет СМИ и телеграмм-каналы (26,7 и 23,6%). Официальные страницы, телевидение, официальные страницы органов власти – все это становится информацией менее чем для 20% пользователей (Рисунок 2.3.4). Трудности с получением информации в сочетании с невысокой эффективностью и достаточностью мер (которую определяют только 33,4%) ставят вопрос о действенности такой поддержки для достижения задач, стоящих перед государственной политикой.

Низкая эффективность предлагаемых мероприятий связана, конечно, с объективным фактом их не востребованности (не отнесения молодой семьи в нужную категорию, отсутствием оснований для принятия такой меры), но нельзя не учитывать и оценку значимости в условиях социально-экономической ситуации. Рост цен по всем позициям потребления влияет на оценку значимости той материальной помощи, которую предлагает государство и регион. Со стороны же молодежи, еще не вступившей в брак,

представление о трудностях обеспечения семьи и детей приводит к демотивации и выбору стратегий отсроченного брака и деторождения.

Меры государственной поддержки, мотивирующие региональную молодежь на создание семьи

Рисунок 2.3.5 – Ответы респондентов на вопрос: «Если для дальнейшей совместной жизни Вас будет устраивать Ваш партнер, то какие меры государственной поддержки могут в большей степени мотивировать Вас вступить в брак?»

Определяя приоритеты и формирую запросы на меры государственной поддержки, которые могли бы мотивировать на создание семьи, молодежь, в первую очередь, говорит о решении жилищного вопроса (69,9%) (Рисунок 2.3.5, в этом исследовании участвовала уже вся молодежь (Матримониальные стратегии молодежи, N=1513)). Чуть менее актуальна, но все-таки очень важна и финансовая поддержка (62,5%), а также материальная помощь (48,0%). Более 30% были бы дополнительно мотивированы при помощи в трудоустройстве, специальных социальных льготах, в том числе и на образование.

Если ставить задачу на изменение тренда матримониальных стратегий молодежи, связанного с повышением брачного возраста, то мы сталкиваемся с проблемами, характерными для студенческих семей. Целый ряд факторов и рисков формирует барьеры для создания семей молодежью в студенческом возрасте. Мы уже анализировали меры поддержки таких семей, видели их востребованность и эффективность. Сама молодежь формирует рейтинговую модель мер поддержки студенческих семей для всех уровней государственных политики (Рисунок 2.3.6).

Первые шесть пунктов совпадают с рейтингом мер для создания семьи (есть чуть большая значимость финансовой поддержки и более значимы образовательные льготы, менее значима помощь при трудоустройстве), но

для создания студенческой семьи разрыв их значимости от показателей остальных мер более очевиден. Таким образом, можно ограничить ресурсные вложения в эти, действительно значимые и мотивирующие молодежь меры, отложив менее востребованные для реализации на более поздних этапах государственных стратегий.

Меры государственной поддержки, мотивирующие региональную молодежь на создание семьи в студенческом возрасте

Рисунок 2.3.6 – Ответы респондентов на вопрос: «Какие меры поддержки молодых студенческих семей Вы хотели бы видеть в нашей стране?»

Карта потенциальной востребованности мер государственной поддержки для семей показывает их рейтинг и оценку со стороны молодежи. Так, безусловно самыми востребованными становятся ежемесячные пособия для детей, материнский капитал и единовременная выплата при рождении ребенка. Более 50% заинтересованы в таких мерах как пособие по беременности и родам, ежемесячной выплате, женщинам, ставшим на учет в медицинском учреждении, выплате на детей в возрасте до 3 лет, компенсация за посещение детских садов. Менее всего востребованы дальневосточная ипотека (хотя процент ее поддержки для региона максимально далекого от территории ее актуальности впечатляет –

22,0%, но, одновременно, усугубляет риски повышения молодежной миграции и закрепления ее в других регионах), предоставление комнаты в общежитии (несмотря на то, что фактор жилищного обеспечения для молодых и студенческих семей является первостепенным, проживание в общежитии – это не то решение, на которое рассчитывает молодежь), эко по полису обязательного медицинского страхования (специфическая мера, реализуемая только в ситуации необходимости). Показатель используемости также наглядно показывает и информированность молодежи о них, и реальную используемость данных мер.

Потенциальная востребованность мер государственной поддержки молодых семей для региональной молодежи

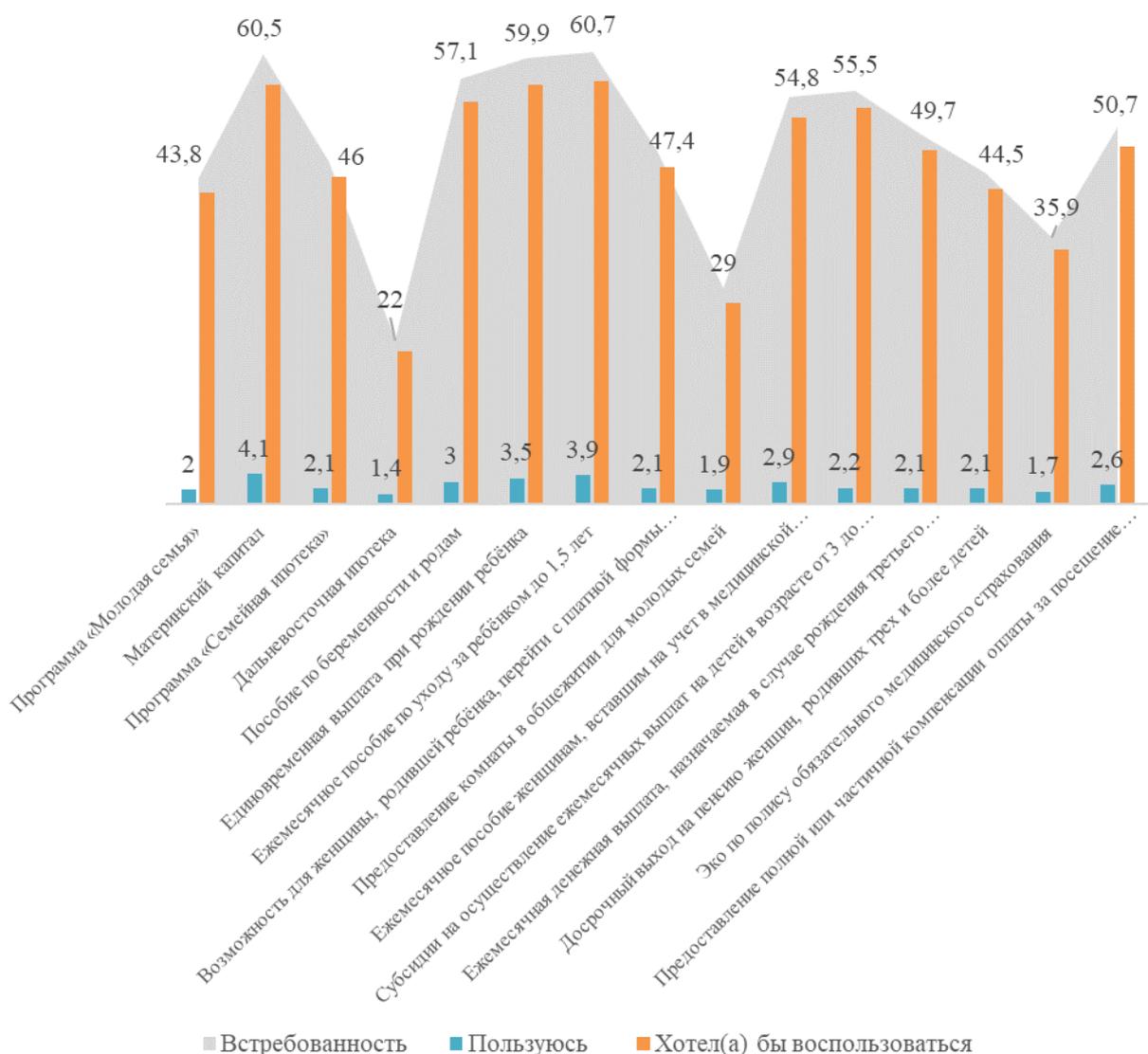

Рисунок 2.3.7 – Ответы респондентов на вопрос: «Какими из перечисленных мер поддержки семей Вы хотели бы воспользоваться или уже пользуетесь??»

В ходе анализа целевых мероприятий разного уровня по поддержке матримониальных стратегий молодежи, а также результатов исследования оценки их со стороны целевых групп пользователей, было выявлено, что,

несмотря на достаточное разнообразие программ и проектов, молодежь в целом, и молодые семьи в частности, просто не знают о возможностях, которыми могут воспользоваться. В связи с этим, мы считаем, что необходимо скорректировать информационную стратегию сопровождающую такие программы и проекты. На основании исследования, было определено, что большая часть молодых семей получает информацию из социальных сетей, Интернет-СМИ и от ближнего круга коммуникаций, поэтому развитие информации именно в рамках этих каналов будет, на наш взгляд, самым эффективным.

Во-первых, на региональном уровне, необходимо создать единый информационный портал-канал на базе социальной сети Вконтакте «Молодая семья 31», где будет размещена вся информация по возможным мерам поддержки и помощи молодым семьям. Важно сформировать полную информационную базу, чтобы молодые семьи знали не только про адресные меры поддержки, но и про общие. Всю информацию, представленную на странице, необходимо разделить по уровням государственной поддержки и ввести фильтры, позволяющие находить ее пользователям в зависимости от социальной ситуации, типа семьи. Информация должна носить не просто общий информативный характер о мере поддержки, а позволять пройти фильтры условий ее получения, скачать нужные списки и шаблоны документов, получить контактные данные по месту расположения с учреждениями, ответственными за реализацию меры и принятия документов на поддержку, или для контакта для получения индивидуальной консультации (см. Рисунок 2.3.8).

Помимо обычного информационного наполнения, предполагается, что в группе будут работать онлайн-консультанты, общего и специализированного профиля (юристы, экономисты, психологи, педагоги, медики, социальный службы и т.д.), которые смогут помочь в навигации и (или) проконсультировать семьи, в случае возникновения вопросов.

Предлагается помимо молодой семьи, как социальной группы, отдельно выделить меры поддержки для студенческих семей, семей с детьми инвалидами, семьи с участниками СВО, а также семьи, относящиеся к поддерживаемым профессиональным группам. Так, например, в Белгородской области существует целый пакет региональных мер поддержки для молодых медиков и их семей, для закрепления дефицитных кадров и обеспечения здравоохранения притоком молодых специалистов. Аналогичное решение по поддержке принимается в отношении молодых учителей в школах. Возможно, другие регионы также могут говорить о важных профессиональных группах региона, которые могут быть закреплены в кадровом капитале посредством помощи молодым семьям. В данную модель могут быть встроены и иные группы семей, относящиеся к категории социально-уязвимых (многодетные родители, молодые родители одиночки, семьи детей сирот, семьи детей с приемными детьми, семьи с низким уровнем дохода, семьи с родителями, имеющими инвалидность и т.д.).

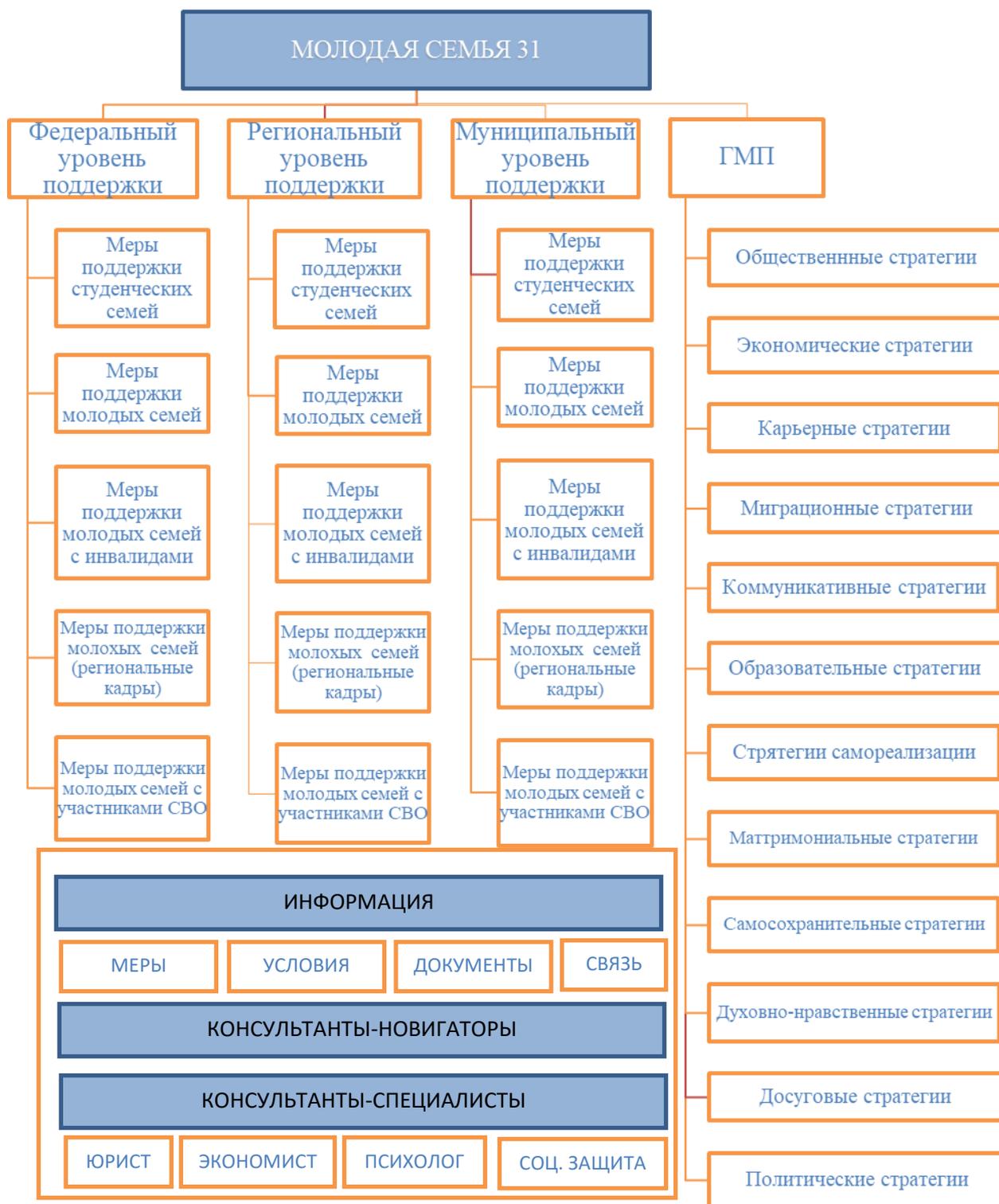

Рисунок 2.3.8 – Модель информационного портал-канала Вконтакте «Молодая семья 31»

Помимо трех основных уровней поддержки молодых семей разного типа (федерального, регионального, муниципального), на данном ресурсе должны быть предложены мероприятия государственной молодежной политики по сопровождению и поддержке реализации социальных стратегий молодых семей:

- карьерных стратегий – помощь в трудоустройстве, организации стажировок, карьерного роста и повышения профессиональной квалификации, освоение востребованных профессий и т.д.;

- самосохранительных стратегий – включение в физкультуру и спорт, профилактические медицинские процедуры, медицинская консультация, в том числе и по вопросам планирования семьи; генная карта для молодой семьи и т.д.;

- экономических стратегий – кредитование и субсидирование, открытие бизнеса, возможность дополнительного заработка, получения грантов на социальное предпринимательство и т.д.;

- политических стратегий – возможность включения в мероприятия политического просвещения, поддержку политических акций, вступление в партии, «политический досуг» для молодой семьи;

- образовательных стратегий – возможность получения высшего образования, продолжения образования (повышение уровня, получение второго высшего образования, переподготовка), переподготовки, повышения квалификации, овладения новыми, актуальными и современными профессиями;

- матримониальных стратегий – клубное общение для семей, психологические курсы помощи семье, психологическая консультация для молодых семей и т.д.;

- досуговых стратегий – предложение различных форм семейного досуга, в том числе и общения с другими молодыми семьями, развивающий досуг, в плане и семейных отношений, возможность туризма, путешествий по программам грантовых поддержек и т.д.;

- коммуникативных стратегий – обучение цифровым компетенциям, возможность получения информации по продвижению сетевого контента, предложение различных форматов онлайн и офлайн коммуникации; развитие ораторского мастерства, способностей к публичным выступлениям и т.д.;

- миграционных стратегий – помощь и поддержка мигрирующим молодым семьям, возможность закрепления и адаптации в регионе;

- самореализационных стратегий – предложение различных форм самореализации, конкурсов, грантов, обучающих курсов, мастер классов, а также площадок для самореализации и самопрезентации своих талантов;

- общественных стратегий – контакты и презентация общественных организация, различные платформы для волонтерской активности, конкурсы и гранты поддержки общественных инициатив и т.д.;

- духовно-нравственных стратегий – возможность включения в мероприятия духовного роста, религиозные образовательные курсы и практики, помощь в контроле и сопровождении духовно-нравственного поведения и воспитания молодежи и т.д.

Данный ресурс безусловно должны наполнять информацией и вести представители органов власти, однако, здесь формируется главный риск реализации данной рекомендации – недобросовестное ведение страницы, не обновление информации, формализм. Еще один риск заключается в том, что

молодые люди не будут знать, о данном ресурсе, для этого представители власти, должны разместить у себя на официальных страницах, сайтах муниципалитетов ссылку на группу. Также, подписка на данный ресурс может быть осуществлена через портал госуслуги, при подаче заявления в ЗАГС.

Во-вторых, в целях усиления информированности молодых семей о мерах поддержки, мы предлагаем разработать информационные буклеты (брошюры), в которых будут содержаться все меры поддержки, также разделенные по уровням и блокам. Данные буклеты можно выдавать супругами в ЗАГСе, в МФЦ, при обращении туда по вопросам смены паспорта супругами, рождения детей, иным вопросам, касающемся молодых семей.

Рисунок 2.3.9 – Пример информирования молодых семей через ЗАГС

Таковыми акторами распространения информации могут стать и иные административные субъекты (органы военного учета, учреждения социальной защиты, центры семейных консультаций, психологические центры и специалисты, юридические консультанты, центры молодежных инициатив, НКО и др.), тем или иным образом соприкасающиеся с молодыми семьями, имеющие такую функцию официально или осуществляющие ее на инициативной основе. Суть данного предложения, состоит как раз в том, чтобы информировать целенаправленно молодых людей в конкретных учреждениях. Данные буклеты должны быть информативны, удобны и содержать основную информацию (название, суть меры (например, сумму выплаты), где получить, какие условия, контакты для консультации).

В-третьих, мы предлагаем вести учет молодых семей, указанных на Рисунке 2.3.8 и производит персональное информирование их о возможных мерах поддержки соответствующими органами, ответственными за реализацию конкретных мер для конкретных групп молодых семей. Такая адресная информация, в совокупности с консультацией о возможностях и условиях получения льгот и услуг, будет способствовать доведения помощи для действительно нуждающихся семей, снизит риск исключения их из информативного пространства, повысит открытость социальной политики и прозрачность ее деятельности.

Таким образом, анализ проблем формирования и реализации матримониальных стратегий региональной молодежи в контексте государственной социальной и молодежной политики позволил установить, что матримониальные стратегии молодежи находят поддержку на разных уровнях государственной политики, охватывая не только федеральный, но и региональный, а также муниципальный уровни. Содействие матримониальным стратегиям, ориентированное прежде всего на сохранение традиционных семейных ценностей, обеспечивается в рамках различных Федеральных законов, Программ, Концепций, Мероприятий. При этом, с учетом состояния современной демографической ситуации, данные мероприятия требуют значительного расширения преимущественно на региональном уровне, особенно в аспекте мотивации создания семьи среди молодежи. Для этого необходимо на законодательном уровне выделить именно *семью* как социальную группу, которой будет оказываться содействие, а также закрепить в нормативной документации такой вид семьи, как *молодая семья*, значительно расширив для данной категории перечень целевых программ и проектов, направленных на решение ее проблем и потребностей.

Данная точка зрения базируется на анализе результатов исследования, которые показали, что большую вовлеченность имеют мероприятия, направленные на формирование традиционных семейных ценностей, а наименьшую – мероприятия по поддержке молодых семей. Был определен ряд потребностей именно для молодых семей: потребность в получении информации о мерах поддержки молодых семей и по половому воспитанию (в исследовании зафиксирована недостаточность внимания к половому воспитанию молодежи); потребность в информировании молодых семей о мерах поддержки (не смотря на то что на сегодняшний день условия для создания семей и рождения детей в регионе достаточно благоприятные, о мерах поддержки осведомлены немногие молодые семьи). Самыми востребованными становятся ежемесячные пособия для детей, материнский капитал и единовременная выплата при рождении ребенка – это те меры, которые известны каждому, а вот о менее популярных возможностях, знают далеко не все.

На основании вышеизложенных результатов исследования работы были предложены рекомендации, направленные на изменение системы информирования молодых семей о мерах поддержки:

- создание единого информационного портал-канала в социальной сети Вконтакте «Молодая семья 31», где описаны все меры поддержки, которые могут получить как молодые, так и студенческие семьи;
- распространение информационных буклетов о мерах поддержки в органах ЗАГС и иных учреждениях, соприкасающихся с молодыми семьями;
- создание единого реестра молодых семей, входящих в группы социальной уязвимости и формирование системы персонального информирования их о возможных мерах помощи и поддержки через службы, ответственные за реализацию данных мер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итогом теоретического и эмпирического исследования, проведенного в рамках изучения матримониальных стратегий региональной молодежи, их трансформации и стратификации в условиях современной социальной ситуации, становятся следующие выводы.

Основой методологического обоснования изучения матримониальных стратегий стало определение ключевых проблемных демографических тенденций в области матримониальных показателей и характеристика теоретических подходов, формирующих фундамент концептуального видения матримониальных стратегий. Были определены негативные тенденции, связанные с повышением разводимости, понижением показателей брачности, детности, увеличением возраста первой репродукции и интервала между рожденьями детей. Данные тенденции, помимо демографических рисков, создают социальную ситуацию нормы для формирования матримониальных стратегий молодежи, тем самым, становясь дополнительным препятствием для выбора ими эффективных матримониальных стратегий.

Рассмотрение методологических основ в изучении объекта и предмета исследования позволило сформулировать понятие матримониальных стратегий, и определить их как формируемый и реализуемый в определенных условиях комплекс матримониальных установок и мотивов, ценностных диспозиций, моделей поведения, жизненного планирования и выборов, связанных с матримониальными отношениями. Для их изучения был выбран комплексный подход, включающий аспекты институционального, структурно-функционального и деятельностного подходов, которые наиболее полно раскрывают специфику исследования матримониальных стратегий.

Институциональный подход позволил определить институт семьи и брака как основу системы воспроизводства человеческого капитала.

В рамках структурно-функционального аспекта комплексного подхода была построена *структурная модель матримониальных стратегий*, включающая три основных структурных блока – ценностно-мотивационный (матримониальные установки, ценности и мотивы, формирующие наборы факторов принятия матримониальных решений, матримониальные планы), поведенческий (поведенческие модели, реальный опыт матримониального поведения) и факторный (набор разнонаправленных факторов, влияющих на процесс формирования матримониальных ценностей, установок, мотивов, поведенческих моделей, осуществление жизненных матримониальных планов).

На основе деятельностного компонента комплексного подхода было введено понятие *воспроизводства матримониальных стратегий*, определяемого как циклично самоорганизованный процесс реализации этапов формирования матримониальных отношений в течении жизни индивида, с сохранением результатов каждого этапа в ресурсном, социальном и культурном капитале человека.

Для реализации исследовательских задач была разработана концепция исследования матримониальных стратегий региональной молодежи, включающая понятия эффективных и неэффективных матримониальных стратегий, рисков, потенциалов и характеристик среды их формирования, исследовательской модели матримониальных стратегий молодежи. В основе исследовательской модели определены структурная модель матримониальных стратегий, дополненная проблемно-оценочным комплексом, модель воспроизводства матримониальных стратегий, статическая данность, стратификационные характеристики и показатели матримониальных стратегий молодежи, динамические характеристики, тенденции и тренды, формирующие динамический ряд показателей.

Концептуальная модель исследования была верифицирована посредством исследований (авторского, при участии автора и в рамках вторичного анализа данных). Была дана социологическая оценка матримониального поведения и стратегий региональной молодежи в условиях трансформирующейся реальности и с позиции факторов стратификации. Были продиагностированы элементы ценностно-мотивационного комплекса матримониальных стратегий: определен ранг ценности семьи, предложена типология молодежи на основе матримониальных диспозиций по отношению к институту семьи, определены установки, факторы принятия решений и ценности матримониальных отношений.

Так, было определено, что ценность семьи стала более значимой для региональной молодежи (с 2020 года она переместилась с восьмого на второе место), что может быть связано с целым комплексом факторов: усилением воздействия социализационных институтов, поколенческой спецификой выборки, социальной ситуацией приграничного региона и усиленной миграцией молодежи из прифронтовой зоны.

Центральным звеном диагностической модели исследования стала типология молодежи, распределяющая их по матримониальным диспозициям отношения к институту семьи. Были выделены четыре типа (консервативный, либеральный, эгоцентричный и неформальный) и определено их распределение в региональном пространстве. Установлено, что традиционный тип превалирует среди региональной молодежи и по отношению к 2021 году есть устойчивая тенденция его роста.

В отражении такой характеристики среды как легитимность альтернативных матримониальных стратегий, была рассмотрена информированность и включенность молодежи в такие стратегии как безбрачие и чайлдфри (как стратегии, несущие основные демографические риски). Была обозначена проблема, связанная с высокими показателями информированности, включенности (по 12% для каждой идеологии), а также представленности приверженцев данных стратегий в ближнем окружении региональной молодежи.

Диагностика поведенческого комплекса матримониальных стратегий (произведенная на основании жизненного планирования) показала, что молодежь стала больше ориентироваться на брак (в трехгодичной динамике),

в меньше степени выбирать вариант, связанной с возможным безбрачием; повысилась ориентация и на рождение двух и более детей, уменьшились выборы, связанные с необязательным деторождением (потенциал чайлдфри). Наблюдается положительная динамика показателей включения себя (как родителя) в семью детей, но при этом динамика включения собственных родителей в свою семью отсутствует, что нивелируется высокими показателями обязательного и положительного выбора (согласия) принять родителей в свою семью в их старости (41,2% и 78,3%) и достаточно низким процентом необязательного выбора по этому жизненному шагу (21,7%). Показатели поведенческого комплекса становятся деятельностными индикаторами проявления традиционных семейных ценностей, демонстрируемых в ценностно-мотивационном комплексе матримониальных стратегий молодежи.

На основе факторного комплекса матримониальных стратегий были определены наиболее актуальные агентные модели, для анализа специфики проявления матримониальных стратегий в различных группах молодежи и определения наиболее значимых факторов различия (гендерная, возрастная (поколенческая и статусная), поселенческая, экономическая). Построение таких агентных моделей позволило установить, что наибольшую вероятность в построении эффективных матримониальных стратегий демонстрируют мужчины, сельская молодежь и молодые люди, относящиеся к группе экономически благополучных (либо имеющие семьи с высоким доходом).

Типы молодежи по матримониальным диспозициям были рассмотрены в системе социального жизненного планирования. Для каждого типа были определены диспозиции и жизненные планы по 12 ведущим социальным стратегиям, что позволило построить их расширенные социальные портреты, определить проблемные точки в соответствии с представленностью каждого типа в региональном пространстве.

Для реализации проблемно-оценочного блока исследовательской модели была дана оценка формирования и реализации матримониальных стратегий региональной молодежи в контексте государственной социальной и молодежной политики. Была вскрыта серьезная проблема с информированностью молодежи и молодых семей конкретно о достаточно широком спектре мер существующей поддержки для разных типов семей в их проблемных социальных ситуациях. Используемость мер позволила увидеть предварительный социальный портрет молодых семей региона. Эффективность мер показала, что на данный момент они недостаточно оценены со стороны семей, в том числе и по причине низкой информированности о них, и, возможно, трудности получения предлагаемой помощи и льгот.

Комплексная оценка программ, мер и мероприятий поддержки молодых семей на разном уровне обусловила предложения по повышению уровня информированности молодежи о вариантах и способах получения такой поддержки. Данные предложения сконцентрировались в трех основных направлениях:

- создание единого информационного портал-канала в социальной сети Вконтакте «Молодая семья 31», где будут предложены все меры поддержки, которые могут получить молодые семьи;

- распространение информационных буклетов о мерах поддержки в органах ЗАГС и иных учреждениях, соприкасающихся с молодыми семьями;

- создание единого реестра молодых семей, входящих в группы социальной уязвимости и формирование системы персонального информирования их о возможных мерах помощи и поддержки через службы, ответственные за реализацию данных мер.

Проведенные теоретические и эмпирические исследования обусловили выбор возможных направлений дальнейшего изучения матримониальных стратегий молодежи:

- необходимость создания и ежегодного проведения комплексного социологического мониторинга матримониальных стратегий региональной молодежи, на основе концептуальной исследовательской модели, предложенной автором. Такой мониторинг будет способствовать получению системной информации, отслеживанию проблемных тенденций и предложению мер превентивного или коррекционного реагирования в случае повышения риска выбора молодежью неэффективных матримониальных стратегий;

- проведения межрегиональных исследований матримониальных стратегий, для проведения сравнительного анализа и подтверждения проблемных тенденций или потенциалов ситуации формирования и реализации матримониальных стратегий молодежи;

- углубленное изучение приверженности и понимания молодежью альтернативных матримониальных стратегий, их жизненного планирования в случае возможного выбора. На основе полученных данных необходимо создание мер реагирования, в том числе и через социализационные институты, проведения разъяснительных работ среди молодежи и последствиях таких решений, не только для их индивидуального благополучия, но и для будущего государства;

- предложение диагностических инструментов контроля эффективности мероприятий, мер и программ поддержки молодых семей, а также предлагаемых форм воспитательной работы по формированию традиционных семейных ценностей, со стороны непосредственно молодежи и молодых семей.

Таблица – Стратификация матримониальных жизненных планов региональной молодежи

130

Жизненные планы	Варианты	Мужчины	Женщины	Средний город – областной центр	Небольшой город – районный центр	Поселок, сельское поселение	Учащаяся молодежь	Студенческая молодежь	Работающая молодежь	Высокий уровень ЭД	ЭД выше среднего	Средний уровень ЭД	ЭД ниже среднего	14-15	16-17	18-21	22-25	26-30	31-35
Вступить в брак	Обязательно	59,8	55,8	56,9	56,3	59,1	57,5	57	58,3	65,2	59,6	53,6	42,6	54,4	61,8	56,2	58,1	55,9	60,3
	Желательно	28,3	30,9	29,5	32,3	28,4	30,4	29,8	28,8	24,4	28,7	33,5	31,3	32,6	29,5	29,1	30,3	30	27,7
	Не обязательно	11,9	13,3	13,6	11,4	12,5	12,1	13,2	13	10,4	11,7	12,9	26,1	13	8,7	14,7	11,6	14	12
Иметь одного ребенка	Обязательно	51,4	46,9	48,6	47,1	50,2	48,1	49,4	48,4	54,7	51,4	45,2	33,4	44,6	52,2	48,6	51,9	46,3	46,9
	Желательно	34	35	34,9	36,7	32,4	36,7	32,5	34,5	30,4	34,3	36,8	36,2	39,8	35,4	32	31,7	37,7	37,1
	Не обязательно	14,6	18,1	16,5	16,2	17,4	15,2	18	17,1	14,9	14,4	18	30,4	15,6	12,4	19,4	16,4	16	16
Иметь двух детей	Обязательно	36,2	26,1	31,7	29,1	28,7	33	25,1	34,6	40,5	31,4	25,2	20,4	34,8	32,5	24,9	33,5	28,7	41,1
	Желательно	34,2	36,3	33	36,8	38	32,7	38,1	35,7	30,4	36	37,8	32,2	31,7	34,4	36,9	35,4	43,8	30,9
	Не обязательно	29,7	37,6	35,3	34	33,3	34,3	36,8	29,7	29	32,5	37	47,4	33,6	33,2	38,1	31,1	27,5	28

Приложение 1

ПРИЛОЖЕНИЯ

Жизненные планы	Варианты	Мужчины	Женщины	Средний город – областной центр	Небольшой город – районный центр	Поселок, сельское поселение	Учащаяся молодежь	Студенческая молодежь	Работающая молодежь	Высокий уровень ЭД	ЭД выше среднего	Средний уровень ЭД	ЭД ниже среднего	14-15	16-17	18-21	22-25	26-30	31-35
Жить совместно со своими детьми в старости	Обязательно	22,8	10,6	18,4	13,6	13	22,2	9,3	14,8	26,7	17,2	9	11,6	22,8	24,5	9,1	14,7	10,7	17,7
	Желательно	21,2	15,3	16,6	18,3	18,7	19,9	14	20,4	19,1	16,6	17,2	23,7	24	16,5	14,2	16,9	19,3	27,1
	Не обязательно	56	74,1	65	68,1	68,3	57,9	76,7	64,8	54,2	66,3	73,8	64,7	53,2	58,9	76,8	68,4	70	55,1
Иметь более трех детей	Обязательно	23	10,3	19,1	13,3	11,7	22,8	8,5	14,3	26,5	17,6	8,3	11,6	24,8	23,8	8,4	14	10,5	17,4
	Желательно	17,1	13,8	14,6	15,8	15,3	15,6	13,5	17,5	15,4	14,8	14,8	18,5	18,1	14,3	12,3	16,1	19,8	22,3
	Не обязательно	59,9	75,9	66,3	70,9	72,9	61,6	78	68,1	58,1	67,6	76,9	69,9	57,1	61,8	79,3	69,9	69,7	60,3
Иметь трех детей	Обязательно	23,8	12,6	20,2	14,6	14,7	23	11,1	17,3	26,6	19,4	10,3	15,2	24	24,5	10,6	16,3	14,9	22,3
	Желательно	24,6	20,5	21,6	22,8	22,4	21,6	20,9	25,9	21,6	21,5	23,1	21,9	22,5	21,1	19,9	23,7	29,8	29,1
	Не обязательно	51,7	66,9	58,2	62,6	63	55,4	68	56,8	51,7	59,1	66,6	62,9	53,5	54,4	69,4	60,1	55,4	48,6

Таблица – Информированность, используемость и оценка эффективности мер поддержки семей в регионе молодыми семьями

Меры поддержки семей	Информированы			Воспользовались			Эффективность
	18-24 года	25-35 лет	18-35 лет	18-24 года	25-35 лет	18-35 лет	
Ежемесячное пособие на ребенка, гражданам, имеющим детей (в установленном размере – 427 руб.; на детей одиноких матерей – 855 руб.; на детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, на детей-инвалидов – 1886 руб.; на военнослужащих, проходящих военную службу по призыву – 958 руб.; на детей из многодетных семей – 649 руб.; на детей-инвалидов одинокой матери – 8 698 руб.)	14,2	23,3	22,2	11,6	19,3	18,8	5,8
Ежемесячное пособие одинокой матери, воспитывающей ребенка-инвалида (один ребенок-инвалид – 10 000 руб.; два ребенка-инвалида – 15 000 руб.; три ребенка-инвалида – 20 000 руб.)	14,4	9,5	10,1	2,3	1,0	1,1	5,8
Ежемесячная денежная выплата 15 000 руб. на детей, страдающих фенилкетонурией и целиакией	3,7	2,4	2,5	2,8	0,2	0,4	2,3
Ежемесячная денежная выплата 12 592 руб. в случае рождения (усыновления) третьего ребенка или последующих детей до достижения ребенком возраста трех лет	11,6	19,4	18,5	7,4	14,3	13,8	10,9
Ежемесячная компенсация 700 руб. на приобретение продуктов детского питания семьям, имеющим детей в возрасте от 6 месяцев до 1,5 лет	9,3	28,4	26,1	7,4	21,3	20,4	5,1
Ежемесячная адресная материальная поддержка в размере 1 400 руб. студенческим семьям, имеющим детей, и одиноким матерям	6,0	4,1	4,3	5,6	0,6	0,9	2,5
Субсидии в размере 50% оплаты услуг связи за предоставление в постоянное пользование абонентской линии и за предоставление местного телефонного соединения, но не более чем 50% платы за указанные	4,0	4,3	4,3	1,9	0,8	0,9	2,2

услуги при абонентской системе оплаты (при условии пользования указанными услугами)							
Ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка (50%, 70% или 100% величины прожиточного минимума трудоспособного населения, установленной в регионе на дату обращения)	19,6	37,2	35,1	20,9	38,2	37,0	19,6
Единовременная выплата в связи с рождением пятого ребенка в размере 50 000 руб.	7,8	6,5	6,6	0,9	0,8	0,8	2,1
Ежегодная денежная выплата, приуроченная ко Дню России в размере 25 000 руб. (членам семей военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов государственной безопасности, федеральной службы безопасности, лиц, проходивших службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, погибших (умерших) при исполнении обязанностей военной службы или служебных обязанностей в районах боевых действий.	5,5	3,1	3,4	1,9	0,5	0,6	3,8
Ежегодная денежная выплата на приобретение школьной и спортивной формы для детей погибших (умерших) военнослужащих в размере 15 000 руб.	9,8	10,5	10,4	3,7	1,5	1,7	5,6
Региональный материнский (семейный) капитал в размере 90 570 руб.	19,1	19,7	19,7	5,6	7,7	7,5	14,7
Ежегодная выплата семьям участников СВО к началу очередного учебного года на детей, обучающихся в общеобразовательных организациях, реализующих программы начального общего, основного общего и/или среднего общего образования,	17,1	12,0	12,6	2,3	2,5	2,4	4,6

расположенных на территории Белгородской области в размере 15 000 руб.							
Единовременная выплата в размере 50 000 руб. при рождении женщинам, пострадавшим в связи с обстрелами со стороны вооруженных формирований Украины в период проведения СВО, проживающих в населенных пунктах Шебекинского городского округа или Грайворонского городского округа	5,8	5,3	5,4	1,9	6	7	4,7
Субсидия до 110 000 руб. отдельным категориям граждан, проживающим на территории Белгородской области, на покупку и установку газоиспользующего оборудования и проведение работ внутри границ их земельных участков	3,4	3,2	3,2	1,4	0,3	0,4	4,7
Единовременная выплата 100 000 руб. студенческим семьям, семьям аспирантов и ординаторов, родившим ребенка	8,8	6,0	6,4	5,1	0,4	0,7	4,4
Единовременная субсидия до 300 000 руб. на улучшение жилищных условий отдельным категориям семей, имеющих детей (БИК, ИЖС)	7,7	7,1	7,2	2,3	1,2	1,3	12,0
Единовременная выплата на улучшение жилищных условий женщинам, родившим двойню – 150 000 руб. или тройню – 300 000 руб.	11,4	7,9	8,3	3,7	1,3	1,5	6,6
Ежемесячная денежная выплата 3 000 руб. на питание каждого ребенка погибшего (умершего) военнослужащего в возрасте до 18 лет или до 23 лет	8,2	7,6	7,7	1,4	1,4	1,4	2,8
Ежемесячная выплата 3 000 руб. на питание каждого ребенка в возрасте до 18 лет или до 23 лет (при условии обучения по очной форме в образовательной организации)	7,8	7,9	7,9	6,5	3,9	4,1	10,4
Ежемесячная денежная компенсация на оплату жилого помещения и коммунальных услуг для многодетных семей и семей имеющих детей-инвалидов в размере 50% от платы за коммунальные услуги в пределах	8,7	18,5	17,3	5,1	10,1	9,8	7,8

регионального стандарта нормативной площади жилого помещения и нормативов потребления коммунальных услуг							
Компенсация в размере 50% общей стоимости обучения детей из многодетных семей, обучающихся по очной форме на платной основе по образовательным программам среднего профессионального образования в образовательных организациях, осуществляющих образовательную деятельность на территории Белгородской области	8,8	11,2	10,9	4,2	2,0	2,2	6,8
Компенсация в размере 50% стоимости обучения за весь период обучения детей из многодетных семей после получения ими образования на платной основе по образовательным программам среднего профессионального образования при условии трудоустройства по полученной профессии/ специальности в организации, расположенные на территории Белгородской области	7,4	8,8	8,7	4,2	1,5	1,7	7,1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаджанова, Э.Р. К вопросу о семейных ценностях: от античности к современности / Э.Р. Агаджанова, О.И. Ефимова // Симбирский научный вестник. – 2015. – № 2 (20). – С. 134-139
2. Антонов, А.И. Социология семьи / А.И. Антонов, В.М. Медков. – Москва: Изд-во МГУ, 2005. – 304 с.
3. Антонов, А.И. Микросоциология семьи / А.И. Антонов. – Москва: Nota Bene, 1998. – 360 с.
4. Антонова, Н.В. Брачный выбор: поворот к рационализации/ Н.В. Антонова, М.В. Щербакова // Дискуссия. – 2017. – № 8. – С. 44-47.
5. Аргентова, Т.Е. Семья повторного брака как феномен современной социальной жизни/ Т.Е. Аргентова, В.В. Колотилина // СибСкрипт. – 2014. – № 3 (59). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-povtornogo-braka-kak-fenomen-sovremennoy-sotsialnoy-zhizni>. – (Дата обращения: 11.05.2024).
6. Артамонова, А.А., Митрофанова, Е. Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев. – URL: [researchgate URL: https://www.researchgate.net/publication/332080467_Matrimonialnoe_povedenie_rossian_na_fone_drugih_evropejcev](https://www.researchgate.net/publication/332080467_Matrimonialnoe_povedenie_rossian_na_fone_drugih_evropejcev). – (Дата обращения: 11.05.2024).
7. Артёменко Е.К. Трансформация семейных ценностей белорусов в региональном контексте / Е.К. Артеменко // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2019. – № 3. – С. 51-58
8. Багирова А. П. Семья и родительство сквозь призму мнений студенток / А. П. Багирова, О. М. Шубат // Социологические исследования. – 2017. – № 7(399). – С. 126-131
9. Белинская, Д.В. Социальный портрет «чайлдфри» / Д.В. Белинская // Вестник Тамбовского университета. – 2018. – № 3. – С. 12-19.
10. Брак, совместная жизнь, брачный возраст: в поисках оптимальной модели // ВЦИОМ – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-vozzrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli>. – (Дата обращения: 11.05.2024).
11. Богданова, И.Н. Молодая семья как «ускользающий» социальный феномен в современных российских условиях / И.Н. Богданова, Я.В. Артамонова // Caucasian Science Bridge. – 2022. – № 3 (17). – С.74-82.
12. Бурдые, П. От правила к стратегиям / П. Бурдые. – Москва, 1994.
13. Бурдые, П. Земля и матримониальные стратегии // Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
14. Бурханова, Ф.Б. Семейные ценности населения Башкортостана на фоне других регионов/ Ф.Б. Бурханова// Социологическая наука и социальная практика. – 2021. – Т.9. – №2. – С. 115-130.
15. Буторина, Т.С. Ценности поколения Z / Т.С. Буторина, С.В. Ядренникова // Наука в современном информационном обществе: материалы XII международной научно-практической конференции, North

Charleston, USA, 19–20 июня 2017 года. – Том 2. – North Charleston, USA: CreateSpace, 2017. – С. 84-90

16. Васильев, Е.П. Статус молодой семьи в современном российском обществе: автореф. канд. социол. наук. / Е.П. Васильев. – Москва, 2007. – 28 с.

17. Вебер, М. Избранные произведения: пер. с нем / М. Вебер. – Москва: Прогресс, 1990. – 804 с.

18. Вишневский, А.Г. Демографическая модернизация России и ее противоречия / А. Г. Вишневский // Мир России. – 1999. – № 4. – С. 5-21.

19. Вишневский Ю.Р. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) / Ю.Р. Вишневский, Я.М. Ячменева // Образование и наука. –2018. –№5. –С. 125-141.

20. Вишневский Ю. Р. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи / Ю.Р. Вишневский, Я.В. Дидковская, О.Б. Зырянова// Женщина в российском обществе. – 2024. – № 1. –С. 40–55.

21. Воеводина, Ю.С. Незарегистрированный брак как социальный механизм формирования брачно-семейных отношений в российском обществе: методология социологического анализа: автореф. дис. канд. социол. наук. / Ю.С. Воеводина. –Москва, 2009. – 30 с.

22. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году. // Росстат – URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html. – (Дата обращения: 11.05.2024).

23. Галынская, Ю.С. Стратегическая основа укрепления института семьи в России / Ю.С. Галынская, В.В. Звягинцев// Социодинамика. – 2020. – № 9. – С. 30-45.

24. Гафизова, Н.Б. Восприятие бездетности современной молодежью (региональный аспект) / Н.Б. Гафизова, О.Е. Цалко // Женщина в российском обществе. – 2023. – № 2. – С. 120-132

25. Гидденс, Э. Девять тезисов о будущем социологии / Э. Гидденс // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – № 1. – С. 57-82

26. Гидденс, Э. Элементы теории структуризации / Э. Гидденс. – Москва: Акад. проект, 2003. – 525 с

27. Голод, С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ / С.И. Голод. – СПб: Петрополис, 1996. – 270 с.

28. Голод, С.И. Современная семья: плюрализм моделей / С.И. Голод // Социологический журнал. – 1996. – № 3-4. – С.15-20;

29. Голод, С.И. Состояние и перспективы развития семьи. Теоретико-типологический анализ. Эмпирическое обоснование/ С.И. Голод, А.А. Клецин. – СПб: филиал РАН, 1994. – 45 с.

30. Грицай, Л.А. Социальное измерение современного российского родительства / Л.А Грицай // Вестник Института социологии. – 2011. – № 2. – С. 187-201.

31. Григорьева, Е.В. Особенности системы семейных ценностей поколения Z / Е.В. Григорьева, Н.Р. Хакимова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – Т. 22. – № 4. – С. 982-991.
32. Гуд, У. Социология семьи // Социология сегодня: Проблемы и перспективы / У. Гуд. – Москва: Прогресс, 1965. – 150 с.
33. Гудков, Л. «Поколение Z»: молодежь времени путинского правления / Л. Гудков, Н. Зоркая, Е. Кочергина, К. Пипия, А. Рысева // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2020. – № 1-2 (130). – С. 21-121.
34. Гузенина, С.В. Причины браков и разводов глазами студенческой молодежи г.Тамбова / С.В. Гузенина, И.С. Кулакоова // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2020. – № 3 (80). – С. 94-104.
35. Гуринович, Л.А. Жизненное пространство работающей молодежи / Л.А. Гуринович, Е.В. Решеникова, П.П. Люберцев // Социология. – 2022. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennoe-prostranstvo-rabotayuschey-molodezhi>
36. Гурко, Т.А. Особенности брачного выбора россиян в начале 90-х / Т.А. Гурко // Семья в России. – 1997. – № 3. – URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=569>. – (Дата обращения: 11.05.2024).
37. Гурко, Т.А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин / Т.А. Гурко // СНИСП. – 2019. – №2 (26). – С.65-81.
38. Гурко, Т.А. Студенты-социологи о семье, гендере и отношении к родителям / Т.А. Гурко, А.Ю. Хромачева // Вестник института социологии. 2015. – № 4 (15). – С. 57-71.
39. Гурко, Т.А. Трансформация института семьи: постановка проблемы / Т.А. Гурко // Социологические исследования. – 1995. – № 10. – С. 31–54.
40. Дела семейные. [Электронный ресурс] // ВЦИОМ – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dela-semeinye>. – (Дата обращения: 11.05.2024).
41. Дидковская Я. В. Студенчество индустриальных регионов России: социальное самочувствие и образ будущего (на примере Свердловской области и Пермского края) / Я.В. Дидковская, Ю.Р. Вишневский, Д.В. Трынов // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. –2020. –№1. – С.8-23.
42. Дементьева, И.Ф. Отношение молодого поколения к семье как жизненной ценности / И.Ф. Дементьева // Социальная педагогика. – 2012. – № 1. – С. 97-103.
43. Демография [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области – URL: <https://31.rosstat.gov.ru/naselenie>. – (Дата обращения: 11.05.2024).
44. Демография // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

45. Добрович, А.Б. Фонарь Диогена: Из дневников психотерапевта / А.Б. Добрович. – Москва: Знание, 1981. – 119 с.
46. Долбик-Воробей, Т.А. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости / Т.А. Долбик-Воробей // Социологические исследования. – 2003. – № 11. – С.78-83.
47. Дружинин, В.Н. Психология семьи / В.Н. Дружинин. – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 199 с.
48. Дюпра-Куштанина, В.А. Женская бездетность и сценарии жизненного пути / В.А. Дюпра-Куштанина, С.Ю. Лутошина // Мир России. – 2014. – № 2. – С. 183-203.
49. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – Москва: Наука, 1991. – 572 с.
50. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – Москва, 1995. – 349 с.
51. Евграфова, Ю.А. Ценности современной молодежи и установки на семью и деторождение / Ю.А. Евграфова // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С.1213-1216.
52. Егорова, Н.Ю. Институционализация отношений сожителства: автореф. дис. канд. социол наук. / Н.Ю. Егорова. – Нижний Новгород, 2004. – 26 с.
53. Егорова Н.Ю. Практики студентов при выборе брачного партнера/ Н.Ю. Егорова // Коммуникативные практики современной молодежи: перспективы и вызовы. Материалы Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2022. – С. 305-308.
54. Егорова Н. Ю. Трансформации супружества в контексте семейных ценностей / Н.Ю. Егорова // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2017. – №2. – С.18-32
55. Егорова Н.Ю. Молодая семья в контексте социологических исследований / Н.Ю. Егорова, Е.Е. Кутявина // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики : Под редакцией С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской Т.К.. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Экон-Информ», 2019. – С. 146-151
56. Емельянова, Т.П. Партнерские отношения в браке: репрезентации двух поколений / Т.П. Емельянова, Д.А. Шмидт // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2019. – №. 4. – С. 63-79.
57. Жилаева, И.А. Факторы формирования брачно-семейных установок современной студенческой молодежи (на примере студентов Алтайского государственного университета) / И.А. Жилаева // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2015. – № 3-1. – С. 281-283.
58. Жуков, В.И. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития / В.И. Жуков // Социальная политика и социология. – 2014. – № 2 (103). – С. 7-28.
59. Журавлева, Л.А. Формирование демографической культуры молодежи как социальная проблема / Л.А. Журавлева, Е.В. Зарубина,

А.В. Ручкин, Н.Н. Симачкова, И.П. Чупина// Образование и право. – 2023. – № 11. – С. 407-413.

60. Завершинских, К. М. Изучение ценностных ориентаций молодежи как особой социально-демографической категории / К.М. Завершинских, А.В. Симонова // Гуманитарно-педагогические исследования. –2022. – № 3. – С. 33-48.

61. Захаров, С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т.М. Малевой, О. В. Синявской; Независимый ин-т социальной политики. – Москва: НИСП, 2007. – 175 с.

62. Зимонина, О.В. Ретроспектива семьи и семейных отношений в истории гуманитарных наук / О.В. Зимонина // Вестник БГУ. –2012. – № 1 (1). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektiva-semi-i-semeynyh-otnosheniy-v-istorii-gumanitarnyh-nauk>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

63. Зернов, Д.В. Овсянников, А.А. Молодежь на обломках СССР (1991-2013 гг.) / Д.В. Зернов, А.А. Иудин // Наука и школа. – 2015. – № 2. – С. 121-138.

64. Ильдарханова, Ч.И. Социальная реальность сельской семьи в Республике Татарстан: муниципальное измерение / Ч.И. Ильдарханова // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. –2014. –№4. – С. 23-34.

65. Ильдарханова, Ч.И. Российская модель брачности: возрастной и гендерный профиль (2011-2021 гг) / Ч.И. Ильдарханова, Г.Н. Ершова, Ю.Н. Ершова. // Народонаселение. –2024. –Т. 27. –№51. –С.5-16.

66. Ильиных, С.А. Типология семейного сознания студенческой молодежи: опыт социологического анализа / С.А. Ильиных // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. – 2014. – № 1 (14). – С. 50-57.

67. Исаев, А.В. Формирование семейных ценностей в студенческой среде (социологический анализ) / А.В Исаев, И.В Михалев, Е.А. Титова // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2022. – № 4. – С. 45-58.

68. Итоги Всероссийской переписи населения 2020. Том 9. Рождаемость. // Росстат – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том9_Rozhdaemost. – (Дата обращения: 11.05.2024).

69. Калачикова, О.Н. Модели репродуктивного поведения населения (на материалах Вологодской области) / О.Н Калачикова, А.В. Короленко // Народонаселение. – 2018. – № 4. – С. 109-121.

70. Каргаполова, Е.В. Семья как ценность современного общества (по итогам социологических исследований в Астраханской области Российской Федерации и в Республике Беларусь) / Е.В. Каргаполова, И.В. Лащук // Социологический альманах. – 2017. – № 12. – С.305-313.

71. Каргаполова, Е.В. Семья в социокультурном пространстве современного студенчества (на примере Уральского и Южного федерального

округов Российской Федерации) / Е.В. Каргаполова, А.А. Лукиянова, Ю.Г. Миронова, Б. С. Павлов // Современная семья: изменяющиеся смыслы и практики : Сборник научных трудов, Курск, 13–14 мая 2019 года. – КУРСК: Курский государственный университет, 2019. – С. 57-63.

72. Каримова, З.Х. Внебрачное репродуктивное поведение как объект социолого-демографического исследования автореф. дис. ... канд. социол. наук / З.Х. Каримова. – Москва, 2007. – 24 с.

73. Карцева, Л.В. Отношение жителей Татарстана к семейному образу жизни // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2018. – № 2 (50). – С. 58-66.

74. Касаркина, Е.Н. Трансформация традиций выбора брачного партнера в культуре эрзян: социологический анализ / Е.Н. Касаркина, Е.Е. Ледяйкина // Казанский педагогический журнал. – 2017. – № 2. – С. 184-189.

75. Касаркина, Е.Н. Готовность к браку и семейные ценности современной молодежи / Е.Н. Касаркина, Т.В. Соловьева, Д.А. Бистяйкина // Казанский педагогический журнал. – 2018. – № 6. – С. 208-212.

76. Касаркина, Е.Н. Семейные ценности современной городской молодежи в ракурсе национальных традиций Мордовии / Е.Н. Касаркина // Управление городом: теория и практика. – 2018. – № 4 (31). – С. 45-50.

77. Касаркина, Е.Н. Брачно-семейные установки и добрачные ценности финно-угорской молодежи современного города / Е.Н. Касаркина // Социология города. – 2014. – № 2. – С. 102-114.

78. Каминский, В.С. Семейные ценности молодежи Вологодской области (по материалам социологических опросов) / В.С. Каминский // Вестник Международной академии наук (Русская секция). – 2014. – № 1. – С. 72-75.

79. Кислов, А.Г. Отношение студенческой молодежи Свердловской области к феномену «чайлдфри» / А.Г. Кислов, И.В. Шапко // Научный диалог. – 2016. – № 2. – С. 362-373.

80. Кейзан Ж. Война против населения. Экономика и идеология контроля над народонаселением. Фрагменты книги. – URL: <http://old.portal-slovo.ru/rus/pedagogies/208/48771&part=2>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

81. Куликова, Т.И. Причины разводов в молодых семьях // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки: Материалы V Международной научно-практической конференции, Тула, 20-21 ноября 2019 года / Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2019. – С. 4-5.

82. Клёцин, А.А. Внебрачные и альтернативные (немодальные) семьи: формы и содержание / А.А. Клёцин // Рубеж (альманах социальных исследований). – 1994. – № 5. – С. 166-179.

83. Коблева, З.Х. Гендерный диссонанс в условиях незарегистрированных брачных отношений в современной молодежной среде / З.Х. Коблева, И.А. Каратабан, Н.К. Губжокова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 6. – С. 31-35.

84. Ковалева, А.В. Трансформация понятия «гражданский брак» как проявление кризиса семейно-брачных отношений автореф. дис. канд. социол. наук. / А.В. Ковалева. – Хабаровск, 2009. – 22 с.

85. Ковалевский, М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / М.М. Ковалевский. – Москва: Соцэкгиз, 1939. – 188 с.

86. Ковальчук, И.А. Приоритетность традиционных семейных ценностей для современной российской молодежи / И.А. Ковальчук // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 4. – С. 65-68.

87. Коллонтай, А.М. Труд женщины в эволюции хозяйства / А.М. Коллонтай. – Москва, 1919.

88. Конституция РФ // Консультант плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lwhmp8zuly910254318. – (Дата обращения: 11.05.2024).

89. Конт, О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении) / О. Конт. – СПб: Вестник знания, 1910. – 76 с.

90. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2025 года // ГАРАНТ – URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?ysclid=lwhnuhk9ny249193201>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

91. Концепция государственной семейной политики на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых документов. – URL: <http://static.government.ru/media/files/MyVeIiu5Nu8.pdf>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

92. Косинцева, Т.Д. Жизненный мир российской студенческой молодежи / Т.Д. Косинцева, А.А. Колтунова // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2017. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennyu-mir-rossiyskoj-studencheskoj-molodezhi>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

93. Крупницкая, О.Е. «Поколение Z»: онлайн-привычки и ценностные ориентиры // Философия. Политология (МНСК-2021): Материалы 59-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 12–23 апреля 2021 года. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2021. – С. 11-12.

94. Ле-Пле, Ф. Основная конституция человеческого рода / Ф. Ле-Пле. – Москва: Либроком, 1897. – 235 с.

95. Лексин, В.Н. Идеологические основы упадка современного института семьи / В.Н. Лексин // Общественные науки и современность. – 2011. – № 2. – С. 29-42.

96. Ленин, В.И. Международный день работниц // В.И. Ленин. полн. собр. соч. Т. 40. – Москва: Политиздат. – 64 с.

97. Лидовская, Н.Н. Взаимоотношения супругов в незарегистрированном браке автореф. дис. ... канд. психол. Наук. / Н.Н. Лидковская. – Санкт-Петербург, 2007. – 24 с.

98. Литвина А.Ф. Знатная вдова в средневековой Скандинавии и на Руси: матримониальные стратегии и легенды власти / А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский // Палеороссия. – 2014. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znatnaya-vdova-v-srednevekovoy-skandinavii-i-na-rusi-matrimonialnye-strategii-i-legendy-vlasti>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

99. Ломакин И.В. Чайлдфри или добровольно бездетные? к переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России / И.В. Ломакин // Мониторинг. – 2019. – № 6 (154). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chayldfri-ili-dobrovolno-bezdetnye-k-pereopredeleniyu-kontseptualnogo-polya-issledovaniy-ne-roditelstva-v-rossii>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

100. Малимонов, И.В. Проблема брачного поведения студенческой молодежи / И.В. Малимонов, Л.Г. Король, И.Г. Синьковская, Д.В. Рахинский // Russian Journal of Education and Psychology. – 2015. – № 10. – С.202-219.

101. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб: Питер, 2004. – 351 с.

102. Маленова, А.Ю. Развод в структуре брачно-семейных установок молодежи / А.Ю. Маленова, Д.Н. Стойко // Инновационный потенциал молодежи: культура, духовность и нравственность: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 2–6 декабря 2019 г.). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. – С. 223-229.

103. Маленова, А.Ю. Особенности мотивации брачно-семейных отношений представителей разных поколений / А.Ю. Маленова, Ю.А. Дружинина // ОмГУ. – 2010. – № 2. – С. 39-51.

104. Матисон, А.В. Матримониальные стратегии православного духовенства Центральной России в конце XVIII века (по материалам Тверской епархии) / А.В. Матисон. – Москва: Старая басманная, 2018. – 171 с.

105. Морозова Е.А., Сорокина Т.Ю. Традиционная семья и ее взаимосвязь с брачно-семейными установками и личностными качествами молодежи (г. Самара) // Межвузовская Ассоциация «Покров» – URL:http://www.pokrovforum.ru/action/scien_pract_conf/pokrov_reading/sbornik_2008-2009/txt/28_morozovasorokina.php. – (Дата обращения: 11.05.2024).

106. Мэнтинг, Д. Семья современности: социологический аспект / Д. Мэнтинг. – Москва, 2019. – 120 с.

107. Мингалева, Н.В. Социологическая характеристика репродуктивного поведения городской молодежи / Н.В. Мингалева, Б.Р. Гонежукова, А.О. Чахочн // Социология города. – 2011. – № 1. – С. 11-15.

108. Миронова, Ю.Г. Матримониальные отношения в молодой семье: гендерный анализ / Ю.Г. Миронова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/matrimonialnye-otnosheniya-v-molodoy-semie-gendernyy-analiz>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

109. Миронова, Ю.Г. Особенности матримониального поведения современной молодежи / Ю.Г. Миронова // Дискуссия. – 2016. – № 4 (67). – С. 106-112.

110. Миронова, Ю.Г., Тырнова, Н.А. Представления о родительстве в структуре матримониального поведения современной студенческой молодежи / Ю.Г. Миронова, Н.А. Тырнова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – № 10. – С. 36-40.

111. Михеева, А.Р. Сожительства и внебрачная рождаемость: признаки кризиса или стабильности социального института семьи? / А.Р. Михеева // Семья в новых социально-экономических условиях. Материалы международной научно-практической конференции, Н. Новгород. – С. 127.

112. Морган, Л. Древнее общество / Л. Морган. – Москва, 1983. – 360 с.

113. Немгирова, С.Н. Гендерные различия в ценностных ориентациях молодежи / С.Н. Немгирова // Вестник ИКИАТ. – 2023. – №46. – С. 56-62.

114. Новоселова, Е.Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России / Е.Н. Новоселова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2012. – № 1. – С. 99-110.

115. Обозов, Н.Н. Как назвать наши отношения / Н.Н. Обозов. – Москва: Юрайт, 2001. – 89 с.

116. Павлов, Б.С. Добрачное матримониальное поведение российских студентов как предмет социологического анализа / Б.С. Павлов, Е.Н. Икингрин, Е.И. Пронина // Socio Time / Социальное время. – 2018. – № 4(16). – С. 64-82.

117. Павлов, Б.С. Матримониальная социализация тинейджеров в родительской семье: непреложные задачи и досадные препятствия (по результатам опросов на Урале в 2000-2020 гг.) / Б.С. Павлов, И.Н. Пронина, Л.П. Бердник, Д.А. Сарайкин // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2020. – № 4. – С. 23-39.

118. Павлов, Б.С. Супружеская ссора как предмет социологического анализа / Б.С. Павлов, И.Н. Разикова // Дискуссия. – 2013. – №3 (33). – С.68-75.

119. Парсонс, Т. Социальное взаимодействие / Т. Парсонс. – Москва: Акад. проспект, 1997. – 830 с.

120. Пищик, В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности / В.И. Пищик // Соц. психология и общество. – 2011. – № 2. – С. 80–88.

121. Пельменева, С.П. Культура матримониального поведения как социальный феномен / С.П. Пельменева // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2010. – № 8. – С. 110.

122. Поймалов, А.В. Репродуктивное поведение молодой семьи: социологический анализ автореф. дис. ... канд. социол. наук. / А.В. Поймалов. – Пенза, 2010. – 25 с.

123. Позняков, В.П. Психологические факторы перехода от отношений незарегистрированного брака к семейным отношениям / В.П. Позняков, Ю.М. Панфилова // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-factory-perehoda-ot-otnosheniy-nezaregistrovannogo-braka-k-semeynym-otnosheniyam>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

124. Попеное Д. Упадок американской семьи (1969 – 1990): обзор и оценка / Д. Попеное // Вестн. МГУ. Сер. Социология и политология. – 1996. – № 3. – С. 71.

125. Пырма, Р.В. Восстание поколения Z: новые политические радикалы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2017. – № 2 (26). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vosstaniepokoleniya-z-novye-politicheskie-radikaly>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

126. Рожкова, Л.В. Семейные ценности современной молодежи / Л.В. Рожкова, А.Ш. Дубина // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2023. – №2. – С.139-142.

127. Романова, И.В. Чайлдфри в контексте трансформации семейных отношений / И.В. Романова, О.О. Жанбаз // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2014. – № 12 (115). – С.89-97.

128. Романова, Е.В, Хвалина, Н.А. Причины распада молодых семей // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки: Материалы V Международной научно-практической конференции, Тула, 20–21 ноября 2019 года / Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2019. – С. 133-134.

129. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: <http://government.ru/docs/all/93887/> – (Дата обращения: 11.05.2024).

130. План мероприятий по реализации основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденных распоряжением правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. // ГАРАНТ – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/?ysclid=lxkk8y7bj9631422794>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

131. Постановление Правительства Российской Федерации № 369 от 09.03.2023 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам жилищного (ипотечного) кредитования граждан Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303100027>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

132. Ростовская Т.К. Особенности матримониального поведения российской молодежи / Т.К. Ростовская // Человек в мире культуры. – 2015. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-matrimonialnogo-povedeniya-rossiyskoj-molodezhi> – (Дата обращения: 11.05.2024).

133. Ростовская Т.К. Мотивы вступления в брак: анализ сквозь призму гендера / Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева, О.А. Золоторева // Научный результат. Социология и управление. – 2021. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-vstupleniya-v-brak-analiz-skvoz-prizmu-gendera> – (Дата обращения: 11.05.2024).

134. Ростовская, Т.К. Особенности матримониального поведения российской молодежи / Т.К. Ростовская // Человек в мире культуры. – 2015. – № 3. – С. 46 -52.

135. Рощина, Я.М. Брачный рынок в России: выбор партнера и факторы успеха / Я.М. Рощина, С.Ю. Рощин. – Москва: ГУ ВШЭ, 2006. – 60 с.

136. Руднева, М.Я. Мотивация создания и функционирование молодой семьи в современной России: на материалах Московской области автореф. дис. ... канд. социол. наук / М.Я. Руднева. – Москва, 2006. – 22 с.

137. Русанова, А.А. Семья как ценность и институт социального самоопределения студенческой молодежи / А.А. Русанова // Russian Journal of Education and Psychology. – 2012 – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-tsennost-i-institut-sotsialnogo-samoopredeleniya-studencheskoy-molodezhi/viewer>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

138. Савельев, Ю.М. Взаимосвязь ответственности в семейном праве с иными видами юридической ответственности / Ю.М. Савельев // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 2 (29). – С. 59-62.

139. Саралиева, З.Х.М. Нижегородская семья. Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития / З.Х.М. Саралиева. –Н. Новгород; Изд-во НИСОЦ, 2008. – 583 с.

140. Саралиева З.Х.М. Брак и семья студентов в условиях трансформации / З.Х.М. Саралиева, Егорова Н.Ю., Рябинская Е.С. // Вестник южно-российского государственного технического университета (НПИ). Серия: социально-экономические науки. – 2022. –Т.15, №1. – С. 193-208

141. Саяпина, Н.Н. Тюкина, А.А. Выявление социально-психологических особенностей у юношей и девушек в выборе брачного партнера / Н.Н. Саяпина, А.А. Тюкина // Russian Journal of Education and Psychology. – 2013. – № 2 (22). – С.63-71.

142. Свадьбина, Т.В., Любимова, А.Б. Современная семья: методология, проблемы, перспективы: монография / Т.В. Свадьбина, А.Б. Любимова. – Н. Новгород: НГПУ, 2005. – 211 с.

143. Сивоплясова, С.Ю. Репродуктивные уставки молодежи на многодетность: закономерности и противоречия / С.Ю. Сивоплясова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. –2022. – Т.15. –№1. –С. 223-242

144. Сигарева, Е.П. Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России / Е.П. Сигарева, С.Ю Сивоплясова // Научный результат. Социология и управление. –2022. –Т.8. – №1. –С. 68-91.

145. Сигарева, Е.П. Особенности брачных, семейных и миграционных намерений современной молодежи российского Кавказа / Е.П. Сигарева, С.Ю Сивоплясова, С.И. Муртузалиев // Социодинамика. – 2018. – № 11. – С. 33-44.

146. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 223-ФЗ: [принят Государственной Думой 29 декабря 1995 года: одобрен

Советом Федерации 12 марта 1998 года. ред. от 31.07.2023]. – Москва: Проспект, 2023. – 61 с.

147. Социальный кодекс Белгородской области // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов – URL:<https://docs.cntd.ru/document/469022331?ysclid=lwkk0h2q2a344961820>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

148. Социальный контракт области // Программа оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта. – URL:<https://sockontrakt.belregion.ru/?ysclid=lwkkylqvgq144234102>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

149. Социология молодежи: учебник / под ред. В.Т. Лисовского. – СПб. 1996. – URL: <http://book.tr200.net/v.php?id=1862893>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

150. Скрыбина, Я.А. Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформационной российской экономики автореф. дис. ... канд. эконом. Наук / Я.А. Скрыбина – Екатеринбург, 2011. – 26 с.

151. Солодников, В.В. Социально дезадаптивная семья в контексте общественного мнения / В.В. Солодников// Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С.76-85.

152. Софронова, Т.Г. Матримониальное поведение студенческой молодежи в России: автореферат дис. ... кандидата экономических наук. / Т.Г. Софронова. – Москва, 2011. – 25 с.

153. Стратегия молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года // Минобрнауки – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/28d/hyihn9b0mm2iafi1yfokx52хун3us4ku.pdf>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

154. Стронгин, Р.Г. Семейная политика: проблемы и перспективы / Р.Н. Стронгин, Н.Р. Стронгина. – Н.Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1999. – 31 с.

155. Сысенко, В.А. Психодиагностика супружеских отношений / В.А. Сысенко. – Москва, 1998. – 109 с.

156. Тавит, А.Ю. Целостные ориентации лиц, вступающих в брак // Проблемы семьи. – Тарту: ТГУ, 2014. – 132 с.

157. Тихомиров, Д.А. Динамика отношения московской молодежи к сожительству (на основе эмпирических исследований 2009-2017 гг.) / Д.А. Тихомиров// Закон. Понимание. Умение. – 2018. – № 3. – С. 122-131.

158. Тихомиров, Д.А. Добрачные сожительства в Москве как новая составляющая матримониального поведения молодежи / Д.А. Тихомиров // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 3. – С. 106.

159. Тлемешок, В.Р. Представления современной молодежи о семейно-брачных отношениях / В.Р. Тлимашок, Н.Ф. Дианова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-sovremennoy-molodezhi-o-semeyno-brachnyh-otnosheniyah>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

160. Устинова, О.В. Репродуктивные установки в современном российском обществе / О.В Устинова // Социология. – 2022. – № 5. – С. 72-79.

161. Федеральный закон №256-ФЗ от 29.12.2006 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Консультант плюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/?ysclid=lwhmqis5yb808717565. – (Дата обращения: 11.05.2024).

162. Федеральный закон №489-ФЗ от 30 декабря 2020 г. «О молодежной политике в Российской Федерации» // ГАРАНТ. – URL: <https://base.garant.ru/400156192/?ysclid=lxisrvjyiv330160044>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

163. Федеральный план правительства Российской Федерации от 26 декабря 2023 года № 21515-П45-ТГ // Год семьи. 2024. – URL: <https://xn--2024-u4d6b7a9f1a.xn--p1ai/documents/265>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

164. Фролова Ю.В. Имитационная модель формирования брачных пар / Ю.В. Фролова // МСМ. – 2001. – № 1 (7). – С. 85-92.

165. Харчев, А. Г. Социология семьи: проблемы становления науки. / А.Г. Харчев. – Москва ПИК ВИНТИ, 2003. – 339 с.

166. Харчев, А.Г. Современная семья и ее проблемы / А.Г. Харчев, М.С. Мацковский. – Москва: Статистика, 1978. – 224 с.

167. Целуйко, В.М. Современная семья: социально-психологические и этические проблемы / В.М. Целуйко. – Волгоград: Гос. учеб. учреждение Волгогр. ин-т молодеж. политики и социал. работы 2001. – 233 с.

168. Чернова, Ж.В. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России / Ж.В. Чернова, Л.П. Шпаковская // Laboratorium. Журнал социальных исследований. Гендерные отношения в приватной сфере: постсоветские трансформации семьи и интимности. – 2010. – № 3. – С. 22.

169. Чистякова, Т.С. Информационный ресурс в стратегиях добрачных практик современной молодежи автореф. дис. канд. социол. наук. / Т.С. Чистякова. – Нижний Новгород, 2008. – 21 с.

170. Чистякова, Т.С. Ценность информации в ситуации выбора брачного партнера / Т.С. Чистякова // Социология и социальная работа. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2007. – № 3 (8). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennost-informatsii-v-situatsii-vybora-brachnogo-partnera>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

171. Чуев С.В. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодёжной политики: результаты исследования: монография / С.В. Чуев. –Москва: Издательский дом ГУУ, 2017. – 131 с.

172. Шаповалова, И.С. Социальные стратегии молодежи: есть ответы на все вопросы // Социодиггер. – URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/socialnye-strategii-molodezhi-est-otvety-na-vse-voprosy>. – (Дата обращения: 11.05.2024).

173. Шингаркина, Д.А. Изучение представлений современной студенческой молодежи о браке / Д.А. Шингаркина // Вектор науки ТГУ. – 2012. – № 2 (20). – С. 192.
174. Шевченко, А.Н. Семья в условиях трансформации современного российского общества: социологический анализ автореф. дис. канд. социол. наук / А.Н. Шевченко. – Новочеркасск, 2011. – 25 с.
175. Шевцова, Е. В. «Бумеры» и «миллениалы»: жизненные стратегии, политические установки и цифровизация / Е.В. Шевцова // Развитие территорий. – 2021. – № 3 (25). – С. 46-52.
176. Шестаков, К.А. Аксиологический фактор репродуктивного поведения россиян тема автореф. канд. социол. наук. / К.А. Шестаков. – Москва, 2010. – 26 с.
177. Шеховцов, Е.В. Современная российская студенческая семья: социокультурный анализ автореф. канд. социол. наук. / Е.В. Шеховцов. – Ставрополь, 2009. – 22 с.
178. Шнейдер, Л.Б. Основы семейной психологии / Л.Б. Шнейдер. – Москва: Юрайт, 2000. – 300 с.
179. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс. – Москва: Политиздат, 1985. – 222 с.
180. Якупова, О.В. Особенности студенческой молодежи / О.В. Якупова // Система ценностей современного общества. – 2009. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-studencheskoy-molodezhi> – (Дата обращения: 11.05.2024).
181. Becker, G.S. A Treatise on the Family. Cambridge. – MA, 1981.
182. Buhler C. The human course of life in its goal aspects // Journal of Humanistic Psychology. – 1964. – № 1. – Pp. 1-18.
183. Childfree by Choice: The Movement Redefining Family and Creating a New Age of Independence. – URL: https://www.researchgate.net/publication/346026464_Childfree_by_Choice_the_Movement_Redefining_Family_and_Creating_a_New_Age_of_Independence. – (дата обращения: 11.05.2024).
184. Jean, E. Veevers. Childless by Choice. – Butterworths, 1980. – P. 20.
185. Murstein, B.J. Mate selection in 1970s // Journal of Marriage & the family. – 1980. – V. 42. – №. 4. – P. 61.
186. Hetherington, E.M. Coping with Divorce, Single-Parenting, and Remarriage: A Risk and Resiliency Perspective. – Mahwah, NJ. – 1999. – P. 56.

*Научное электронное издание
сетевого распространения*

**Благорожева Жанна Олеговна
Шаповалова Инна Сергеевна**

**МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ**

Монография

Публикуется в авторской редакции

Выпускающий редактор: В.С. Берегова

Подписано к использованию 30.09.2025.

Гарнитура Times New Roman. Объем издания – 4,1 МБ
Оригинал-макет подготовлен в ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48